

ISSN 2223-4047

ВЕСТНИК

МАГИСТРАТУРЫ

3-4, 2026

научный журнал

ВЕСТНИК 3-4 (174) **МАГИСТРАТУРЫ** 2026

Научный журнал

издается с сентября 2011 года

Учредитель:

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65 – 44-01.
e-mail: magisterjourn@gmail.com.
<http://www.magisterjournal.ru>.
Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Распространяется бесплатно.
Дата выхода: 31.03.2026 г.
ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Главный редактор Е. А. Мурзина

Редакционная коллегия:

Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (главный редактор).

А. В. Бурков, д-р. экон. наук, доцент (г. Йошкар-Ола).
В. В. Носов, д-р. экон. наук, профессор (г. Москва)
В. А. Карачинов, д-р. техн. наук, профессор (г. Великий Новгород)
Н. М. Насыбуллина, д-р. фарм. наук, профессор (г. Казань)
Р. В. Бисалиев, д-р. мед. наук, доцент (г. Астрахань)
В. С. Макеева, д-р. педаг. наук, профессор (г. Орел)
Н. Н. Сентябрев, д-р. биолог. наук, профессор (г. Волгоград)
Н.С. Ежкова, д-р. педаг. наук, профессор (г. Тула)
И. В. Корнилова, д-р. истор. наук, доцент (г. Елабуга)
А. А. Чубур, канд. истор. наук, профессор (г. Брянск).
М. Г. Церцвадзе, канд. филол. наук, профессор (г. Кутаиси).
Н. В. Мирошниченко, канд. экон. наук, доцент (г. Саратов)
Н. В. Бекузарова, канд. педаг. наук, доцент (г. Красноярск)
К. В. Бугаев, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск)
Ю. С. Гайдученко, канд. ветеринарных наук (г. Омск)
А. В. Марьяина, канд. экон. наук, доцент (г. Уфа)
М. Б. Удалов, канд. биолог. наук, науч. сотр. (г. Уфа)
Л. А. Ильина, канд. экон. наук. (г. Самара)
А. Г. Пастухов, канд. филол. наук, доцент, (г. Орел)
А. А. Рыбанов, канд. техн. наук, доцент (г. Волжский)
В. Ю. Сапьянов, канд. техн. наук, доцент (г. Саратов)
О. В. Раецкая, канд. педаг. наук, преподаватель (г. Сызрань)
А. И. Мосалёв, канд. экон. наук, доцент (г. Муром)
С. Ю. Бузоверов, канд. с-хоз. наук, доцент (г. Барнаул)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.Н. Казачкин ОСАДОК СТАНЦИЙ ОБЕЗЖЕЛЕЗИВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК СЫРЬЯ ДЛЯ НЕФТЕСОРБЕНТОВ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 4

Д.А. Кособоров ОСОБЕННОСТИ И АНАЛИЗ ВОДООТВЕДЕНИЯ СТОЧНЫХ ВОД НПЗ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ 8

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ван Мяо ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВНЕДРЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ И ВОЛОНТЁРСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ОПЫТА 12

Ли Лилу ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ СКАЗОК И ИХ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ 15

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.С. Ордубаева ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БАНКА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЭКОНОМИКЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 17

М.В. Воронин СКРЫТЫЕ РЕЗЕРВЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА 20

Уоамбок Сабинди Линн Карелл ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КОМПАНИЙ НА ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОМ РЫНКЕ КАМЕРУНА 23

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.И. Лысова ОПЫТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОГБУ «ОКТЯБРЬСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ»..... 26

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.М. Хомушку ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ 28

А.А. Тушканов ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОХРАНЫ И БЕЗОПАСНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ 30

А.А. Тушканов ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНЗИТА УГЛЕВОДОРОДОВ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УНИФИКАЦИИ 34

М.Г. Алиев РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ: СУДИМОСТЬ В КАЧЕСТВЕ ЭЛЕМЕНТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ 39

Д.И. Абишева ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 2026 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 41

О.В. Карасева ПРАВОСПОСОБНОСТЬ КОРПОРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ПРЕДЕЛЫ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 45

Д.Э. Полянский СТАБИЛИЗАЦИОННЫЕ ОГОВОРКИ В ДОЛГОСРОЧНЫХ ДОГОВОРАХ ПОСТАВКИ НЕФТИ И ГАЗА..... 48

Н.А. Павлов ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ БЕСКОНТАКТНОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ..... 51

Н.И. Насыров ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 54

И.И. Мищенко ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ, В КОТОРЫХ СТОРОНАМИ ЯВЛЯЮТСЯ УЧАСТНИКИ СВО И ЧЛЕНЫ ИХ СЕМЕЙ	56
А.А. Богомолова МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, МЕХАНИЗМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	61
А.Д. Мамедова ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВИДОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ	64
Д.С. Увалиев ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИСКОВОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА (ОТ РИМСКОГО ПРАВА ДО СОВРЕМЕННОСТИ)	66
А.З. Увалиева ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА	68
А.М. Гаджиев КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ФАКТОРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ	70
Д.Ю. Денисова ФОРМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО	74
П.А. Лысиков ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЕВОДОРОДОВ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОРОЛЕВСТВА НОРВЕГИЯ	76
П.А. Лысиков ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВЕДКИ И РАЗРАБОТКИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЕВОДОРОДОВ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ	81
С.В. Коротков КОРРУПЦИЯ В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ	85
А.С. Кучина ГАРАНТИЙНОЕ УДЕРЖАНИЕ, ВОЗМЕЩЕНИЕ ПОТЕРЬ И НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПОДРЯДЧИКА ПО ЕРС-КОНТРАКТУ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ	88
А.С. Кучина ИНСТИТУТ ЗАРАНЕЕ ОЦЕНЕННЫХ УБЫТКОВ КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ЕРС-КОНТРАКТУ	93
В.В. Леонтьева ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ ПРОКУРОРСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ КАЧЕСТВА, СИСТЕМНЫХ НАРУШЕНИЙ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ	96
Информация для авторов	101

Т
Е
Х
Н
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

И.Н. Казачкин

ОСАДОК СТАНЦИЙ ОБЕЗЖЕЛЕЗИВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК СЫРЬЯ ДЛЯ НЕФТЕСОРБЕНТОВ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Обоснована актуальность вовлечения отхода водоподготовки для производства сорбентов. Приведены результаты исследования по определению маслосодержимости и степени извлечения нефтепродуктов сорбента на основе осадка промывных вод станции обезжелезивания подземных вод в нативном и гранулированном состоянии. Выполнена оценка эффективности применения сорбента. Сформирован вывод об использовании сорбента в рамках лабораторных исследований.

Ключевые слова: станция обезжелезивания, железосодержащий осадок, нефтесодержащие сточные воды, сорбент.

Загрязнение окружающей среды нефтепродуктами представляет собой одну из наиболее острых экологических проблем современности. Аварии с разливами нефтепродуктов происходят регулярно при добыче, транспортировке, хранении и переработке, что приводит к серьезным последствиям.

Ежегодно в Мировой океан попадает по разным оценкам от 0,5 до 11 млн. т нефти и нефтепродуктов. Существенный объем нефтепродуктов поступает из трещин и разломов морского дна (около 50 %). Следующим по значимости объемом поступающих нефтепродуктов, связан с судоходством (около 30%). Только 10% связаны с аварийными разливами, вызванными добычей и транспортировкой. Оставшиеся 10% попадает при переносе с суши по рекам, от деятельности на берегу, связанной с потреблением, хранением и переработкой нефти [1].

Для пресноводных водоемов, главной причиной увеличения содержания нефтепродуктов являются аварии на объектах добычи и транспортировки нефти. Второй по значимости причиной являются сточные воды, содержащие различные углеводороды [1]. Поиск эффективных решений по ликвидации последствий загрязнения водных объектов и почв нефтепродуктами является важной природоохранной задачей.

Еще один экологический аспект темы исследования связан с поиском решений по переработке и повторному использованию осадка промывных вод станций обезжелезивания. В настоящее время стратегии управления осадком в большинстве случаев отсутствуют. Типичными способами обращения с осадками является сброс в водные объекты или хранение на площадках для сушки осадка [2].

Одним перспективных решений является использование сорбентов на основе осадка промывных вод станций обезжелезивания подземных вод (СОПВ). Данный осадок имеет мелкодисперсный состав, который представлен в основном оксидами железа (до 82%). Высокое содержание соединений железа в осадке и однородная мелкодисперсная структура представляют собой ценные качества, позволяющие рассматривать данный осадок в качестве сырья для производства разнообразной продукции, в том числе сорбционных материалов [3].

Железосодержащий осадок (ЖСО) эффективен для извлечения нефтепродуктов из водных сред благодаря развитой удельной поверхности ($220 \text{ м}^2/\text{г}$) и магнитным свойствам частиц [4, 5]. Усиление магнитных свойств осадка получается путем обжига материала при $850 \text{ }^\circ\text{C}$ [3].

В первой серии экспериментов для создания модельной жидкости, загрязненной углеводородами, использовалось моторное масло, вероятность попадания которого в водные объекты достаточно высока. В качестве сорбента использовался осадок станции обезжелезивания.

Методика определения нефтеемкости (маслоемкости) сорбента принята по [6]. Исследуемый сорбционный материал взвешивался и помещался в сетчатый контейнер известной массы, а затем в модельную жидкость. Время контакта – 15 мин. По истечении времени контейнер с исследуемым сорбентом извлекался и взвешивался.

Во время проведения экспериментов возникли сложности, которые повлияли на результаты опытов. Затруднения были связаны с мелкодисперсностью осадка, что приводило к выносу частиц. Частицы попадали в модельную жидкость, что давало большую погрешность полученных результатов или невозможности проведения опытов (рис. 1 и 2).

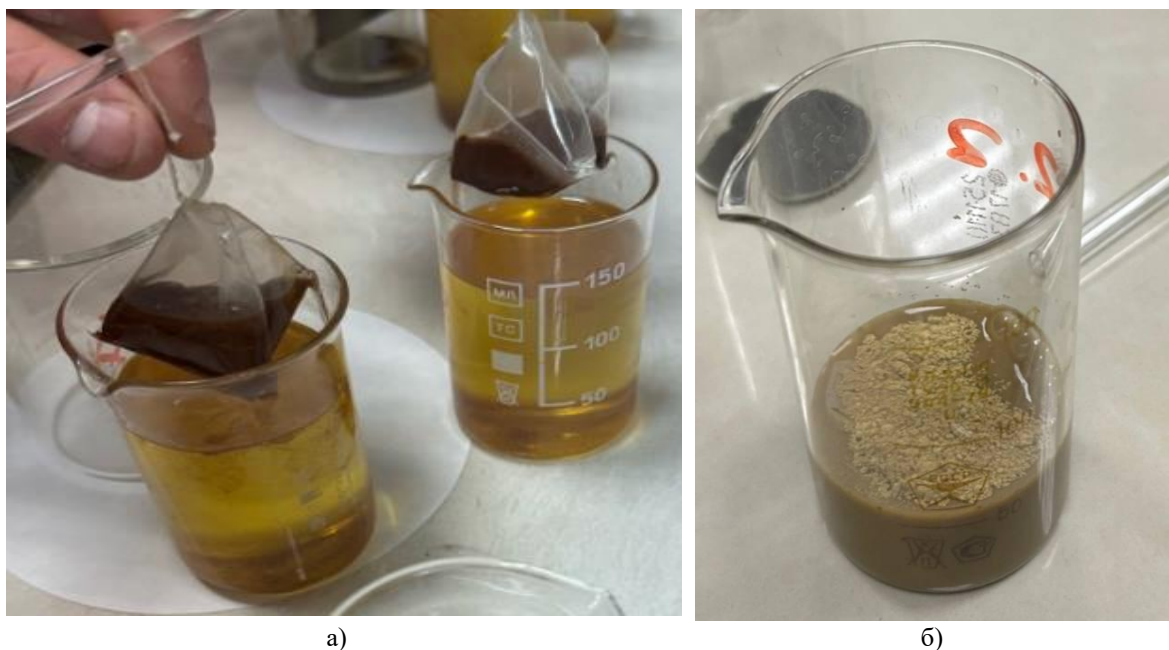

Рис. 1. Определение сорбционных свойств негранулированного сорбента на базе осадка СОПВ
а – определение маслоемкости; б – определение степени извлечения нефтепродуктов

В следующей серии опытов была предпринята попытка разработки гранулированного сорбционного материала на основе работ исследователей из Томска. Разработанный гранулированный сорбционный материал использовался для извлечения из модельных растворов ионов цинка и меди. Сравнительная оценка гранулированного и порошкообразного сорбентов на основе ЖСО показала, что эффективность порошка выше. Однако использование гранул, особенно в реальных условиях, будет технологичнее [5].

В эксперименте сорбционный материал перемешивался с оксидом кальция и жидким стеклом в пропорции $10(\text{ЖСО}):1(\text{CaO}):7,5(\text{Жидкое стекло})$. Из полученной смеси формовались гранулы, которые

подвергались сушке при комнатной температуре в течение 24 часов с последующей термической обработкой в сушильном шкафу при температуре 200°C в течение 40 минут. В результате был получен устойчивый сорбционный материал (рис. 3).

Рис. 3. Гранулированный сорбент на базе осадка СОПВ

Гранулированный сорбент помещалась в жидкость с известной концентрацией нефтепродуктов для определения степени извлечения нефтепродуктов от времени контакта (рис. 4).

Рис. 4. Определение степени извлечения нефтепродуктов гранулированного сорбента на базе осадка СОПВ

Исходная концентрация нефтепродуктов составляла 35,67 мг/дм³. Измерения концентрации нефтепродуктов проводилось через 1, 3, 5, 10, 15, 20, 30, 60 минут. Уже через 3 минуты эффект очистки составил более 30%. В результате максимальный эффект очистки наблюдался при времени контакта с жидкостью 60 мин и составил 48% (рис. 5). А также удалось избавиться от проблемы выноса мелкодисперсных частиц при проведении опытов.

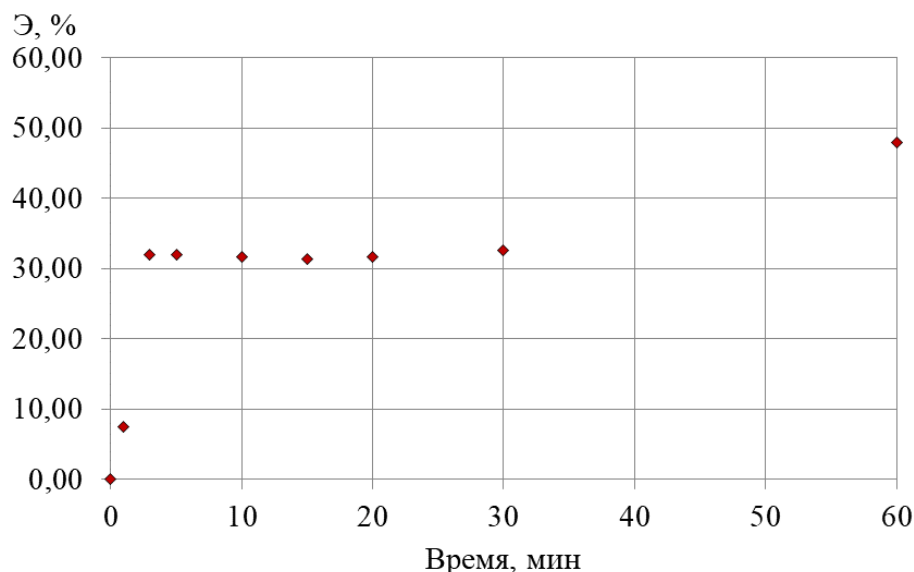

Рис. 5. Зависимость степени извлечения нефтепродуктов от времени контакта с раствором

Таким образом, полученные из осадка промывных вод станций обезжелезивания сорбционные материалы являются перспективными для очистки сточных вод, защиты водных объектов и прилегающих к ним территорий от загрязнения углеводородами. Разработанная технология позволяет превратить осадок промывных вод станций обезжелезивания в высокоэффективные сорбционные материалы. Их применение способствует охране водных экосистем. Внедрение предложенного решения не только снижает экологическую нагрузку за счет утилизации отходов, но и расширяет ассортимент дешевых нефтесорбентов. Оптимизация формы сорбента (гранулирование) повышает технологичность его использования в реальных условиях.

Библиографический список:

1. Коршунова Т.Ю., Логинов О.Н. Нефтяное загрязнение водной среды: особенности, влияние на различные объекты гидросферы, основные методы очистки // Экобиотех. – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 157-174.
2. Ресурсный потенциал отходов городского хозяйства / А. А. Загорская, С. В. Максимова, Т. С. Жилина [и др.]. – Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2025. – 165 с.
3. Постобработка осадков станций обезжелезивания для выявления их ресурсного потенциала / Л.И. Максимов, В.В. Миронов, С.В. Максимова, К.В. Кусков // Вестник МГСУ. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 493-505.
4. Магнитный сорбент для удаления тонких нефтяных пленок / И.А. Буниятзаде, Г.Г. Мамедов, А.А. Азизов [и др.]. // Известия высших учебных заведений. Серия: Химия и химическая технология. – 2010. – Т. 53, № 4. – С. 114-117.
5. Лукашевич О.Д., Усова Н.Т. Сорбент из железистого шлама для очистки сточных вод от ионов тяжелых металлов // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 148-159.
6. Модификация фитосорбентов для интенсификации очистки нефтесодержащих сточных вод / С.В. Максимова, Е.С. Коршикова, Е.И. Вялкова [и др.]. // Архитектура, строительство, транспорт. – 2022. – № 1. – С. 42-53.

КАЗАЧКИН ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ – магистрант, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.

Д.А. Кособоров

ОСОБЕННОСТИ И АНАЛИЗ ВОДООТВЕДЕНИЯ СТОЧНЫХ ВОД НППЗ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Современные подходы к водоотведению нефтеперерабатывающих производств ориентированы на минимизацию экологического воздействия, максимальное повторное использование воды и соответствие строгим регуляторным нормам. В США, Европе и России эти особенности определяются национальными и международными стандартами, технологическими инновациями и экономическими факторами. В статье рассмотрены ключевые аспекты на основе официальных источников, включая отчеты EPA (США), директивы ЕС и справочники НДТ (Россия). Анализ охватывает процессы сбора, очистки и сброса нефтесодержащих сточных вод, с акцентом на передовые технологии.

Ключевые слова: сточные воды (СВ), нефтеперерабатывающее предприятие (НПП), физико-химические способы очистки воды.

Для сравнительного анализа особенностей очистки сточных вод (СВ) на нефтеперерабатывающих предприятиях (НПП) взяты следующие страны: Российская Федерация, Евросоюз и Соединенные Штаты Америки. Законодательство этих стран использует современные методы и подходы к решению проблем экологии водных ресурсов для недопущения техногенного загрязнения. Рассмотрим особенности и законодательные акты в США:

- Регулирование водоотведения на НПП осуществляется Агентством по охране окружающей среды (EPA) в рамках Effluent Guidelines, разработанных в 1974-1985гг. и обновляемых на основе исследований 1996, 2004 и 2019гг. Эти нормы охватывают процессные стоки, балластные воды, охлаждающую воду и ливневые стоки, включая загрязненные и незагрязненные [1].
- Основные источники загрязнений сточных вод – водные рассолы (электрообессоливающие установки) кислая вода из паровых установок (установки атмосферной перегонки нефти типа АТ), отходы от регенерации катализаторов, донные осадки из резервуаров и ливневый сток с производственных площадок.

Ключевые современные особенности заключаются в разделении стоков, повышении эффективности очистки СВ и применение инноваций на всех этапах переработки вторичных отходов.

Разделение стоков: Производственные стоки (до 85% объема) проходят многоступенчатую очистку, включая механическую (API-сепараторы для удаления нефтепродуктов), физико-химическую (флотацию, коагуляцию) и биологическую (аэротенки с нитрификацией/денитрификацией). Ливневые стоки регулируются через NPDES-пермиты (аналог КЭР), а также для НПП требуется Stormwater Pollution Prevention Plan (SWPPP, план предотвращения загрязнения ливневыми стоками), если сток загрязнен [1].

Эффективность очистки: BAT (Best Available Technology – аналог наилучших доступных технологий в РФ или НДТ) ограничивает сбросы: нефтепродукты <5 мг/л, взвешенные вещества <20 мг/л, фенолы <0,1 мг/л. В 2025 г. EPA планирует пересмотр норм для снижения энергозатрат и повышения гибкости в утилизации [1;2].

Инновации: Использование обратного осмоса для обессоливания и рециркуляции до 70% воды; мониторинг с помощью WET-тестов (whole-effluent toxicity – биотестирование, посев и реакция микроорганизмов), которые жестко встроены в систему разрешений NPDES [1].

Рассмотрим типичную технологическую схему ОСВ НПП в США [2].

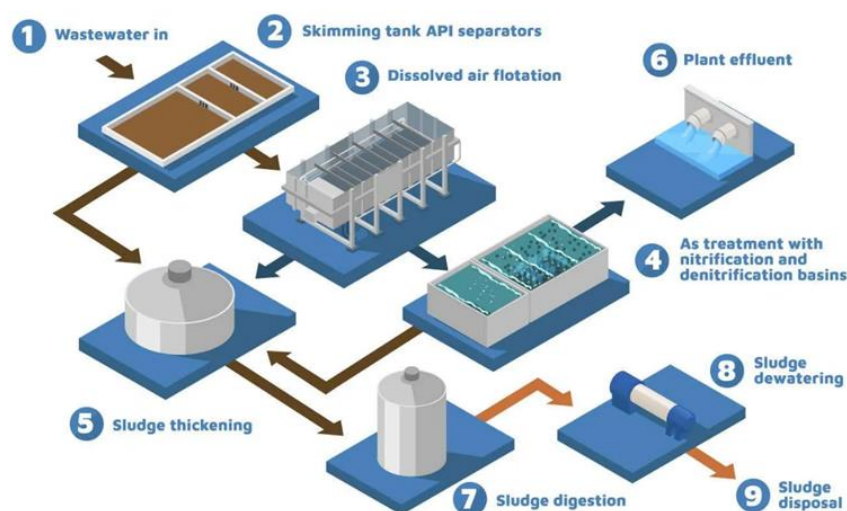

Рис. 1. Типичная технологическая схема очистки сточных вод на НПШ в США. 1- Поступление промышленных сточных вод, 2- API сепараторы, 3- Воздушная флотация, 4- Биологическая очистка с зонами нитри-денитрификации, 5- Уплотнение осадка, 6- Сброс сточных вод, 7- Сбраживание осадка, 8- Обезвоживание осадка, 9- Утилизация осадка.

Технологическая цепочка отличается от типичных отечественных, лишь в обработке осадка, но в нашей стране есть опыт использования процессов сбраживания осадка. Кардинальные различия лишь в строгости нормативных документов и уровню штрафов, которые непосильны компаниям, и игнорирование которых экономически не целесообразно. [1]

Интерес представляет технология отстойников-сепараторов API (разработан в American Petroleum Institute), а точнее одна из вариаций исполнения тонкослойных блоков [3], которые предназначены для отделения значительных количеств нефти и взвешенных твёрдых частиц из промышленных сточных вод. Практическая реализация подобных сооружений в России мала.

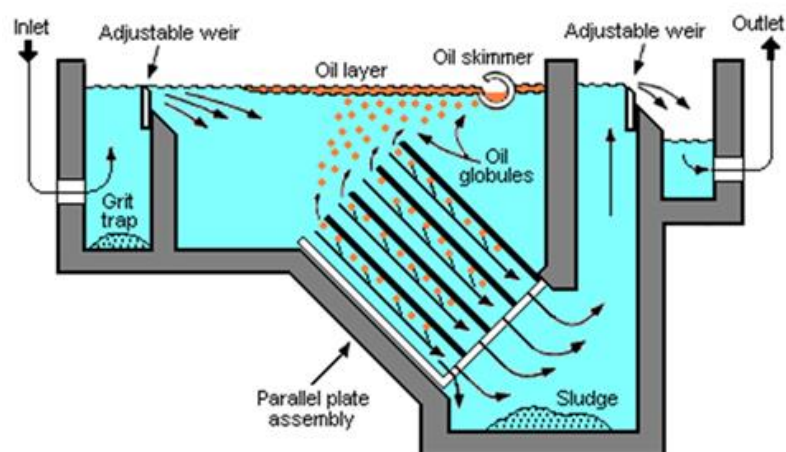

Рис. 2. Схема конструктивных особенностей API сепараторов: Inlet – вход СВ; Grit trap – песко-ловушка; Adjustable weir – переливная перегородка; Oil layer – масляный слой; Oil skimmer – масляный скребок; Oil globules – масляные капли; Parallel plate assembly – сборные параллельные пластины; Sludge –шлам; Outlet –выход.

Рассмотрим особенности и законодательные акты в ЕС. В Европе водоотведение НПШ регулируется Директивой по городским сточным водам (Urban Wastewater Treatment Directive, UWWTD, пересмотрена в 2024 г. как, вступает в силу с 2027 г.) и Директивой по промышленным выбросам (IED). UWWTD

фокусируется на городских стоках, а промышленные стоки НПП регламентируются через локальные пермиты (или специальные разрешения) IED (Industrial Emissions Directive 2010/75/EU), требующая соответствия BAT (или НДТ) [4]. Далее рассмотрим ключевые особенности очистки СВ в ЕС.

Сбор и разделение: как правило, устраиваются две линии канализации: для нейтральных/ливневых стоков (рециркуляция) и токсичных (технологические конденсаты, подтоварные воды). Ливневые стоки очищаются от ТРН (total petroleum hydrocarbons) с помощью модели PetroTox для оценки биодоступности [5].

Технологии очистки: для первичной очистки используются отстойники и флотаторы. На вторичном этапе – аэротенки с нитрификацией и денитрификацией. Третичная или глубокая очистка – это сорбционные фильтры для остаточных микро-загрязнителей (аммиак, металлы) [4].

В настоящее время в ЕС поставлена цель: достичь нулевого загрязнения СВ к 2045 г., для станций очистки, принимающих стоки от более чем 150 тыс. чел (≈ 27 тыс. м³ в сутки). Это касается и сброса очищенных СВ от НПП [4]

Мониторинг: Химический анализ + SSD (species sensitivity distributions или распределение чувствительности к видам) для смесей сточных вод [4].

В целом, в Европе характерна модульность и компактность сооружений очистки СВ в угоду экономии места. Большое внимание уделяется автоматическому контролю качества воды и управлению процессами очистки.

Рассмотрим ключевые особенности и законодательные акты в РФ, где водоотведение на НПП регулируется Федеральным законом "Об охране окружающей среды" и справочниками НДТ (ИТС 8-2022).

Сбор и отведение: Раздельные сети для ЭЛОУ, сернисто-щелочных и подтоварных вод; регулирующие резервуары для ливневых стоков. Системы с рециркуляцией до 90% [6].

Технологии очистки: на первом этапе применяется механические и физико-химические методы (флотация, коагуляция: эффективность удаления нефтепродуктов 95%); на втором этапе используются биологические методы (аэротенки). На стадии доочистки – механические и сорбционные фильтры. Обезвоживание осадков в центрифугах до влажности 70–75% [6].

Инновации: Применение электрокоагуляции и/или электрофлотации как методов разделения нефтетяных эмульсий [7].

Таким образом, США, ЕС и Россия стремятся снизить антропогенную нагрузку от сточных вод нефтеперерабатывающих предприятий и максимально использовать очищенные СВ в оборотном и повторном водоснабжении. Для наглядного сравнения в Таблице 1 сведены полученные данные.

Таблица 1

Сравнительные данные по очистке сточных вод НПП

№	Аспект	США (EPA)	Европа (EU/IED)
1	Регуляторная база	Effluent Guidelines(BAT/NSPS)	UWWTD + IED (BAT)
2	Разделение стоков	Процессные/ливневые (SWPPP)	Две линии (PRE-оценка)
3	Ключевые технологии	Флотация, биологическая (WET)	Сорбция, SSD-мониторинг
4	Эффективность (нефтепродукты)	<5 мг/л	<10 мг/л (msPAF <0,05)
5	Рециркуляция	До 70% (обратный осмос)	До 80% (нулевое загрязнение к 2045)

Следует, отметить, что в России ежегодно ужесточается экологическое законодательство, а предприятия, сбрасывающие загрязняющие вещества в окружающую природную среду, облагаются значительными штрафами.

Современные особенности водоотведения на НПП эволюционируют к замкнутым циклам и нулевому сбросу, с акцентом на биотехнологии и цифровизацию мониторинга. В США превалирует фокус на пермитах и токсичности, а также на наилучших технологиях BAT; в Европе – на снятии микро-загрязнителей до нулевого уровня, в России – на раздельной канализации и НДТ для импортозамещения. Глобальный тренд – интеграция искусственного интеллекта, интернета вещей и роботизации для оптимизации эксплуатационных процессов, что позволит снизить экологические риски и затраты. Остается нерешенной

проблема адаптации технологических процессов очистки СВ к ухудшению качества ливневых стоков, отчасти связанное с изменением климата и состоянием площадей сбора.

Библиографический список:

1. Petroleum Refining Effluent Guidelines and Standards (40 CFR Part 419). U.S. Environmental Protection Agency (EPA), 1974 (с обновлениями 1975–2015). URL: <https://www.epa.gov/eg/petroleum-refining-effluent-guidelines> – Текст: электронный
2. AP-42 Compilation of Air Pollutant Emission Factors, Chapter 5: Petroleum Industry. U.S. Environmental Protection Agency (EPA), 1995 (с обновлениями). URL: <https://www.epa.gov/air-emissions-factors-and-quantification/ap-42-fifth-edition-volume-i-chapter-5-petroleum-1> – Текст: электронный
3. Beychok, Milton R. (December 1971). "Wastewater treatment". Hydrocarbon Processing: 109–112. URL: https://www.academia.edu/6350637/Industrial_Wastewater_Treatment – Текст: непосредственный
4. Directive (EU) 2024/3019 of the European Parliament and of the Council concerning urban wastewater treatment (recast). European Union, 2024. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/3019/oj/eng> – Текст: электронный
5. 2022 Survey of Effluent Quality and Water Use at European Refineries. Concaawe, 2025. URL: <https://www.concaawe.eu/publication/2022-survey-of-effluent-quality-and-water-use-at-european-refineries> – Текст: электронный
6. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 № 7-ФЗ. Правительство Российской Федерации, 2002 (с обновлениями). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 – Текст: электронный
7. Информационно-технический справочник по наилучшим доступным технологиям (ИТС) 8-2022: Очистка сточных вод при производстве продукции (товаров). Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт), 2023. URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293757/4293757763.pdf> – Текст: электронный

КОСОБОРОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Тюменский индустриальный университет, Россия.

Ван Мяо

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВНЕДРЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ И ВОЛОНТЁРСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ОПЫТА

В современном мире, характеризующемся обострением экологических проблем, таких как глобальное потепление, загрязнение воздуха, воды и почвы, а также накопление отходов, экологическое образование приобретает критическую значимость. Его роль заключается не только в передаче знаний, но и в формировании экологического сознания, ценностных установок и готовности к практическим действиям по охране окружающей среды. В этом контексте экологические проекты и волонтерство выступают ключевыми педагогическими инструментами, способными преодолеть разрыв между теоретическим знанием и реальной деятельностью. Однако их эффективное внедрение в образовательный процесс требует создания специальных педагогических условий, которые рассматриваются как комплекс взаимосвязанных элементов: нормативно-правовых, организационно-методических, ресурсных и кадровых. Эти условия определяют, насколько успешно экологическое образование сможет выполнить свою миссию по формированию ответственного отношения к природе у подрастающего поколения.

Ключевые слова: волонтерство, педагогический процесс, опыт Китая, опыт России.

Создание благоприятных условий для внедрения экологических проектов и волонтерства, как и в случае патриотического воспитания, начинается с формирования прочной нормативно-правовой и идеологической базы. В России, хотя и отсутствует единый закон, подобный китайскому Закону о патриотическом образовании (2024 г.), экологическое образование закреплено в государственной политике в рамках реализации национального проекта «Экология» и концепции устойчивого развития. Роль идеологической основы здесь играют концепции экологической культуры и устойчивого развития, которые интегрируются в федеральные государственные образовательные стандарты.

Напротив, в Китае подход отличается высокой степенью институционализации и централизации. Экологическое образование и волонтерство напрямую встроены в государственную стратегию построения «экологической цивилизации». Добровольческие инициативы школьников рассматриваются как часть масштабных национальных программ, таких как «Прекрасный Китай: я — участник», что придаёт им статус важного общественного дела, поддерживаемого на государственном уровне через Министерство экологии и окружающей среды. Таким образом, в Китае нормативная база и идеологическая рамка создают единый вектор, обязывающий образовательные учреждения системно внедрять экологическую составляющую, включая проекты и волонтерство, в учебный и воспитательный процесс.

Организационно-практические условия

Организационно-практические условия определяют, как теоретические установки воплощаются в конкретную деятельность. В этом аспекте наблюдается как сходство, так и различие между российским и китайским опытом.

В России организационный акцент часто делается на школьные инициативы и проекты, которые могут быть как разовыми акциями (субботники, сбор макулатуры), так и более длительными программами. Школьные экологические клубы, акции по озеленению, создание пришкольных экологических троп или мониторинговых пунктов являются типичными формами. Примером системного подхода служит всероссийская программа «Зелёные школы России» (портал Экокласс.рф), которая предоставляет учителям готовые методические материалы, уроки и квесты, вовлекая миллионы школьников. Волонтерство в этой модели часто выступает логическим продолжением проектной деятельности, когда учащиеся становятся организаторами и просветителями для младших товарищей и местного сообщества.

В Китае организационная модель более формализована и масштабна. Школьное экологическое волонтерство часто принимает форму участия в государственных или региональных программах. Школьники объединяются в команды «маленьких волонтеров», которые выполняют роль экологических просветителей: проводят экскурсии в музеях и природных парках, объясняют правила сортировки отходов жителям, участвуют в массовых акциях, таких как Всемирный день чистоты. Этот подход делает акцент на интерпретационной и коммуникативной функции волонтерства, интегрируя его не только в экологическое, но и в гражданское воспитание.

Ключевым организационным условием для обеих стран является интеграция проектной и волонтерской деятельности в образовательный цикл: от постановки проблемы и сбора данных (проект) к публичному действию и распространению результатов (волонтерство). Участие в международных кампаниях (World Cleanup Day, International Coastal Cleanup) задаёт высокие стандарты и предоставляет школам точки синхронизации с глобальным экологическим движением.

Ресурсное и кадровое обеспечение

Эффективность любой образовательной инициативы напрямую зависит от ресурсного и кадрового обеспечения.

· Материально-технические ресурсы: Внедрение экологических проектов требует доступа к современному оборудованию (датчики для мониторинга, цифровые инструменты для сбора данных), а также к методическим материалам. В России эту роль выполняют такие платформы, как Экокласс.рф. В Китае доступ к Национальной образовательной платформе Министерства образования и специализированным ресурсам по экопросвещению является стандартным.

· Информационные ресурсы: Создание «экологических уголков» в школах, доступ к базам данных и научно-популярным материалам, сотрудничество с природными парками (в Китае — с национальными парками, имеющими развитые волонтерские системы) и НКО (в России — с организациями типа «Российского экологического оператора») являются важными условиями.

· Кадровое обеспечение: Ключевую роль играет подготовка педагогов. Учителя должны не только владеть знаниями в области экологии, но и уметь организовывать проектную деятельность и волонтерские мероприятия, управлять групповой работой, оценивать не только знания, но и сформированные компетенции. Проведение семинаров, тренингов и обмен опытом, как в России, так и в Китае, являются необходимым условием. Важно также привлечение внешних экспертов: экологов, представителей природоохранных организаций, опытных волонтеров.

· Финансовое обеспечение: Реализация проектов, организация поездок, закупка оборудования требуют финансирования. В Китае этому способствуют целевые государственные ассигнования. В России источниками могут быть школьные бюджеты, гранты, поддержка муниципалитетов и партнёрство с бизнес-структурами.

Выводы

Таким образом, педагогические условия внедрения экологических проектов и волонтерства в образовательный процесс представляют собой многоуровневую систему. Российский опыт демонстрирует сильные стороны в развитии школьной инициативы и практико-ориентированных локальных проектов, поддержанных качественными цифровыми методическими ресурсами. Китайский опыт выделяется высокой степенью системности, интеграцией в государственную политику и акцентом на просветительскую роль школьного волонтерства в масштабах всего общества.

Успешность внедрения в обоих случаях зависит от:

1. Чёткой нормативной и идеологической рамки, задающей цели и приоритеты.
2. Организационной модели, связывающей учебные проекты с регулярной волонтерской практикой и внешними событиями.
3. Комплексного ресурсного обеспечения, включая цифровые платформы, партнёрства с внешними организациями и природными территориями.
4. Подготовки педагогических кадров, способных эффективно руководить сложной проектно-волонтерской деятельностью.
5. Разработки механизмов оценки, фиксирующих не только количественные показатели (число участников), но и качественные изменения в знаниях, ценностных установках и поведенческих практиках учащихся.

Создание таких условий позволяет трансформировать экологическое образование из теоретической дисциплины в живой процесс формирования экологической идентичности и гражданской ответственности, где знание неизбежно переходит в действие.

Библиографический список:

1. Министерство экологии и охраны окружающей среды. Экспертная интерпретация: Оказывать добровольные экологические услуги по охране окружающей среды, чтобы построить модернизацию в китайском стиле гармоничного сосуществования человека и природы. 11.06.2024. URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/zcjd/202406/t20240611_1075503.shtml
2. Публичный отчёт программы «Зелёные школы России» — 2023. Экокласс.рф. 25 с. URL: <https://ecamir.ru/upload/iblock/1ea/1junuqzmam4kptpiaiy9au9rihre4m1.pdf>
3. World Cleanup Day. About page: global participation. Webpage. URL: <https://www.worldcleanupday.org/about>
4. Ocean Conservancy. International Coastal Cleanup® (ICC). Webpage. URL: <https://oceanconservancy.org/trash-free-seas/international-coastal-cleanup/>
5. Ландшафтный центр охраны природы. Исследовательский отчет о волонтерской системе национальных парков Китая (абстрактное издание). 2024. URL: <https://www.shanshui.org/wp-content/uploads/2024/07/20240712030530990.pdf>
6. UNESCO. Education for Sustainable Development for 2030. Webpage. URL: <https://www.unesco.org/en/sustainable-development/education>
7. Ministry of Ecology and Environment of the PRC. China's Policies and Actions for Addressing Climate Change: 2024 Annual Report (English). Beijing, 2025. URL: https://english.mee.gov.cn/News_service/news_release/202501/P020250122370358250549.pdf
8. ОУ «СШ №43» г. Ярославль. Эко-школы/Зелёный флаг: школьный отчёт (пример интеграции проектов и волонтерства). 2023. URL: https://yar43sh.edu.yar.ru/mezhdunarodnie_proekti/eko_shkola_zeleniy_flag/otchet_zf-23_ssh_43_1.pdf

ВАН МЯО – магистрант, Благовещенский государственный педагогический университет, Россия.

Ли Лилу

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ СКАЗОК И ИХ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Китайские сказки, являясь неотъемлемой частью национальной культуры, обладают уникальными художественными особенностями и глубоким воспитательным потенциалом. В данной статье анализируются ключевые характеристики китайских сказок – их нравственная направленность, коллективистская этика, гармоничное отношение к природе, а также богатство символики и поэтическая форма. Особое внимание уделяется исследованию их роли в нравственном, эстетическом и культурном воспитании подрастающего поколения в современных условиях. Статья подчеркивает значимость сохранения и адаптации традиционных сказок для формирования у детей уважения к культурному наследию, нравственных ценностей и гармоничного мировоззрения.

Ключевые слова: китайские сказки; традиционная культура; нравственное воспитание; коллективизм; гармония с природой; символизм; воспитательный потенциал.

Китайские народные сказки, накапливавшиеся веками, являются бесценным сокровищем, хранящим мудрость поколений, национальные ценности и особое видение мира. В отличие от западных историй, где часто превозносятся индивидуальные подвиги и борьба с явным злом, китайские сказки глубоко пропитаны конфуцианской этикой, даосским стремлением к гармонии и буддийскими представлениями о причинно-следственных связях и сострадании. Их главная задача всегда заключалась в воспитании, в формировании человека добродетельного, ответственного и гармонично развитого. В наше время, когда мир становится все более взаимосвязанным и цифровым, сохранение и осмысленное использование этого воспитательного потенциала приобретает особую значимость.

Анализ китайских сказок позволил установить их особенности:

1. *Нравственная основа.* Главная цель сказок – научить. Сюжеты часто построены вокруг уроков добродетели: уважения к старшим, верности долгу, честности, милосердия и трудолюбия. Например, история «Трое из дома Ван» наглядно показывает, как чрезмерная жадность и отсутствие взаимопомощи ведут к упадку, тогда как скромность и сотрудничество приносят благополучие. Негативные персонажи, как правило, наказываются не магией или силой героя, а естественными последствиями своих неблагоприятных поступков.

2. *Коллективистский дух.* В центре внимания – благо семьи, общины и государства, а не личные достижения. Герои, подобные Мулань, действуют ради защиты родины или семьи, и их слава – это отражение заслуг всего коллектива. Конфликты часто решаются путем поиска компромисса и восстановления равновесия, а не полного уничтожения противника.

3. *Единение с природой.* Природа в китайских сказках – не просто фон, а живой участник событий, обладающий собственной силой и мудростью. Животные, горы, реки и деревья часто наделяются сознанием и могут помогать или наказывать людей. Истории, такие как «Легенда о Белой Змее» или «Пастушок и ткачиха», подчеркивают важность бережного отношения к природе и соблюдения баланса между человеческими желаниями и естественными законами. Мотив взаимной поддержки с природой встречается очень часто.

4. *Символизм и поэтичность.* Китайские сказки богаты символами: дракон олицетворяет силу и власть императора; феникс – удачу и процветание; бамбук – стойкость; лотос – чистоту. Поэтический язык, ритм, повторы и яркие образы не только украшают повествование, но и помогают легче запомнить моральные уроки, воздействуя на чувства слушателя.

Ценность китайских сказок выходит далеко за рамки простого усвоения моральных правил. Следует отметить, что китайские сказки формируют нравственные ориентиры, потому что они предлагают понятные и эмоционально яркие примеры поведения. Истории о самопожертвовании (например, в приключениях Сунь Куна), прощении («Доброе сердце») или верности слову («Цзы Лу и волк») закладывают основы этического мышления ребенка, делая абстрактные добродетели осязаемыми и значимыми.

© Ли Лилу, 2026.

Научный руководитель: *Кора Наталия Алексеевна* – кандидат психологических наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, Россия.

Сказки укрепляют культурную самобытность и уважение к традициям китайского народа. Знакомство с сюжетами, персонажами (Драконий царь, Не-Чжэнь), обычаями и ценностями через сказки помогает детям почувствовать свою принадлежность к китайской культуре, уважать историческое наследие и понимать уникальность национального мировоззрения. Это служит противовесом унификации культур.

Сказки способствуют эстетическому развитию детей и подростков. Поэтичность языка, живописные образы и глубокая символика воспитывают чувство прекрасного, развивают воображение и художественный вкус. Сказки учат находить красоту в обыденном и гармонию в окружающем мире.

С помощью сказок происходит социальная адаптация. Акцент на коллективизме, уважении к старшим, обязанностях перед семьей и обществом помогает детям осознать важность социальных связей, ответственности и умения находить гармоничные решения в конфликтных ситуациях – навыков, крайне необходимых в современном мире.

В контексте современного образования, где все больше внимания уделяется развитию личности в ее многогранных аспектах, китайские сказки предлагают богатый инструментарий для формирования целостной и гармоничной личности. Их воспитательный потенциал не ограничивается передачей моральных норм, но простирается до формирования глубокого понимания мира, своего места в нем и умения строить конструктивные отношения с окружающими.

Эффективное использование воспитательного потенциала китайских сказок требует продуманного подхода. Важно не просто читать сказки, но и адаптировать их для современной аудитории, сохраняя при этом их суть и воспитательный посыл. Пересказ, обсуждение сюжета и персонажей помогают детям глубже понять моральные уроки и ценности. Использование иллюстраций, мультфильмов, театральных постановок по мотивам китайских сказок делает их более доступными и увлекательными для детей. Это способствует развитию воображения и эмоционального интеллекта. Сопоставление китайских сказок с фольклором других культур позволяет детям увидеть, как универсальные человеческие ценности, так и уникальные особенности китайской культуры. Это способствует развитию толерантности и межкультурного понимания. Элементы китайских сказок могут быть интегрированы в уроки литературы, истории, искусства, географии, что делает процесс обучения более комплексным и интересным. Например, изучение символики дракона может быть связано с историей Китая, а мотивы гармонии с природой – с уроками экологии. Поощрение детей к созданию собственных сказок, основанных на принципах и ценностях китайского фольклора, способствует развитию их творческих способностей и закреплению усвоенных уроков.

Для полного раскрытия смысла и воспитательного воздействия сказок необходимо понимание конфуцианских, даосских и буддийских основ, которые их пронизывают. Это требует от педагогов и родителей определенной подготовки. Без должного осмысления сказки могут восприниматься лишь как развлекательные истории, что снижает их воспитательную ценность. Важно обеспечить доступ к качественным переводам и адаптациям китайских сказок, которые сохраняют их аутентичность и воспитательный посыл.

Тем не менее, перспективы использования китайских сказок в воспитательном процессе весьма обнадеживающие. В условиях глобализации, когда мир становится все более взаимосвязанным, знакомство с мудростью других культур, таких как китайская, обогащает мировоззрение подрастающего поколения, способствует формированию более глубокого понимания человеческих ценностей и развитию способности к эмпатии и сотрудничеству. Китайские сказки, с их акцентом на гармонию, ответственность и коллективное благо, предлагают ценные ориентиры для воспитания граждан мира, способных строить более справедливое и устойчивое будущее. Их непреходящая актуальность заключается в способности говорить с человеком на языке вечных истин, облеченных в яркие и запоминающиеся образы, которые способны тронуть сердце и разум любого, кто готов слушать.

Библиографический список:

1. Чжан Цзиньчи. История китайских сказок. – Пекин: Издательство литературы для детей, 2008.
2. Чжоу Чжэнь. Исследование сказок. Первоначально опубликовано в журнале «Новая молодежь», 1913.
3. Фан Вэйпин. Современное осмысление педагогической ценности традиционных китайских сказок // Теоретическая критика китайской детской литературы. – Шанхай: Издательство педагогического университета Восточного Китая, 2019.
4. Чжу Цзичжао. Китайская детская литература и процесс модернизации. – Цзинань: Издательство университета Шаньдуна, 2007.

Т.С. Ордубаева

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БАНКА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЭКОНОМИКЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТО- ДИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье представлены результаты теоретико-методического исследования, посвященного изучению финансовой устойчивости банков на занятиях по экономике. Актуальность темы связана с необходимостью формирования финансовой грамотности и аналитического мышления обучающихся в соответствии с современными требованиями к экономическому образованию. Целью работы было выявление и обоснование эффективных методических подходов к преподаванию данной темы. Использовались методы анализа научной литературы, синтеза педагогического опыта и системного анализа экономических показателей. Результаты исследования позволили обосновать комплекс методических условий, включающий анализ реальной финансовой отчетности, применение практико-ориентированных заданий и использование современных образовательных технологий.

Ключевые слова: *финансовая устойчивость банка, банковская система, экономическое образование, финансовая грамотность, анализ финансового состояния, методика преподавания экономики, практико-ориентированное обучение.*

Формирование финансовой грамотности и понимания принципов функционирования банковской системы является одной из центральных задач современного экономического образования. Стабильность банковского сектора напрямую влияет на состояние экономики страны, уровень доверия населения к

финансовым институтам и развитие предпринимательства. Однако на практике у обучающихся часто отсутствует целостное понимание механизмов оценки надежности банков, что снижает уровень их экономической компетентности. Противоречие между необходимостью формирования навыков анализа финансовой устойчивости банков и недостаточной разработанностью методических подходов к преподаванию данной темы определяет актуальность исследования.

Цель исследования – выявить особенности изучения финансовой устойчивости банков на занятиях по экономике и обосновать эффективные методические подходы к преподаванию данной темы.

Задачи:

1. Раскрыть сущность и значение финансовой устойчивости банка как экономической категории.
2. Определить систему основных показателей, характеризующих финансовую устойчивость банковских организаций.
3. Выявить и обосновать методические условия эффективного изучения данной темы в образовательном процессе.
4. Разработать методические рекомендации по использованию практико-ориентированных методов обучения.

Гипотеза: изучение финансовой устойчивости банков будет более эффективным при реализации следующих педагогических условий: 1) сочетание теоретических знаний с анализом реальной финансовой отчетности банков; 2) использование практико-ориентированных заданий и кейс-метода; 3) применение современных образовательных технологий и цифровых ресурсов.

Финансовая устойчивость банка понимается как способность кредитной организации эффективно функционировать, выполнять свои обязательства перед вкладчиками и кредиторами, а также противостоять возможному экономическим рискам. В основе исследования лежат системный и деятельностный подходы, а также принципы практико-ориентированного обучения. Ключевым для формирования у обучающихся навыков анализа финансовой устойчивости является создание условий для самостоятельной работы с реальными экономическими данными, открытия и осмысления закономерностей функционирования банковской системы.

Исследование проводилось на основе теоретического анализа научной литературы и обобщения педагогического опыта преподавания экономических дисциплин. В качестве эмпирической базы выступил анализ содержания учебных программ и методических материалов по экономике.

Методы:

- **Теоретические:** анализ научной литературы по банковскому делу и методике преподавания экономики, синтез, сравнение, обобщение.
- **Эмпирические:** изучение и обобщение педагогического опыта, анализ учебно-методической документации.
- **Аналитические:** системный анализ экономических показателей, классификация методических подходов.

Содержание теоретико-методического анализа:

1. **Анализ ключевых показателей** финансовой устойчивости банка: достаточность капитала, ликвидность, платежеспособность, рентабельность, качество активов.
2. **Обоснование методических подходов** к изучению темы, включая использование кейс-стади, проектных заданий и цифровых образовательных ресурсов.
3. **Разработка рекомендаций** по интеграции теоретического материала с практическим анализом данных официальных сайтов банков и финансовых регуляторов.

В результате теоретического анализа было выявлено, что традиционное изучение темы часто ограничивается рассмотрением теоретических понятий без должной привязки к реальной экономической действительности. Это снижает познавательный интерес и не позволяет сформировать практические навыки. Для преодоления этого недостатка был разработан и обоснован комплекс методических условий, представленный в Таблице 1.

Данные таблицы показывают необходимость перехода от пассивного усвоения информации к активно-исследовательской деятельности обучающихся.

На основе анализа педагогического опыта и требований к современному образовательному процессу была разработана модель формирования компетенций при изучении финансовой устойчивости банков, предполагающая положительную динамику ключевых показателей.

Качественный анализ показывает, что реализация предлагаемых методических условий способствует росту инициативности, самостоятельности в поиске информации и аргументированности выводов при обсуждении финансовых вопросов.

Таблица 1

Сравнительный анализ традиционного и предлагаемого подходов к изучению финансовой устойчивости банка

Компонент обучения	Традиционный подход	Предлагаемый подход
Содержание	Абстрактные определения показателей	Анализ конкретных значений нормативов (достаточности капитала, ликвидности) на примере реальных банков
Методы	Лекция, опрос, решение абстрактных задач	Кейс-стади (анализ ситуаций), проектные задания, мини-исследования, деловые игры
Средства	Учебник, доска, статические таблицы	Цифровые платформы, официальные сайты банков и ЦБ РФ, интерактивные презентации, инфографика

Выводы

1. Теоретически обосновано, что финансовая устойчивость банка является комплексным понятием, для изучения которого необходимо применение системы взаимосвязанных показателей: достаточности капитала, ликвидности, платежеспособности, рентабельности и качества активов.

2. Выявлены и систематизированы методические особенности изучения темы: необходимость сочетания теории и практики, использования реальных экономических данных и современных образовательных технологий.

3. Обоснован комплекс педагогических условий (анализ реальной отчетности, практико-ориентированные задания, цифровые инструменты), направленный на повышение эффективности формирования финансовой грамотности обучающихся.

4. Эффективность предлагаемого подхода связана с созданием ситуаций, моделирующих реальную экономическую деятельность, что способствует развитию аналитического мышления и познавательной мотивации обучающихся.

5. Разработанные методические рекомендации могут быть использованы в практике преподавания экономических дисциплин для углубленного изучения вопросов функционирования банковской системы.

Библиографический список:

1. Балабанов И.Т. Банковское дело. – Москва: Финансы и статистика, 2019. – 304 с.
2. Грязнова А.Г., Маркина Е.В. Финансы и кредит. – Москва: Финансы и статистика, 2018. – 448 с.
3. Жуков Е.Ф. Деньги. Кредит. Банки. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 783 с.
4. Лаврушин О.И. Банковское дело: учебник. – Москва: КНОРУС, 2021. – 800 с.
5. Мишкин Ф. Экономика денег, банковского дела и финансовых рынков. – Москва: Вильямс, 2021. – 1072 с.
6. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.03.2024).
7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). – URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory. – N.Y.: The Guilford Press, 2020. – 756 p.

ОРДУБАЕВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – магистрант, Челябинский государственный университет. Россия.

М.В. Воронин

СКРЫТЫЕ РЕЗЕРВЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

В условиях современной экономической нестабильности, роста конкуренции и удорожания кредитных ресурсов многие предприятия ищут пути выживания и развития. Традиционно менеджмент обращает внимание на внешние источники финансирования или агрессивный маркетинг. Однако наиболее надежным и малозатратным источником роста являются скрытые внутренние резервы. В данной статье производится классификация таких резервов и методы их активации для повышения общей эффективности производства.

Ключевые слова: менеджмент, классификация резервов, методы активации резервов, повышение общей эффективности производства.

В данный момент на рынке машиностроительной продукции происходит изменение доли отечественной продукции в сравнении с зарубежной продукцией. Некоторые зарубежные компании полностью ушли с российского рынка. Кто-то остался и пытается конкурировать. Также на рынок приходят новые конкуренты, например, китайские предприятия продают свою продукцию. При такой ситуации предприятиям необходимо занимать все большие доли рынка, это заставит предприятия конкурировать между собой, что вызовет некоторые изменения на предприятиях, например, будут введены в производство новые виды продукции, будет улучшаться качество уже выпускаемой продукции. Традиционная ориентация на внешние заимствования или агрессивные маркетинговые стратегии зачастую оказывается либо недоступной, либо недостаточно эффективной. Иногда происходит так, что предприятие работает продолжительное время, выпускает определенную продукцию, получает прибыль, но никак не развивает свое производство, хотя, скорее всего, у предприятия есть резервы, которыми можно воспользоваться и улучшить деятельность предприятия, но предприятие их не видит или не задумывается о них. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема выявления и мобилизации скрытых резервов предприятия, которые могут стать ключевым фактором повышения эффективности производства без привлечения значительных капитальных вложений.

Скрытые резервы — это неиспользованные возможности повышения эффективности производства, которые уже существуют на предприятии, но не задействованы по причине несовершенства организации, управления, технологий или мотивации [1]. Под скрытыми резервами также можно принимать понятие скрытый потенциал. Скрытый потенциал — это средства или ресурсы, имеющиеся у организации, но не представляющие ей в данный момент каких-либо преимуществ. [2]. И хотя эти резервы не отражаются в отчетности в виде перерасхода ресурсов в сравнении с существующими возможностями отечественной и зарубежной практики, запаздывание в выявлении и использовании этих резервов временами влечет за собой потери эффективности значительно большие, чем перерасход ресурсов относительно планового уровня [3].

Классификацию скрытых резервов можно произвести по нескольким признакам (см. табл.1).

Для того чтобы превратить скрытые резервы в реальный фактор повышения эффективности, необходим системный подход. Выявление скрытых резервов возможно с помощью:

1) Аудита производственных процессов (Value Stream Mapping) [4]. Необходимо составить карту потока создания ценности и отделить действия, добавляющие ценность для клиента, от потерь (перемещение, ожидание, переделка брака).

2) Фотографии рабочего дня. Массовый хронометраж позволяет выявить, сколько времени реально тратится на работу, а сколько — на курение, чаепития и хождения "по делам".

3) Внедрения системы подачи предложений (Кайдзен). Создание простого и прозрачного механизма, при котором работник получает бонус за реализованную идею по экономии ресурсов.

© М.В. Воронин, 2026.

Научный руководитель: *Прилуцкая Мария Андреевна* — кандидат экономических наук, доцент, Уральский Федеральный Университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Россия.

Таблица 1

Классификация скрытых резервов		
Признак классификации	Вид резервов	Характеристика вида
По способу воздействия	Экстенсивные	Увеличение времени использования ресурсов (вовлечение их в производство). Связаны с количественными факторами.
	Интенсивные	Более полное использование потенциала ресурсов (качественное улучшение). Связаны с научно-техническим прогрессом и производительностью.
По функциональному признаку	Резервы средств труда	Недоиспользование производственных мощностей, изношенность парка оборудования.
	Резервы предметов труда	Потери сырья, материалов, топлива, энергии в процессе производства, хранения и транспортировки.
	Резервы труда	Потери рабочего времени, недостаточная квалификация, низкая мотивация персонала.
По этапам создания продукта	Резервы на стадии проектирования	Несовершенство конструкции изделия, заложенное на этапе разработки.
	Резервы на стадии производства	Организационные и технологические проблемы непосредственно в цехах.
	Резервы на стадии реализации	Потери при хранении готовой продукции, транспортировке и постпродажном обслуживании.
По месту возникновения	Общепроизводственные	Резервы, характерные для вспомогательных служб и хозяйств.
	Цеховые	Резервы конкретного производственного подразделения.
	Рабочее место	Резервы, связанные с организацией труда конкретного работника.
По возможности выявления	Явные	Легко фиксируются в документах и отчетах (потери от брака).
	Скрытые (латентные)	Трудно поддаются прямому учету, связаны с несовершенством управления и организации.
По специфике	Логистические резервы	Неоптимальность перемещения грузов и запасов.
	Управленческие резервы	Неэффективность структуры управления и документооборота.

Для практического примера можно выбрать инструмент «Кайдзен». Рабочий механического цеха на предприятии ООО «НЭМЗ» заметил недостаточное оснащение своего рабочего места, в связи с чем приходится постоянно искать нужный инструмент и тратить на это большое количество рабочего времени. На основе этого наблюдения непосредственному начальнику было направлено предложение о дооснащении рабочего места необходимым инструментом. Из таблицы 1 можно определить, что данный скрытый резерв относится к резерву «по месту возникновения». В таблице 2 будет показано использование инструмента скрытого резерва и работа с резервом.

Таблица 2

Пример использования инструмента по поиску резерва			
Показатель	До внедрения предложения	После внедрения предложения	Изменение показателя
Полное время изготовления детали, мин	20	15	-5
Количество деталей, изготавливаемых за период, шт.	100	140	40
Цена за единицу изделия, ДЕ	10	10	0
Выручка от реализации изделия, ДЕ	1000	1400	400

В общем и целом, при неизменных других условиях реализации продукции и увеличении количества деталей, которые изготавливаются рабочим, за счет внедрения предложения о дооснащении рабочего места, можно увеличить выручку от реализации на 40% изделия, что позволит получать дополнительную прибыль предприятию. Данное использование инструмента по поиску скрытых ресурсов оказалось эффективным для предприятия. Данный пример наглядно демонстрирует, что рост выручки от реализации изделия на 40% стал следствием не разового технологического прорыва, а именно системного применения кайдзен-философии, когда каждое небольшое улучшение вносит свой вклад в общий результат.

Таким образом, скрытые производственные резервы – это неиспользованные возможности улучшения использования ресурсов и чем в следствии может являться улучшение деятельности предприятия. Любому предприятию, независимо от вида деятельности, необходимо постоянно проводить мониторинг наличия и движения основных фондов. С помощью представленных методов определения скрытых резервов удастся собрать информацию о наличии на предприятии резервов. Полученная информация поможет предприятию найти оптимальные и подходящие для конкретного производства пути и ресурсы для повышения эффективности использования основных фондов, а также своевременно скорректировать отклонения в производственном процессе для получения наилучших результатов.

Библиографический список:

1. Чечевицына Л. Н. Анализ финансово-хозяйственной деятельности: учебник / Л. Н. Чечевицына. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. — 368 с. — (Среднее профессиональное образование). — ISBN 978-5-222-21233-6.
2. Бармуцкий Р. И. Методология выявления скрытых резервов инновационного потенциала предприятия / Р. И. Бармуцкий // Вестник Белорусского национального технического университета: научно-технический журнал. — 2010. — № 4. — С. 94-98
3. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г. В. Савицкая. — 6-е изд., испр. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2017. — 378 с. — (Высшее образование). — Гл. 8. Методика выявления и подсчета резервов. — ISBN 978-5-16-012422-9.
4. Тугускина Г. Н. Управление лин-технологиями: бережливое производство: учебное пособие. — Пенза: ПГУ, 2020. — 80 с. — ISBN 978-5-907262-66-9.

ВОРОНИН МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ – магистрант, Уральский Федеральный Университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Россия.

Уоамбок Сабинди Линн Карелл

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КОМПАНИЙ НА ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОМ РЫНКЕ КАМЕРУНА

В статье рассматривается тактика роста телекоммуникационных компаний Камеруна, выделяются проблемы и возможности, характерные для этой динамичной отрасли. Анализируются ключевые факторы, влияющие на конкурентоспособность операторов, такие как развитие инфраструктуры, интеграция технологий 4G/5G и государственное регулирование. Особое внимание уделяется стратегическим изменениям, обусловленным растущей конкуренцией, потребительским спросом и финансовыми ограничениями. Анализ также выделяет новые тенденции, такие как цифровизация услуг и государственно-частное сотрудничество, одновременно с этим отмечая сохраняющиеся проблемы (чрезмерные расходы, неравномерный охват). Предлагается ряд мер для содействия устойчивому росту, включая улучшение взаимодействия между заинтересованными сторонами и обновление нормативно-правовой базы. Этот анализ предназначен для руководителей компаний, инвесторов и политиков, участвующих в трансформации отрасли.

Ключевые слова: телекоммуникации, Камерун, MTN, Orange, Camtel, рыночная стратегия, мобильные данные, мобильные деньги, инвестиции, оптоволоконная сеть.

Телекоммуникационный сектор Камеруна представляет собой динамичную и конкурентную среду, выступая в качестве цифровых ворот для Центральноафриканского региона. Когда-то этот сектор контролировался дуополией, а теперь его традиционные и новые игроки разрабатывают сложные стратегии для обеспечения роста, обусловленного быстрым ростом мобильных денег и расширением мобильного интернета. В статье подробно анализируются особенности стратегий, реализуемых компаниями для развития на данном рынке.

Рынок характеризуется высокой концентрацией, однако стратегии развиваются в сторону более разнообразных подходов, выходящих за рамки простого голосового подключения.

Руководство MTN: MTN Camerooon контролирует рынок, имея более 50% абонентов. Тактика компании основана на смелых инвестициях в модернизацию сети, что позволило увеличить выручку на 30,1% в первом квартале 2025 года. Такая стратегия дает компании возможность использовать масштаб и качество своей сети для удержания клиентов.

Стратегия Orange в сфере финансовых услуг: Orange Camerooon, контролирующей около трети рынка, позиционирует себя как ключевого игрока в секторе мобильных платежей. Сотрудничество с Mastercard способствует росту популярности его услуг и развитию международных транзакций, создавая атмосферу лояльности.

Цель Camtel: Camtel, государственный оператор, монопольно владеющий правом на развертывание национальной оптоволоконной сети, занимает уникальное положение. Несмотря на поздний выход на рынок мобильной связи, компания делает ставку на свою существующую инфраструктуру для восстановления позиций. С бюджетом в 5,2 млн долларов США на 2025 год и запланированной стратегией на 2025–2027 годы, цель компании — модернизировать свою инфраструктуру и укрепить свои позиции на рынке. Это включает в себя партнерство с Orange по совместному использованию сети для расширения охвата, особенно в сельской местности.

Стратегические факторы прогресса.

Стратегический выбор операторов определяется различными основными тенденциями.

В поисках мобильных данных: услуги передачи данных и интернета обеспечивают 45,46% выручки рынка и являются основной движущей силой роста. Этот рост обусловлен ростом числа пользователей бюджетных смартфонов (менее 50 долларов США) и растущим спросом на видеоконтент. Операторы реализуют амбициозные капитальные вложения для развития сетей 4G и внедрения сетей 5G в годах Дуала и Яунде.

Мобильные деньги — катализатор экосистемы: имея 19,5 млн активных счетов и ежедневные транзакции, составляющие 73,1% объема СЕМАС, Камерун позиционирует себя как региональный лидер по использованию мобильных денег. Такие инициативы, как снижение комиссий за снятие средств MTN на 25% в октябре 2024 года, направлены на повышение регулярности транзакций, тем самым генерируя значительный доход и укрепляя лояльность клиентов.

Влияние государственной политики: правительственная инициатива «Цифровой Камерун 2030» стимулирует цифровизацию государственных услуг (электронное правительство, биометрические визы, интеллектуальное сельское хозяйство), что приводит к предсказуемому и растущему спросу в сегменте B2B. Поставщики услуг адаптируют свои услуги, предлагая безопасные облачные решения, VPN и услуги Интернета вещей для бизнеса и государственных учреждений.

Препятствия, которые необходимо преодолеть

Хотя потенциал очевиден, условия работы создают значительные препятствия. Уязвимость инфраструктуры: оптоволоконная сеть, которой управляет Camtel, часто испытывает перебои, что снижает качество обслуживания и вынуждает операторов вкладывать средства в дорогостоящие альтернативы (например, микроволновые печи или спутники).

Налоговое бремя: Высокие отраслевые налоги (акцизы, импортные пошлины) увеличивают нагрузку на структуру расходов операторов. Эти расходы перекладываются на тарифы, удерживая цены на связь выше среднего по региону и препятствуя развитию широкополосного доступа в сельскую местность.

Цифровой разрыв между городом и деревней: хотя 4G охватывает более 80% населения, реальная скорость соединения за пределами крупных провинциальных городов резко падает. Преодоление этого разрыва критически важно для расширения целевого рынка, однако это сопряжено с трудностями, связанными с местными условиями и покупательной способностью.

Таблица

Доли рынка

Оператор	Предполагаемая доля рынка	Основные услуги и стратегии
MTN Камерун	>50% подписчики	Лидер рынка. Прогнозируется взрывной рост выручки на 2025 год (+30,1%). Значительные инвестиции в 4G/5G и снижение стоимости услуг мобильных денежных переводов.
Orange Камерун	~30% подписчики	Дифференциация по финансовым услугам (партнёрство с Mastercard). В 2024 году ожидается рост выручки на 10,5% в Африке и на Ближнем Востоке.
Nexttel	~5 миллион пользователей	Интенсивная рекламная политика в отношении упаковок и устройств.
Camtel	Доли рынка не указаны.	Государственный оператор обладает исключительными правами на национальную волоконно-оптическую сеть. Он пользуется преимуществами соглашения с Orange о совместном использовании сети.

Оптоволоконная система, которой управляет Camtel, страдает от частых перебоев, что ухудшает качество обслуживания и вынуждает операторов тратить средства на дорогостоящие альтернативные решения. Специфические для сектора издержки поддерживают высокую стоимость услуг, что затрудняет их внедрение, особенно в сельской местности. Рынок Камеруна представляет собой конкурентную и растущую среду, где игроки конкурируют не только за счёт стоимости услуг и цифровых экосистем (например, мобильных платежей), но и за счёт их ценности. Будущее страны будет зависеть от её способности догнать конкурентов по уровню внедрения широкополосного доступа и решить инфраструктурные проблемы.

В Камеруне стратегии телекоммуникационных компаний достигли стадии зрелости. Привлекательность теперь определяется не только стоимостью минуты разговора, но и совокупной добавленной стоимостью: быстрым и стабильным подключением к интернету, широким спектром интегриро Будущее участников будет зависеть от их способности продолжать инвестировать, умело ориентируясь в условиях нормативно-правовой и инфраструктурной среды, которую ещё можно улучшить. Сотрудничество между операторами, как это демонстрирует соглашение о совместном использовании сетей, подписанное между Orange и Camtel, может стать решением для преодоления этих проблем и обеспечения устойчивого и инклюзивного развития рынка финансовых услуг и цифровыми инструментами для бизнеса.

Библиографический список:

1. Budde Comm Research — Камерун: статистика и анализ телекоммуникаций, мобильной связи и широкополосного интернета. <https://www.budde.com.au/Research/Cameroon-Telecoms-Mobile-and-Broadband-Statistics-and-Analyses>
2. Kedieng Ebongue J. L. F. — Переосмысление сетевой связности в сельских районах Камеруна. (2015). <https://arxiv.org/abs/1505.04449>
3. MTN Group Limited — Годовые финансовые результаты за период, окончившийся 31 декабря 2024 года. <https://mtn-investor.com/reporting/annuals-2024/index.php>
4. Orange S.A. — Интегрированный годовой отчет за 2024–2025 гг. [PDF] <https://rai.orange.com/wp-content/uploads/sites/54/2025/05/rapport-annuel-integre-2024-2025.pdf>
5. Правительство Камеруна — Министерство экономики, планирования и регионального развития (MINPAT) — Отчет о развитии цифровой экономики в Камеруне (на английском языке). https://minepat.gov.cm/wp-content/uploads/2020/07/Rapport_Economie_numerique_finale_anglais_19.12.2024.pdf
6. Министерство почт и телекоммуникаций Камеруна (MINPOSTEL) — Статья «Цифровая экономика» на официальном сайте. <https://www.minpostel.gov.cm/index.php/fr/actualites/482-digital-economy>
7. Экономическая комиссия ООН для Африки (UNECA) — Цифровые трансформации и экономическая диверсификация в Центральной Африке. https://archive.uneca.org/sites/default/files/images/SROs/CA/ice_19_-_report_digital_economy_eng.pdf

---

УОАМБОК САБИНДИ ЛИНН КАРЕЛЛ – магистрант, Российский университет дружбы народов, Институт мировой экономики и бизнеса, Россия.

С.И. Лысова

ОПЫТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОГБУ «ОКТЯБРЬСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ»

В статье обоснована необходимость оценки и анализа системы мотивации персонала учреждений социального обслуживания населения. Приведены примеры методического инструментария оценки эффективности мотивации персонала. Проанализирован опыт оценки эффективности управления системой мотивации сотрудников Областного государственного бюджетного учреждения «Октябрьский комплексный центр социального обслуживания населения».

Ключевые слова: оценка эффективности, персонал учреждения, социальное обслуживание населения.

Эффективное управление социальными учреждениями в настоящее время невозможно без создания условий для максимальной вовлеченности его сотрудников в деятельность, что напрямую зависит от степени мотивированности каждого из них.

Руководители организаций придают большое значение стимулированию сотрудников. Они либо разрабатывают новые методы поощрения, опираясь на свой опыт и практику, либо совершенствуют уже существующие системы мотивации. С развитием менеджмента усилился интерес к оценке эффективности управления мотивацией, что отражается в результатах работы стимулирующих систем. Это позволяет своевременно внедрять и улучшать методы мотивации, а также корректно планировать расходы на управление персоналом. В организациях социальной защиты этот аспект особенно важен, поскольку для сотрудников имеет значение не только финансовая сторона их деятельности.

В ходе проведенного исследования был проанализирован опыт оценки эффективности управления системой мотивации сотрудников Областного государственного бюджетного учреждения «Октябрьский комплексный центр социального обслуживания населения» (Центр). В Центре для получения информации от сотрудников обычно прибегают к интервью, опросам и анкетированию. Эти методы позволяют оперативно собрать данные от всех работников, не требуя значительных финансовых вложений, что особенно важно для бюджетного учреждения. Применение такого подхода способствует установлению доверительных отношений и позволяет точно оценить, насколько эффективно работает система мотивации, решает ли она поставленные задачи и многое другое.

Кроме того, в учреждении используется метод сравнения. Он заключается в сопоставлении текущей системы стимулирования с аналогичными моделями, применяемыми в других организациях той же отрасли. Это позволяет провести оценку состояния собственной системы мотивации.

Для этого руководство Центра участвует в различных селекторных совещаниях и конференциях, посвященных данной теме, где можно перенять опыт не только отечественный, но и зарубежный. В Центре социального обслуживания такая комплексная работа по анализу эффективности управления системой мотивации используется последние несколько лет, она основана на сопоставлении определенных показателей: производительность труда, рост заработной платы, их соотношение, текучесть персонала, показатель качественного состава рабочих. В процессе комплексного применения данных методов в 2024 году произошли большие изменения, была пересмотрена система стимулирования персонала учреждения. На начало 2026 года, стимул работать качественно и добросовестно возрос. По сравнению с 2024 годом, ежемесячный средний балл по критериям повысился с 60 баллов до 95 баллов, что является хорошим показателем работоспособности новой системы стимулирования персонала. Таким образом, Центр использует различные способы оценки эффективности управления системой мотивации персонала, это в свою очередь положительно влияет на полученную в ходе изучения информацию и помогает всесторонне рассмотреть данную тему. По результатам полученных данных можно с уверенностью сказать, что сотрудники Центра удовлетворены новой системой стимулирования труда, есть позитивные изменения в работе, люди стали более активно участвовать в жизни учреждения, включаются в различные мероприятия, а это означает, что качество предоставляемых услуг становится лучше, а число получателей социальных услуг увеличивается.

Библиографический список:

1. Герашенко Р.И. Исследование влияния мотивации трудовой деятельности на профессиональную самореализацию специалистов социальной работы / Р.И. Герашенко, Ж.И. Гусева // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. В 2-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 21–23 ноября 2022 года / Редколлегия: И.В. Цвелелева (отв. ред.), Н.Э. Ракитина, Н.В. Мальшева. Том Часть 1. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2022. – С. 165-168. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50068722>
2. Гордеева Е.В., Севостьянова Ю.С. Мотивация как важнейший фактор повышения эффективности системы управления персоналом организации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – №. 11-1. – С. 226–229. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44396272&ysclid=le8hzag1ix791005559>
3. Колесников Д.И., Цветочкина И.А. Мотивация персонала в современной организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №. 3-2. – С. 42-45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-personala-v-sovremennoy-organizatsii-1?ysclid=le8i1677lo440851244>
4. Логутова В.А. Мотивация труда специалистов по социальной работе / В.А. Логутова, Д.А. Антонов // Актуальные проблемы современного социального знания : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 27 апреля 2018 года / Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева; Под общей редакцией Л.Е. Ананьина. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2018. – С. 92-94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36823179>
5. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход : монография / Ю.А. Токарева, Н.М. Глухенькая, А.Г. Токарев // Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Шадр. гос. пед. ун-т. – Шадринск : ШГПУ, 2021. – 216 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/97205/1/978-5-87818-602-5_2021.pdf?ysclid=le8bvxgdj330893542
6. Рахматуллина З.Б. Мотивация работников учреждений социальной защиты населения / З.Б. Рахматуллина, Л.Р. Гаус // XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования». – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – С. 650-657. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/52153?ysclid=le8htjmwio590554159>

Ю
Р
И
Д
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

А.М. Хомушку

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

В настоящей статье освещены некоторые вопросы гражданско-правового регулирования информационной безопасности. Выявлен ряд проблем в обеспечении информационной безопасности гражданско-правовыми средствами и предложены пути совершенствования данной сферы правоотношений.

***Ключевые слова:** информационная безопасность, гражданско-правовое регулирование, информация, защита информации, нематериальные блага, персональные данные, коммерческая тайна.*

В современную эпоху информационных технологий человеческая деятельность практически полностью связана с обменом, хранением и обработкой данных. Информационная безопасность выступает как важнейший аспект в обеспечении стабильности и безопасности общества, бизнеса и государства. Информационная безопасность – это, прежде всего, защита информации и информационных систем от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, разрушения, модификации или иного незаконного воздействия.

Информацию нельзя в полной мере отнести к категории нематериальных благ и, следовательно, информация - это определенное нематериальное благо, неразрывно связанное с личностью его носителя, но динамика ее развития предполагает, что данное благо отчуждаемо и передаваемо, что не соответствует юридической природе нематериальных благ в гражданско-правовом понимании [1, с.1158].

К категории нематериального блага по соответствующим признакам следует относить не информацию в собственном смысле слова, а право гражданина и человека на информацию. Информация в данном случае будет выступать в качестве того объекта правового регулирования, по поводу которого лица, вступая в информационно-правовые отношения, реализуют данное субъективное право. Более того, отношения, возникающие между субъектами при реализации права на информацию, попадают в сферу

гражданско-правового регулирования только тогда, когда они имеют определенный имущественный характер и сферу гражданско-правовой охраны и защиты, личный неимущественный характер и не связаны с имущественными отношениями.

Информационная безопасность предполагает защиту информации от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, изменения или уничтожения. В современном мире информационная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности, а также личной и деловой безопасности граждан. Потеря или утечка данных может привести к финансовым потерям, репутационным ущербам, а в некоторых случаях – к угрозе жизни и здоровью.

Ключевым аспектом информационной безопасности является защита персональных данных, коммерческой тайны и иных сведений. В связи с ростом числа киберпреступлений актуальным становится использование гражданско-правовых средств для противодействия этим угрозам и защиты прав потерпевших.

Гражданско-правовые средства – это совокупность правовых способов и механизмов, которыми могут пользоваться граждане и юридические лица для защиты своих прав и интересов в сфере информации. В контексте информационной безопасности ключевую роль играют договорные отношения, требования к соблюдению конфиденциальности, ответственность за нарушение правил обработки данных и другие правовые инструменты.

Использование гражданско-правовых механизмов обладает рядом преимуществ для обеспечения информационной безопасности:

- гибкость и нацеленность: договорные отношения позволяют индивидуально регулировать порядок обращения с информацией;
- возможность быстрого реагирования: гражданские иски и претензии позволяют оперативно пресекать нарушения и защищать права;
- защита конфиденциальности и коммерческой тайны: гражданские санкции способствуют предотвращению утечек и разглашения информации;
- восстановление нарушенных прав: суды могут присуждать компенсации, устраняя ущерб;
- усиление ответственности: наличие гражданско-правовых мер стимулирует участников информационных процессов соблюдать правила и требования законодательства.

Несмотря на эффективность гражданско-правовых средств, у них есть и недостатки:

- задержка судебных процедур: получение решений может занимать длительное время;
- трудности доказательства: установление фактов нарушения и причинно-следственных связей требует существенных усилий;
- ограниченность в превентивных мерах: гражданские механизмы преимущественно реагируют на нарушения, а не предотвращают их;
- недостаточная защита в условиях быстроменяющегося информационного пространства: сложности в оперативном регулировании новых видов угроз [2, с.307].

Для повышения эффективности гражданско-правовых средств необходимо развитие правовой базы, внедрение современных механизмов судебной защиты, а также популяризация правовых знаний у граждан и юридических лиц.

В заключение хотелось бы сказать, что, обеспечение информационной безопасности гражданско-правовыми средствами является важным аспектом современной правовой системы. Использование договорных механизмов, гражданско-правовых исков и ответственности способствует защите прав и интересов граждан и юридических лиц в информационной сфере. Однако для полного и эффективного противодействия актуальным угрозам необходимо сочетание гражданско-правовых мер с другими мерами государственной политики и техническими средствами защиты информации. В условиях стремительного развития технологий и усложнения информационных угроз гражданско-правовая ответственность и механизмы будут играть всё более важную роль в обеспечении информационной безопасности общества.

Библиографический список:

1. Афанасьева, А. А. Информация как объект гражданского права / А. А. Афанасьев // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 9. – С. 1156–1162.
2. Козаченко, Н.Е. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности / Н.Е. Козаченко // Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности. Материалы Шестого международного транспортно-правового форума. - Москва, 2024. - С. 306-310.

ХОМУШКУ АНГЕЛИНА МЕРГЕНОВНА – магистрант, Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, Россия.

А.А. Тушканов

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОХРАНЫ И БЕЗОПАСНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена комплексному исследованию правового режима охраны и безопасной эксплуатации трансграничных трубопроводов. На основе анализа международных договоров (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Договор к Энергетической хартии 1994 г.), национального законодательства Российской Федерации, зарубежного опыта (США, Канада, страны ЕС) и доктринальных источников рассматриваются проблемы правового регулирования охранных зон магистральных трубопроводов, ответственности за нарушения в их границах, а также вопросы технического регулирования и промышленной безопасности. Особое внимание уделяется теоретической проблеме правового режима трансграничных объектов, исследованной О.Г. Ершовым и О.А. Полежаевым, а также практической проблеме старения основных фондов трубопроводного транспорта. Обосновывается необходимость кодификации российского законодательства в сфере охраны трубопроводов и разработки международного кодекса по вопросам эксплуатации и охраны трубопроводного транспорта.

Ключевые слова: трансграничные трубопроводы, правовой режим, охранные зоны, промышленная безопасность, техническое регулирование, Конвенция ООН по морскому праву, ответственность, кодификация, основные фонды.

Введение. Обеспечение сохранности и безопасной эксплуатации трансграничных трубопроводов представляет собой одну из ключевых проблем современного энергетического права, имеющую как теоретическое, так и сугубо практическое измерение. Как отмечает А. Баженова, современные условия работы трубопроводного транспорта характеризуются прогрессирующим старением основных фондов: более 50% магистральных трубопроводов эксплуатируются более 20 лет, а около половины из них — свыше 30 лет [7]. Циклические воздействия внутреннего давления, накопление усталостных повреждений в зонах дефектов, коррозия наружной поверхности трубопроводов — все эти факторы в значительной степени увеличивают риск отказов и крупных промышленных аварий [7].

Вместе с тем, как убедительно показывают О.Г. Ершов и О.А. Полежаев, проблема правового режима трансграничных объектов, включая трубопроводы, имеет фундаментальный теоретический аспект, связанный с различным пониманием права собственности и объекта недвижимости в разных правовых системах [11, с. 59-63].

1. Понятие правового режима и его значение для трансграничных трубопроводов

Прежде чем перейти к анализу конкретных нормативных предписаний, необходимо определить само понятие правового режима применительно к трансграничным трубопроводам.

Как справедливо отмечает Г.С. Беляева, правовой режим представляет собой порядок регулирования, выраженный в многообразном комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание дозволений, запретов и позитивных обязываний и создающий особую направленность регулирования [8, с. 9-13]. Применительно к трансграничным объектам, включая трубопроводы, данная категория приобретает особое значение, поскольку позволяет выявить специфику юридического воздействия на отношения, складывающиеся по поводу объектов, расположенных на территории нескольких государств.

Ершов и Полежаев, исследуя проблему правового режима трансграничных объектов, приходят к выводу, что в настоящее время тип регулирования окончательно не определен, а отправной точкой является необходимость получения верного знания о природе таких объектов, в том числе как объектов гражданских прав [11, с. 62].

Фундаментальная коллизийная проблема, препятствующая установлению единообразного правового режима трансграничных трубопроводов, заключается в различном понимании права собственности на недвижимое имущество в разных правовых системах. Как убедительно показывают авторы, в странах романо-германской правовой семьи признается существование права частной собственности на

любые виды недвижимости, в странах общего права право собственности носит сложный «расщепленный» характер, а в странах социалистического права (на примере КНР) недвижимость является исключительно государственной собственностью [11, с. 60].

Эта коллизия создает ситуацию, при которой единый объект (трансграничный трубопровод) подпадает под действие разных правовых режимов на территории разных государств, что противоречит фундаментальному положению теории права о том, что относительно одного объекта должно возникать одно по содержанию право [11, с. 60].

2. Международно-правовые основы охраны подводных трубопроводов

Основополагающим международным договором, регулирующим вопросы охраны подводных трубопроводов, является Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS).

Статья 113 Конвенции обязывает государства принимать необходимые законы и правила, предусматривающие, что разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода лицами, действующими умышленно или по грубой неосторожности, являются наказуемым деянием [1].

Статья 114 Конвенции регулирует вопросы ответственности владельцев трубопроводов: если при прокладке или ремонте одного трубопровода причиняется разрыв или повреждение другого, виновная сторона несет расходы по ремонту. Кроме того, как отмечает А. Баженова, владельцы судов, жертвовавшие якорем или рыболовной снастью во избежание повреждения трубопровода, имеют право на возмещение от владельца трубопровода при условии, что ими были приняты все разумные меры предосторожности [7].

Вместе с тем, как справедливо указывает Баженова, положений UNCLOS недостаточно для обеспечения трансграничной безопасности трубопроводного транспорта, поскольку Конвенция не регулирует вопросы технического состояния трубопроводов, порядка их обслуживания и ремонта, экологических требований [7].

Определенное значение для охраны трубопроводов имеют и положения Договора к Энергетической хартии 1994 года. М.В. Артанова отмечает, что статья 7 ДЭХ запрещает транзитному государству прерывать или сокращать существующий поток энергетических материалов, что косвенно способствует защите трубопроводной инфраструктуры [6]. Однако, как показала практика, данный запрет не подкреплен эффективным механизмом ответственности.

3. Национально-правовой режим охраны магистральных трубопроводов в Российской Федерации

В Российской Федерации основным документом, регулирующим вопросы охраны магистральных трубопроводов, являются Правила охраны магистральных трубопроводов, утвержденные Минтопэнерго России 29 апреля 1992 года и Постановлением Госгортехнадзора России № 9 от 22 апреля 1992 года [5].

Согласно пункту 4.1 Правил, для исключения возможности повреждения трубопроводов устанавливаются охранные зоны в виде участка земли, ограниченного условными линиями, проходящими в 25 метрах от крайних осей трубопровода [12]. Пунктом 7.15 и Таблицей № 4 СП 36.13330.2012 «Магистральные трубопроводы» установлены минимальные расстояния до различных объектов — для жилой застройки они составляют 100-150 метров от оси трубопровода в зависимости от его диаметра [12].

Земельный кодекс РФ в пункте 8 статьи 90 устанавливает важное правило: на земельные участки, где размещены подземные объекты трубопроводного транспорта, оформление прав собственников трубопроводов не требуется, однако у собственников земельных участков возникают ограничения прав в связи с установлением охранных зон [12].

Как отмечает А. Баженова, в охранных зонах запрещается производить действия, которые могут нарушить нормальную эксплуатацию трубопровода либо привести к его повреждению, включая возведение любых построек и сооружений, производство земляных работ, складирование материалов [7].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в статье 11.20.1 устанавливает ответственность за совершение в охранных зонах магистральных трубопроводов действий, запрещенных законодательством, либо выполнение работ без соответствующего разрешения. Штрафы для граждан составляют от 50 до 100 тысяч рублей, для должностных лиц — от 500 до 800 тысяч рублей, для юридических лиц — от 500 тысяч до 2,5 миллионов рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток [12].

Уголовный кодекс РФ в статье 215.3 предусматривает ответственность за приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов. Максимальное наказание за деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или в отношении магистральных трубопроводов, — лишение свободы на срок до шести лет [12].

4. Зарубежный опыт регулирования охраны трубопроводов

Значительный интерес для целей настоящего исследования представляет опыт Северной Америки в регулировании трансграничных трубопроводов.

И. Гулиев и О. Пичков, детально исследовавшие североамериканский опыт, отмечают, что сотрудничество США и Канады в сфере трубопроводного транспорта характеризуется активным взаимодействием органов исполнительной власти, выраженным в международных правовых актах как юридически обязывающего, так и необязательного характера [10, с. 169-175].

Важным аспектом североамериканского опыта является разграничение понятий «стандарт» (добровольное соблюдение) и «технический регламент» (обязательные требования). Как указывают авторы, Соглашение по техническим барьерам в торговле в рамках ВТО признает за странами право устанавливать технические регламенты, включая требования к маркировке и упаковке товаров, которые должны базироваться на научно обоснованных данных [10, с. 172].

Применительно к Европейскому Союзу следует отметить значение Третьего энергетического пакета, который, как указывает М.В. Артанова, предусматривает полное разделение вертикально интегрированных компаний и исключает возможность совмещения функций оператора трубопровода и поставщика газа одним юридическим лицом [6]. Данное обстоятельство, по мнению автора, создает определенные сложности для российских компаний, в которых традиционно совмещены функции добычи, транспортировки и сбыта [6].

С.В. Василькова, анализируя основные направления развития энергетического права в зарубежных странах, выделяет несколько ключевых тенденций: увеличение стратегической значимости энергетических ресурсов и соответствующее усиление стратегирования в нормативных правовых актах; сближение подходов в рамках интеграционных форматов; регулирование энергетических отношений с учетом низкоуглеродного тренда; создание правовых условий для развития водородной энергетики [9, с. 95-104].

5. Проблема старения основных фондов и необходимость кодификации

Особую остроту проблема охраны трубопроводов приобретает в связи со старением основных фондов. А. Баженова, анализируя состояние трубопроводного транспорта, указывает, что циклические воздействия внутреннего давления вызывают накопление усталостных повреждений в зонах дефектов, допущенных при изготовлении труб и проведении строительно-монтажных работ. Несовершенство технологии нанесения изоляционного покрытия, применение некачественных материалов приводят к развитию коррозионных повреждений наружной поверхности трубопроводов [7].

Анализ российского законодательства, проведенный Баженовой, показывает его фрагментарность и противоречивость. Нормы, регулирующие охрану и эксплуатацию трубопроводного транспорта, разрознены, не имеют четкой структуры, слабо связаны между собой [7].

О.П. Чернет, исследуя международно-правовой режим трансграничных трубопроводов в РФ, отмечает, что обсуждение законопроекта «О магистральном трубопроводном транспорте», тянувшееся на протяжении нескольких лет, вновь было отложено на неопределенный срок [13]. По мнению автора, это свидетельствует о сохраняющейся актуальности проблемы кодификации законодательства в данной сфере [13].

6. Перспективы совершенствования правового регулирования

Обобщая проведенный анализ, представляется возможным выделить два основных вектора совершенствования правового регулирования охраны и безопасной эксплуатации трансграничных трубопроводов.

Во-первых, это развитие наднационального, универсального регулирования. А. Баженова обосновывает необходимость создания Международного кодифицированного кодекса по вопросам эксплуатации и охраны трубопроводного транспорта, который должен установить единые стандарты безопасности, порядок взаимодействия компетентных органов государств, механизмы трансграничного мониторинга и оповещения об авариях [7]. По мнению автора, такой кодекс должен базироваться на принципах внутрисубъектного регулирования охраны и эксплуатации, сочетания интересов государства с интересами субъектов транспортной деятельности, соответствия нормам международного права, безопасности для жизни и здоровья человека и окружающей среды [7].

Во-вторых, это совершенствование на национальном уровне. А. Баженова предлагает принятие Единого Кодекса РФ по вопросам эксплуатации и охраны трубопроводного транспорта, который должен включать три раздела: порядок размещения трубопроводов во внутренних морских водах, территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе; правила эксплуатации трубопроводов; порядок охраны трубопроводов и функции координационного центра [7].

Представляется, что предложения Баженовой заслуживают поддержки, поскольку кодификация позволила бы устранить существующую фрагментарность правового регулирования и обеспечить единообразный подход к вопросам охраны и безопасной эксплуатации трубопроводного транспорта.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Правовой режим трансграничных трубопроводов представляет собой сложное, многоуровневое явление, формируемое на стыке международного публичного, международного частного и национального права. Фундаментальной теоретической проблемой является невозможность применения единой коллизионной привязки к единому объекту недвижимости, части которого находятся под юрисдикцией разных государств с различным пониманием права собственности.

2. Международно-правовые основы охраны трубопроводов заложены в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, однако ее положения недостаточны для обеспечения трансграничной безопасности трубопроводного транспорта и не регулируют вопросы технического состояния трубопроводов, порядка их обслуживания и ремонта.

3. В Российской Федерации сложилась разветвленная система норм об охранных зонах магистральных трубопроводов и ответственности за их нарушение. Вместе с тем, действующее законодательство характеризуется фрагментарностью и нуждается в кодификации.

4. Зарубежный опыт (США, Канада, страны ЕС) демонстрирует различные подходы к регулированию охраны трубопроводов, включая разделение функций оператора и поставщика, разграничение стандартов и технических регламентов, развитие межгосударственного взаимодействия.

5. Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования являются разработка Международного кодекса по вопросам эксплуатации и охраны трубопроводного транспорта и принятие Единого кодекса РФ в соответствующей сфере.

Библиографический список:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) // Консультант Плюс.

2. Федеральный закон от 31.07.1998 N 155-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // Консультант Плюс.

3. Федеральный закон от 30.11.1995 N 187-ФЗ (ред. от 02.05.2015) «О континентальном шельфе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 04.12.1995. — № 49. — Ст. 4694.

4. Постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 620 (ред. от 26.03.2014) «Об утверждении технического регламента о безопасности объектов морского транспорта» // Собрание законодательства РФ. — 23.08.2010. — № 34. — Ст. 4475.

5. Правила охраны магистральных трубопроводов (утв. Минтопэнерго РФ 29.04.1992, Постановлением Госгортехнадзора РФ № 9 от 22.04.1992) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Артанова Марина Владимировна Международно-правовое регулирование транзита энергоносителей // Вопросы российской юстиции. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-tranzita-energonositeley>.

7. Баженова Анна Международно-правовое регулирование прокладки, эксплуатации и охраны трубопроводного транспорта // Океанский менеджмент. 2017. №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-prokladki-ekspluatatsii-i-ohrany-truboprovodnogo-transporta>.

8. Беляева Галина Серафимовна К вопросу о сущности правового режима // Economic Consultant. 2014. №3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-pravovogo-rezhima>.

9. Василькова С.В. Основные направления развития энергетического права в зарубежных странах / С.В. Василькова // Экономика. Право. Общество. — 2024. — Т. 9. — № 3. — С. 95–104. — DOI: 10.21686/2411-118X-2024-3-95-104.

10. Гулиев И., Пичков О. Регулирование трансграничных трубопроводов: опыт Северной Америки / И. Гулиев, О. Пичков // Международные процессы. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 169–175. — DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.13.

11. Ершов О.Г., Полежаев О.А. Правовой режим трансграничных объектов: постановка проблемы / О.Г. Ершов, О.А. Полежаев // Мониторинг правоприменения. — 2017. — № 2 (23). — С. 59–63. — DOI: 10.21681/2412-8163-2017-2-59-63.

12. Памятка землепользователю, землевладельцу, застройщику, представителю [Электронный ресурс] // Администрация Камешковского района. — URL: http://admkam.ru/infon_prosecution/?ELEMENT_ID=77394 (дата обращения: 10.03.2026).

13. Чернет Ольга Петровна Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов в РФ: пути совершенствования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №6-7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoy-rezhim-transgranichnyh-truboprovodov-v-rf-puti-sovershenstvovaniya>.

ТУШКАНОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

А.А. Тушканов

ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНЗИТА УГЛЕВОДОРОДОВ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УНИФИКАЦИИ

В статье на основе комплексного анализа доктрины международного частного права, международных договоров и материалов правоприменительной практики исследуются теоретические и практические проблемы договорного регулирования транзита углеводородов посредством трубопроводного транспорта. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам соотношения понятий «сделка», «договор» и «контракт» применительно к внешнеэкономическим операциям с углеводородами, а также правовой квалификации договора трубопроводного транзита как смешанного или непоименованного обязательства. Проводится сравнительный анализ положений Барселонской конвенции о свободе транзита 1921 г., Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. и Договора к Энергетической хартии 1994 г. в части регулирования транзитных отношений. На основе обобщения позиций О.А. Вятлевой, Д.В. Андриянова, С.Л. Ситникова, Ю.И. Павловой и других авторов обосновывается вывод о необходимости законодательного закрепления самостоятельного вида договора трубопроводной транспортировки с учетом его смешанной правовой природы.

Ключевые слова: международное частное право, транзит углеводородов, внешнеэкономическая сделка, договор международной купли-продажи, Договор к Энергетической хартии, *lex mercatoria*, *lex voluntatis*, смешанный договор, трансграничный трубопровод.

Трансграничный трубопроводный транспорт занимает уникальное положение в системе международных экономических отношений. С одной стороны, трубопровод представляет собой сложное инженерное сооружение, обладающее признаками недвижимого имущества, правовой режим которого определяется национальным законодательством государства места нахождения. С другой стороны, перемещение углеводородов по трубопроводам, пересекающим государственные границы, порождает комплекс обязательственных отношений, которые по своей природе являются частноправовыми и, будучи осложненными иностранным элементом, входят в предмет регулирования международного частного права.

Как справедливо отмечает О.А. Вятлева, международный оборот углеводородов характеризуется ежегодным увеличением количества транзитных цепей, что в свою очередь обуславливает необходимость совершенствования понятийного аппарата и договорного регулирования в указанной сфере [6]. При этом, несмотря на очевидную практическую значимость, вопросы договорно-правового оформления транзита углеводородов остаются недостаточно разработанными как в отечественной доктрине, так и на уровне законодательства.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и анализе теоретических и практических проблем договорного регулирования транзита углеводородов, а также в формулировании предложений по их решению на основе обобщения доктринальных позиций, международно-правовых актов и материалов правоприменительной практики.

1. Эволюция международно-правового регулирования свободы транзита

Прежде чем перейти к анализу договорных форм опосредования транзитных отношений, необходимо рассмотреть публично-правовые основы свободы транзита, поскольку именно они определяют пределы частноправового усмотрения сторон.

Как указывают О.В. Гликман и Л.Р. Мамедов, принцип свободы транзита, будучи одним из основополагающих принципов международного экономического права, берет свое начало в Барселонской конвенции о свободе транзита 1921 года и Статуте о свободе транзита, являющемся ее неотъемлемой

частью [8, с. 206]. А.О. Четвериков справедливо называет Барселонскую конвенцию «первой интеграционной конвенцией Лиги Наций», отмечая, что она провозгласила свободу транзита с целью обеспечить беспрепятственное перемещение через территории государств-участников людей, товаров и транспортных средств [17, с. 131-142].

Принципиально важным этапом развития стало принятие Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года (в редакции 1994 года). Как отмечает П.В. Кузнецов, статья V ГАТТ-94 закрепляет свободу транзита через территорию каждой договаривающейся стороны по маршрутам, наиболее удобным для международного транзита, и устанавливает запрет дискриминации, основанной на флаге судов, месте происхождения, отправления или назначения грузов [12, с. 226].

Особого внимания заслуживает решение Европейского Суда по делу *Società Italiana per l'Oleodotto Transalpino (SIOT) v. Ministero delle Finanze* (1983 г.), которым было признано, что действие статьи V ГАТТ распространяется на трубопроводные транзитные поставки нефти и газа. Тем самым, как справедливо указывают Гликман и Мамедов, было подтверждено, что «другие транспортные средства» в смысле ГАТТ включают в себя и трубопроводы [8, с. 207].

Наиболее специализированным международным договором, регулирующим транзит в сфере энергетики, является Договор к Энергетической хартии (ДЭХ) 1994 года. М.В. Артанова, анализируя положения статьи 7 ДЭХ, отмечает, что она обязывает каждую договаривающуюся сторону принимать необходимые меры для облегчения транзита энергетических материалов и продуктов в соответствии с принципом свободы транзита, без дискриминационных тарифов, а также без чрезмерных задержек и ограничений [2]. Принципиальное значение имеет пункт 6 статьи 7 ДЭХ, устанавливающий запрет для транзитного государства прерывать или сокращать существующий поток энергетических материалов до завершения процедуры разрешения спора. Однако, как справедливо отмечает Артанова, наличие данной нормы не означает ее эффективность, о чем свидетельствуют газовые конфликты между Россией и Украиной в 2005-2006 и 2008-2009 годах [2].

Российская Федерация, подписавшая ДЭХ в 1994 году, так и не ратифицировала его, а в 2009 году направила депозитарию уведомление о намерении не становиться участником Договора. А.А. Конопляник, детально исследовавший этот вопрос, приходит к выводу, что решение России было обусловлено несоответствием ряда положений ДЭХ интересам страны как крупнейшего экспортера энергоресурсов [9, с. 114-132].

2. Проблема квалификации договорных отношений в международном частном праве

Переходя к анализу собственно договорных форм опосредования транзитных отношений, необходимо остановиться на фундаментальной теоретической проблеме — соотношении понятий «сделка», «договор» и «контракт» в международном частном праве. Как справедливо отмечает О.А. Вятлева, анализ норм российского права, положений международных договоров и доктринальных исследований показывает, что единообразный подход к оформлению договорных отношений по поставке и транзиту углеводородов на текущий момент отсутствует [6].

Обращаясь к доктрине, следует отметить позицию М. Вольфа, который характеризует договор как соглашение между двумя или более сторонами, которое в соответствии с их намерениями возлагает обязанности на должника и создает для кредитора право требовать исполнения обязательства [5]. Данный подход, как указывает Вятлева, мало отличается от подхода, выраженного законодателем в Гражданском кодексе РФ [6].

Применительно к соотношению понятий «сделка» и «договор» в юридической литературе сложилась устойчивая позиция, согласно которой понятие «сделка» шире понятия «договор», поскольку охватывает не только двусторонние и многосторонние акты, но и односторонние волеизъявления. В.А. Бублик в своей монографии подчеркивает, что нам известна такая разновидность сделок, как односторонние сделки, что подтверждает справедливость указанного вывода [4].

Особого внимания заслуживает термин «контракт». Как отмечает Вятлева, в обзорах практики Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ термин «контракт» используется наряду с терминами «договор» и «сделка», при этом какие-либо критерии их разграничения отсутствуют [6].

По мнению О.Ю. Шиловцова, в современном гражданском праве наблюдается тенденция к сближению понятий «договор» и «контракт», однако полного отождествления не происходит, поскольку «контракт» традиционно используется для обозначения предпринимательских, коммерческих договоров [18, с. 45].

Представляется обоснованной позиция Д.В. Андриянова, который предлагает именовать договоры, опосредующие отношения по разведке, разработке, транспортировке углеводородов и осложненные иностранным элементом, «трансграничными нефтегазовыми сделками» [1, с. 10]. Такая терминология позволяет, с одной стороны, подчеркнуть их связь с предпринимательской деятельностью, а с другой — отразить специфику объекта правового регулирования.

3. Правовая природа договора трубопроводной транспортировки углеводородов

Вопрос о правовой природе договора, опосредующего отношения по перемещению углеводородов посредством трубопроводного транспорта, является одним из наиболее дискуссионных в доктрине. И С.Л. Ситников, исследуя гражданско-правовое регулирование транспортировки нефти, приходит к выводу, что данные договорные отношения представляют собой смешанный договор, включающий элементы перевозки, иррегулярного хранения и мены [16, с. 198]. Обосновывая свою позицию, автор указывает, что при транспортировке нефти по магистральным трубопроводам происходит одновременно перемещение продукта в пространстве (элемент перевозки), обезличенное хранение в резервуарах (элемент иррегулярного хранения), а также смешение различных партий нефти, что порождает отношения, сходные с меной.

Иной точки зрения придерживается Ю.И. Павлова, которая рассматривает договор трубопроводной транспортировки как непоименованный договор, не урегулированный Гражданским кодексом РФ [14, с. 158]. По мнению автора, специфика отношений по перемещению углеводородов такова, что не позволяет однозначно квалифицировать их ни как договор перевозки, ни как договор хранения, что требует признания их самостоятельной договорной конструкции.

Е.А. Гаврилина предлагает рассматривать договорные отношения по поставке и транзиту углеводородов в контексте производственно-хозяйственной деятельности, учитывая движение нефтепродуктов от производителя к потребителю. Специфику анализируемых отношений автор видит в особенностях субъектного состава договора [7].

Представляется, что наиболее обоснованной является позиция С.Л. Ситникова, поскольку она учитывает многообразие правоотношений, возникающих в процессе трубопроводной транспортировки. Вместе с тем, нельзя не признать, что действующее гражданское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих указанные отношения, что создает правовую неопределенность и порождает риски для участников оборота.

4. Коллизионно-правовое регулирование и автономия воли сторон

Принципиальное значение для договорного регулирования трансграничных трубопроводных поставок имеет коллизионно-правовой аспект, а именно — определение применимого права. К.Н. Семисорова, исследуя эволюцию коллизионных норм, отмечает, что *lex voluntatis* как формула прикрепления оформилась в законодательстве лишь в конце XIX века, однако к началу XXI века стала общепризнанной генеральной коллизионной привязкой не только для договорных, но и для трудовых и даже внедоговорных отношений [15, с. 699]. В российской практике широкое распространение получило использование в контрактах на транзит углеводородов оговорок о применении шведского, английского или швейцарского права. Так, в Контракте между ОАО «Газпром» и НАК «Нафтогаз Украины» от 19 января 2009 года было предусмотрено применение шведского законодательства [10].

Однако, как показал анализ М.В. Артановой, арбитражное разбирательство в Стокгольме выявило существенную проблему: сторона спора («Нафтогаз») пыталась обосновать применение права ЕС, включая статьи 101 и 102 Договора о функционировании ЕС, несмотря на то, что Украина не является членом ЕС, а контракт был заключен двумя компаниями, учрежденными за пределами ЕС [2]. Трибунал, как указывает Артанова, согласился с доводами «Газпрома» о неприменимости права ЕС, однако сам факт подобных попыток свидетельствует о том, что выбор применимого права не гарантирует деполитизации спора [2]. В этой связи заслуживает внимания позиция А.В. Асоскова, который отмечает, что в современном международном коммерческом арбитраже наблюдается тенденция к применению транснационального права (*lex mercatoria*), что позволяет в определенной степени нивелировать различия национальных правовых порядков [3, с. 112-115].

5. Механизмы разрешения транзитных споров: сравнительный анализ

Не менее важным, чем определение применимого права, является выбор механизма разрешения потенциальных споров. М.В. Артанова проводит сравнительный анализ двух основных механизмов: арбитражного разбирательства и процедуры примирения с участием мирового посредника, предусмотренной статьей 7.7 ДЭХ [2]. Анализируя преимущества и недостатки арбитражной процедуры на примере спора «Нафтогаз» против «Газпрома», автор отмечает такие недостатки, как длительность разбирательства (более трех лет), сложность выяснения обстоятельств дела, проблемы с последующим оспариванием и исполнением решений [2]. Процедура примирения с участием мирового посредника, напротив, характеризуется оперативностью и обеспечивает непрерывность транзитного потока на время разрешения спора. Однако, как справедливо указывает Артанова, данная процедура несет риски субъективизма, возможной утечки коммерческой информации и, по сути, возводит посредника в ранг высшей инстанции без должных процессуальных гарантий [2].

Е.Ю. Новиков, исследуя механизмы разрешения международных энергетических споров, приходит к выводу о необходимости создания специализированного органа по разрешению споров в сфере энергетики, аналогичного Органу по разрешению споров ВТО [13, с. 88-92]. Представляется, что данная

позиция заслуживает поддержки, поскольку создание специализированного механизма позволило бы обеспечить как оперативность разбирательства, так и необходимые процессуальные гарантии.

6. Перспективы совершенствования договорного регулирования

Обобщая проведенный анализ, можно выделить несколько направлений совершенствования договорного регулирования транзита углеводородов.

Во-первых, необходима унификация понятийного аппарата на уровне как международных договоров, так и национального законодательства. В этой связи заслуживает внимания позиция О.А. Вятлевой о целесообразности использования термина «контракт» для обозначения договорных отношений, осложненных иностранным элементом в сфере нефтегазового бизнеса [6].

Во-вторых, требуется законодательное закрепление специального вида договора трубопроводной транспортировки с учетом его смешанной правовой природы. Как справедливо отмечает С.Л. Ситников, отсутствие специального регулирования порождает правовую неопределенность и создает риски для участников оборота [16, с. 198].

В-третьих, необходимо совершенствование механизмов разрешения споров. В этой связи актуальным представляется предложение России, изложенное в «Концептуальном подходе к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики» (2009 г.), о разработке универсального международного юридического обязывающего документа, который предусматривал бы эффективный механизм разрешения споров с участием всех заинтересованных сторон [11].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. В современной доктрине международного частного права отсутствует единообразный подход к соотношению понятий «делка», «договор» и «контракт» применительно к отношениям по поставке и транзиту углеводородов. Представляется обоснованным использование термина «контракт» для обозначения договорных отношений, осложненных иностранным элементом и имеющих предпринимательский характер.

2. Договор трубопроводной транспортировки углеводородов обладает смешанной правовой природой, сочетая элементы перевозки, иррегулярного хранения и мены. Данное обстоятельство требует законодательного закрепления самостоятельного вида договора, что позволило бы устранить существующую правовую неопределенность.

3. Принцип автономии воли сторон (*lex voluntatis*) является основополагающим для договорного регулирования транзита углеводородов, однако практика свидетельствует о том, что выбор применимого права не гарантирует деполитизации потенциальных споров.

4. Существующие механизмы разрешения транзитных споров (арбитраж и процедура примирения с участием мирового посредника) обладают как преимуществами, так и недостатками, что обуславливает необходимость создания специализированного механизма разрешения споров в сфере энергетики.

Библиографический список:

1. Андриянов Д.В. Трансграничные нефтегазовые сделки в международном частном праве: понятие, виды, особенности регулирования / Д.В. Андриянов // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 10 (131). — С. 10–18.
2. Артанова М.В. Международно-правовое регулирование транзита энергоносителей / М.В. Артанова // Вопросы российской юстиции. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-tranzita-energonositeley> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств / А.В. Асосков. — М.: Инфотропик Медиа, 2012. — 640 с.
4. Бублик В.А. Гражданско-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации: проблемы теории, законотворчества и правоприменения / В.А. Бублик. — Екатеринбург, 1999. — 230 с.
5. Вольф М. Международное частное право / М. Вольф; под ред. Л.А. Лунца. — М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. — 702 с.
6. Вятлева О.А. Договорные отношения по поставке и транзиту углеводородов в международном частном праве / О.А. Вятлева // Образование и право. — 2023. — № 4. — С. 1–5.
7. Гаврилина Е.А. Система договорных связей на рынке нефти и нефтепродуктов / Е.А. Гаврилина. — М., 2016. — 242 с.
8. Гликман О.В., Мамедов Л.Р. Международно-правовое регулирование транзита в сфере энергетики / О.В. Гликман, Л.Р. Мамедов // Теория и практика общественного развития. — 2024. — № 5. — С. 205–215. — DOI 10.24158/tpog.2024.5.27.
9. Конопляник А.А. Россия и Энергетическая хартия: долгий и извилистый путь навстречу друг другу / А.А. Конопляник // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. — 2010. — № 12 (438). — С. 114–132.
10. Контракт № КП от 19 января 2009 года между ОАО «Газпром» и НАК «Нафтогаз Украины» купли-продажи природного газа в 2009-2019 годах [Электронный ресурс] // Взгляд. — URL: <https://vz.ru/information/2009/1/22/249220.html> (дата обращения: 10.03.2026).

11. Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики (цели и принципы) от 21 апреля 2009 г. [Электронный ресурс] // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/258> (дата обращения: 10.03.2026).

12. Кузнецов П.В. Зарубежное регулирование магистрального трубопроводного транспорта / П.В. Кузнецов // Молодой ученый. — 2021. — № 51 (393). — С. 226–227.

13. Новиков Е.Ю. Механизмы разрешения международных энергетических споров / Е.Ю. Новиков // Международное правосудие. — 2018. — № 2. — С. 88–95.

14. Павлова Ю.И. Проблемы юридической квалификации договора трубопроводной транспортировки / Ю.И. Павлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 5 (11). — Ч. I. — С. 158–161.

15. Семисорова К.Н. Перспективы развития коллизионных норм в международном частном праве в XXI в. / К.Н. Семисорова // Актуальные проблемы российского права. — 2007. — № 1. — С. 694–703.

16. Ситников С.Л. Актуальные вопросы законодательного регулирования трубопроводного транспорта в России / С.Л. Ситников // Международные нефтегазопроводы: право, геополитика, экономика: материалы международной конференции, МГИМО (У), 6 октября 2005 г. — М., 2005. — С. 198–205.

17. Четвериков А.О. Забытые страницы истории интеграционного права: интеграционные проекты Лиги Наций и их влияние на правовые системы Всемирной торговой организации, Европейского союза и Евразийского экономического союза / А.О. Четвериков // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 3. — С. 131–142.

18. Шилохвост О.Ю. О расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств / О.Ю. Шилохвост // Российская юстиция. — 1999. — № 11. — С. 45–47.

ТУШКАНОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

М.Г. Алиев

РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ: СУДИМОСТЬ В КАЧЕСТВЕ ЭЛЕМЕНТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Исследование посвящено уголовно-правовому статусу судимости, его влиянию на квалификацию противоправных деяний, дифференциацию ответственности и оценку общественной опасности личности. Актуальность темы обусловлена ростом рецидивной преступности в России и необходимостью совершенствования мер профилактики и единообразного применения законодательства. Проведён компаративный анализ зарубежных моделей регулирования рецидива и учёта судимости, выявлены перспективные решения для российской системы. Разработаны предложения по уточнению критериев рецидива и правил учёта судимости при квалификации преступлений.

Ключевые слова: рецидив, состав преступления, судимость, уголовное законодательство, квалификация преступления.

В российской уголовно-правовой системе судимость зачастую ведёт к ужесточению мер ответственности, что вызывает концептуальное противоречие в теории и практике уголовного права. Изначально предназначенный для индивидуализации наказания институт судимости постепенно приобретает самостоятельное значение, фактически трансформируясь в элемент состава преступления в ряде случаев. Это порождает целый комплекс теоретических и практических проблем, касающихся юридической сущности судимости, чётких границ её применения и соответствия основополагающим принципам справедливости, гуманизма и законности. Возникают вопросы о том, насколько оправдано использование судимости как фактора, влияющего на квалификацию деяния, и не приводит ли это к избыточному ограничению прав и свобод лиц, уже понёсших наказание.

Согласно устоявшейся юридической доктрине, судимость в Российской Федерации представляет собой специфическое правовое состояние лица, которое начинается с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу и прекращается с его погашением или досрочным снятием в установленном законом порядке. Законодательством строго регламентированы не только временные рамки существования судимости, но и большое количество правовых последствий, которые она влечёт за собой. К ним относятся: учёт при квалификации рецидива преступлений, влияние на назначение наказания (в том числе выбор его вида и размера), определение вида исправительного учреждения, ограничения в возможности освобождения от уголовной ответственности или наказания, а также сложности в социальной интеграции и восстановлении гражданских прав. Погашение судимости происходит автоматически по истечении установленных законом сроков, которые дифференцируются в зависимости от тяжести совершённого преступления и вида назначенного наказания - от одного года для преступлений небольшой тяжести до десяти лет для особо тяжких преступлений.

Несмотря на отсутствие формального статуса элемента состава преступления, судимость может выступать квалифицирующим признаком в отдельных статьях Уголовного кодекса РФ. Ярким примером является часть 2 статьи 264.1 УК РФ, где наличие судимости за аналогичное преступление существенно влияет на квалификацию преступления и ужесточает санкцию. В отдельных случаях, таких как статья 314 УК РФ (уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы) [1], судимость фактически является ключевым элементом состава преступления, без которого деяние не может быть признано уголовно наказуемым. Это создаёт определённые сложности в правоприменительной практике и требует чёткого понимания различий между использованием судимости как квалифицирующего признака и её учётом в качестве отягчающего обстоятельства.

© М.Г. Алиев, 2026.

Научный руководитель: *Подольный Николай Александрович* - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Россия.

Зарубежное уголовное законодательство демонстрирует весьма различные подходы к регулированию вопросов судимости и рецидива, отражающие национальные приоритеты и правовые традиции. В США, например, действуют так называемые «законы трёх ошибок» (three-strikes laws), предусматривающие автоматическое ужесточение санкций за третье тяжкое преступление после двух предыдущих судимостей, вплоть до пожизненного заключения. В КНР, где судимость остаётся пожизненно, она рассматривается не столько как уголовно-правовой институт, сколько в качестве инструмента социального контроля и мониторинга граждан, что отражает приоритет государственной безопасности над реабилитацией и ресоциализацией осуждённых [2, с. 686]. В странах Европы, напротив, акцент делается на реабилитационный потенциал судимости и возможность досрочного снятия ограничений при условии безупречного поведения. При этом в законодательстве рассмотренных стран отсутствуют статьи уголовного кодекса, обязательным элементом состава которых является наличие судимости, так как в данных юрисдикциях она является лишь отягчающим обстоятельством.

Существенным недостатком современной правоприменительной практики в России является ошибочная квалификация судимости, образующей рецидив, как отягчающего обстоятельства в тех случаях, когда она уже учтена при конструировании состава преступления. Это противоречит положениям статьи 63 УК РФ и нарушает принцип недопустимости двойного учёта одного и того же факта при назначении наказания [3, с. 14]. Подобная практика искажает индивидуализацию наказания, приводит к его чрезмерной строгости и снижает доверие к судебной системе.

Для устранения выявленных противоречий и совершенствования уголовно-правового регулирования необходимо чётко разграничивать случаи, когда судимость является обязательным элементом состава преступления, и ситуации, в которых она может выступать в качестве отягчающего обстоятельства. Перспективным направлением развития законодательства представляется внедрение модели дифференцированной судимости с расширенными сроками для рецидивистов, учитывающей не только тяжесть и количество предыдущих преступлений, но и личностные характеристики виновного, степень его исправления и риск повторного совершения преступления. Такая модель обеспечит единообразие судебной практики, усилит превентивный потенциал уголовного закона и сохранит необходимый баланс между карательной функцией наказания и принципами гуманизма, социальной справедливости и защиты прав человека.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 20 февраля 2026 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. - опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации - URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 20.03.2026) - Текст : электронный.
2. Шукшина А.Ю. Институт судимости в уголовном законодательстве зарубежных стран / А.Ю. Шукшина // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» - 2021 - №6(57) - с. 686-690.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». - Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. - URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8470/> (дата обращения 20.03.2026) - Текст : электронный.

АЛИЕВ МАСИМ ГЮНДЮЗ ОГЛЫ - магистрант, Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Россия.

Д.И. Абишева

ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 2026 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются преступные посягательства в сфере миграции населения как объект уголовно-правовой охраны в условиях кардинального ужесточения миграционного законодательства Российской Федерации в 2026 году. На основе анализа статистических данных, судебной практики 2023–2025 годов и вступивших в силу законодательных новелл автором выявляются проблемы квалификации деяний, предусмотренных статьями 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ, а также правовые последствия введения уголовной ответственности за организацию фиктивных браков и прекращения приобретенного гражданства за совершение преступлений против общественной безопасности. По итогам проведенного правового анализа разрабатываются пути совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики с учетом необходимости системного подхода к противодействию незаконной миграции.

***Ключевые слова:** незаконная миграция, фиктивная регистрация, организация незаконной миграции, фиктивный брак, прекращение гражданства, уголовная ответственность, миграционная безопасность, судебная практика.*

Современная миграционная ситуация в Российской Федерации характеризуется наличием устойчивых вызовов национальной безопасности, обусловленных масштабами нелегальной миграции и сопряженных с ней преступных посягательств. По данным, озвученным официальными представителями правоохранительных органов, к началу 2026 года количество нелегально находящихся на территории страны иностранных граждан составило около 5,7 млн человек, что свидетельствует о системном кризисе в сфере миграционного контроля и создает благоприятную среду для совершения преступлений, предусмотренных статьями 322.1–322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. В 2026 году российский законодатель осуществил беспрецедентное ужесточение миграционного законодательства, введя уголовную ответственность за организацию фиктивных браков и фиктивного отцовства (ст. 322.4 УК РФ), установив отраслевые лимиты на привлечение иностранной рабочей силы (в строительстве – до 50%, в грузопассажирских перевозках – до 24%, в овощеводстве и лесной отрасли – до 40%), создав специализированную службу при МВД России по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, а также предусмотрел возможность прекращения приобретенного гражданства за совершение широкого перечня преступлений против общественной безопасности (п. «л» ч. 2 ст. 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»). Указанные изменения требуют переосмысления сложившихся подходов к квалификации преступных посягательств в сфере миграции и выработки единообразной правоприменительной практики.

Статистические показатели последних лет демонстрируют устойчивую динамику выявления преступлений в миграционной сфере. В 2024 году органами внутренних дел было зарегистрировано 32 458 преступлений, связанных с незаконной миграцией, из которых 21 103 составили деяния, предусмотренные статьей 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет). В 2025 году общее количество таких преступлений возросло до 37 891, при этом на 15% увеличилось количество выявленных фактов организации незаконной миграции по статье 322.1 УК РФ [7; 11]. Судебная практика свидетельствует о том, что подавляющее большинство дел рассматривается в особом порядке судебного разбирательства в связи с признанием обвиняемыми своей вины, что существенно затрудняет анализ правоприменительных ошибок, однако позволяет констатировать высокий уровень латентности и распространенность формальных, а не сущностных подходов к квалификации.

Уголовно-правовой анализ составов преступлений в сфере миграции позволяет выявить ряд системных проблем, связанных с определением момента окончания преступления, разграничением смежных составов и применением квалифицирующих признаков.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 года № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 322.1, 322.2, 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации» закрепило позицию, согласно которой организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) признается оконченным преступлением с момента умышленного создания виновным лицом условий для осуществления иностранными гражданами хотя бы одного из незаконных действий, независимо от того, совершены ли такие действия фактически [1]. Однако практика демонстрирует, что суды нередко ограничиваются установлением формального факта подачи уведомления о прибытии, не исследуя вопрос о наличии у принимающей стороны действительного намерения предоставить жилое помещение для проживания [6]. Как справедливо отмечает А.В. Варданян, «преступления в сфере миграционного законодательства как объекты криминалистического изучения требуют комплексного подхода к установлению объективной стороны, включающего анализ не только формальных документов, но и фактических обстоятельств, подтверждающих либо опровергающих реальность проживания иностранных граждан по месту регистрации» [2, с. 517].

Особую сложность в правоприменительной практике вызывает квалификация действий, связанных с организацией фиктивных браков в миграционных целях. До введения в 2026 году статьи 322.4 УК РФ такие действия квалифицировались либо по статье 322.1 УК РФ как способ организации незаконного пребывания, либо рассматривались в рамках гражданского судопроизводства с последующим признанием брака недействительным. Судебная практика 2023–2025 годов демонстрировала неоднородный подход: в одних случаях суды признавали фиктивный брак самостоятельным основанием для привлечения к ответственности по статье 322.1 УК РФ [3], в других – ограничивались гражданско-правовыми последствиями [4]. И.В. Калашников и Н.Л. Денисов в своем исследовании подчеркивают, что «криминологическая оценка преступлений, связанных с незаконной миграцией, должна учитывать трансформацию способов легализации, смещение акцентов с фиктивной регистрации на заключение фиктивных браков и иные гражданско-правовые механизмы, что требует адекватной уголовно-правовой реакции» [7, с. 34].

Введение в 2026 году уголовной ответственности за организацию фиктивного брака (ст. 322.4 УК РФ) представляется своевременной и обоснованной мерой, однако анализ диспозиции указанной нормы позволяет выявить ряд проблем, требующих разрешения. Во-первых, конструкция состава не содержит указания на корыстную или иную заинтересованность как обязательный признак, что может привести к привлечению к уголовной ответственности лиц, вступивших в брак без намерения создать семью, но по иным, не связанным с миграционными целями, мотивам. Во-вторых, отсутствует четкое разграничение между организацией фиктивного брака и посредничеством в его заключении, что создает риски неоднородной судебной практики.

Новеллой 2026 года, существенно меняющей систему противодействия преступным посягательствам в сфере миграции, стало введение в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» положения о прекращении приобретенного гражданства за совершение преступлений против общественной безопасности (п. «л» ч. 2 ст. 22). Указанная мера носит беспрецедентный характер, поскольку позволяет аннулировать правовой статус, ранее предоставленный иностранному гражданину, после совершения им преступления. Правовой анализ данной нормы выявляет проблему обратной силы закона в части, касающейся преступлений, совершенных до введения данного основания для прекращения гражданства, а также отсутствие четкого перечня преступлений, подпадающих под понятие «преступления против общественной безопасности» в контексте данной статьи. П.Н. Кобец в своем исследовании справедливо отмечает, что «криминологический анализ миграционной преступности и основные направления по ее противодействию должны учитывать, что эффективность мер уголовно-правового воздействия определяется не столько строгостью санкций, сколько неотвратимостью ответственности и согласованностью различных отраслей права» [9, с. 136].

Судебная практика 2025 года уже столкнулась с необходимостью применения переходных положений в связи с введением указанных изменений. В приговоре Сестрорецкого районного суда Санкт-Петербурга от 26 сентября 2025 года в отношении организованной группы, осуществлявшей фиктивную регистрацию 44 иностранных граждан, суд, назначая наказание в виде реального лишения свободы, указал на необходимость направления информации в уполномоченные органы для решения вопроса о прекращении гражданства, приобретенного осужденными иностранными гражданами [3]. Однако единообразный порядок применения данной меры до настоящего времени не сформирован, что создает риски избирательного правоприменения.

Проведенный анализ позволяет выявить следующие правовые проблемы, требующие законодательного разрешения. Первая проблема связана с отсутствием в статьях 322.2 и 322.3 УК РФ четкого

критерия разграничения фиктивной регистрации и фактического проживания в условиях, когда иностранный гражданин проживает по иному адресу, но имеет реальную возможность доступа к жилому помещению по месту регистрации. Как показывает практика, суды нередко ограничиваются формальным установлением факта не проживания, не исследуя вопрос о наличии либо отсутствии у принимающей стороны намерения предоставить жилое помещение, что противоречит разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ [1; 5]. Представляется необходимым дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 указанием на то, что при решении вопроса о наличии либо отсутствии признаков фиктивности регистрации судам надлежит исследовать не только факт проживания иностранного гражданина по иному адресу, но и объективные обстоятельства, свидетельствующие о наличии либо отсутствии реальной возможности предоставления жилого помещения.

Вторая проблема касается квалификации организации незаконной миграции, совершенной с использованием сети Интернет и средств цифровой коммуникации. В условиях цифровизации государственных услуг значительная часть уведомлений о прибытии подается в электронной форме, а посреднические услуги по организации фиктивной регистрации оказываются дистанционно. Судебная практика пока не выработала единообразного подхода к квалификации таких деяний, что обусловлено отсутствием в диспозиции статьи 322.1 УК РФ указания на способ совершения преступления как квалифицирующий признак [12]. Целесообразно дополнить часть 2 статьи 322.1 УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет», что позволит адекватно отражать повышенную общественную опасность таких способов организации незаконной миграции.

Третья проблема вытекает из введения статьи 322.4 УК РФ об ответственности за организацию фиктивного брака. Анализ диспозиции данной нормы позволяет констатировать, что она не учитывает случаев, когда фиктивный брак заключается не в миграционных целях, а для получения иных преимуществ (налоговых, наследственных и т.п.). Как отмечает О.Н. Стародубцева, «общественная опасность как субъективный признак лица, совершившего преступление, требует дифференцированного подхода к оценке мотивов и целей деяния» [16, с. 311]. В связи с этим представляется обоснованным дополнить статью 322.4 УК РФ указанием на цель совершения преступления – «в целях обеспечения незаконного пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации или незаконного приобретения им гражданства Российской Федерации», что позволит отграничить данный состав от иных случаев фиктивного брака, не связанных с миграционными правонарушениями.

Четвертая проблема обусловлена отсутствием процессуального механизма реализации положения о прекращении приобретенного гражданства за совершение преступлений против общественной безопасности. Действующее законодательство не содержит четкого порядка взаимодействия судов, органов предварительного расследования и миграционных органов при решении вопроса о прекращении гражданства, что создает риски несогласованных решений. Представляется необходимым внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, предусматривающие обязанность суда при постановлении приговора в отношении иностранного гражданина, приобретшего гражданство Российской Федерации и осужденного за преступление против общественной безопасности, разрешать вопрос о направлении информации в уполномоченный орган для решения вопроса о прекращении гражданства либо рассматривать данный вопрос самостоятельно, если это предусмотрено законом.

Пути совершенствования законодательства в исследуемой сфере не ограничиваются внесением изменений в уголовный закон. Необходима системная работа по унификации понятийного аппарата, используемого в различных федеральных законах, регулирующих миграционные отношения. В частности, определение понятий «фиктивная регистрация», «фиктивный брак», «организация незаконной миграции» должно быть единообразным для целей уголовного, административного и семейного законодательства [8]. Кроме того, требует совершенствования механизм информационного взаимодействия между правоохранительными органами, судами и органами записи актов гражданского состояния для оперативного обмена сведениями о фактах фиктивной регистрации и заключения фиктивных браков [13].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, преступные посягательства в сфере миграции населения в условиях ужесточения законодательства 2026 года приобретают новые формы, связанные с использованием легальных институтов (брак, регистрация по месту жительства) в противоправных целях, что требует адекватной уголовно-правовой реакции. Во-вторых, судебная практика 2023–2025 годов показывает устойчивую тенденцию к формализации подхода к квалификации деяний, предусмотренных статьями 322.1–322.3 УК РФ, что снижает эффективность уголовно-правового воздействия и требует дополнительных разъяснений со стороны Верховного Суда РФ. В-третьих, введение в 2026 году уголовной ответственности за организацию фиктивных браков и прекращения приобретенного гражданства за совершение преступлений против общественной безопасности создает новые правовые возможности для противодействия незаконной ми-

грации, но одновременно порождает проблемы правоприменения, требующие оперативного законодательного урегулирования. В-четвертых, совершенствование законодательства в исследуемой сфере должно идти по пути не только усиления репрессивных мер, но и гармонизации различных отраслей права, унификации понятийного аппарата, а также создания эффективных процессуальных механизмов реализации материально-правовых норм. Только комплексный подход, объединяющий уголовно-правовые, административные, гражданско-правовые и процессуальные средства, способен обеспечить реальное противодействие преступным посягательствам в сфере миграции населения и достижение целей миграционной безопасности Российской Федерации.

Библиографический список:

1. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 (ред. от 9 декабря 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 2.
2. Приговор Сестрорецкого районного суда г. Санкт-Петербурга от 26 сентября 2025 г. по делу № 1-716/2025 // Архив Сестрорецкого районного суда г. Санкт-Петербурга. – 2025.
3. Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 22 января 2025 г. по делу № 1-198/2025 // Архив Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга. – 2025.
4. Приговор Судогодского районного суда Владимирской области от 27 февраля 2025 г. по делу № 1-50/2025 // Архив Судогодского районного суда Владимирской области. – 2025.
5. Решение Вичугского городского суда Ивановской области от 12 августа 2024 г. по делу № 2-444/2024 // Архив Вичугского городского суда Ивановской области. – 2024.
6. Варданиян, А. В. Преступления в сфере миграционного законодательства как объекты криминалистического изучения / А. В. Варданиян // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 513–521.
7. Калашников, И. В. Криминологическая оценка преступлений, связанных с незаконной миграцией / И. В. Калашников, Н. Л. Денисов // Криминологический журнал. – 2025. – № 1. – С. 31–36.
8. Калашников, И. В. Криминологическая характеристика уголовно-правового регулирования миграционных процессов, проходящих на территории Российской Федерации / И. В. Калашников // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов : сборник статей. – Самара, 2024. – С. 59–63.
9. Кобец, П. Н. Криминологический анализ миграционной преступности и основные направления по ее противодействию / П. Н. Кобец // Философия права. – 2024. – № 4 (111). – С. 130–137.
10. Кобец, П. Н. Повышение оптимизации противодействия преступных проявлений в миграционной сфере: отечественный и зарубежный опыт / П. Н. Кобец // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации : сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции. – Москва, 2025. – С. 78–82.
11. Кремнев, Р. Н. Вопросы правового регулирования оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия организации незаконной миграции / Р. Н. Кремнев // Противодействие преступности: актуальные проблемы теории и практики : материалы XXVIII Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2025. – С. 244–252.
12. Логутова, Д. И. Преступные посягательства в сфере миграции населения / Д. И. Логутова, Н. Н. Сологуб // Цифровые технологии живых систем в сельском хозяйстве : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2022. – С. 145–148.
13. Суюнчалиева, О. Т. Миграционная безопасность Российской Федерации (правовой, криминологический и оперативно-разыскной аспекты) : монография / О. Т. Суюнчалиева. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 224 с.
14. Стародубцева, О. Н. Общественная опасность как субъективный признак лица, совершившего преступление / О. Н. Стародубцева // Уголовное право России: состояние и перспективы (Волженкинские чтения) : материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 308–314.

АБИШЕВА ДАРЬЯ ИГОРЕВНА – магистрант, Частное учреждение высшего образования «Московская академия предпринимательства», Россия.

О.В. Карасева

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ КОРПОРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ПРЕДЕЛЫ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию правовой природы и пределов правоспособности корпорации в условиях современного правопорядка. На основе анализа доктринальных подходов и судебной практики автором обосновывается вывод о трансформации традиционного понимания правоспособности как статичной категории в концепцию «динамической правоспособности», содержание которой определяется не только законом и учредительными документами, но и оценочными категориями добросовестности, справедливости и экономической рациональности. Особое внимание уделяется разграничению формальных и материальных пределов реализации корпоративной правосубъектности, а также роли судебного усмотрения в определении границ допустимого поведения корпорации и ее контролирующих лиц.

Ключевые слова: правоспособность корпорации, пределы правоспособности, корпоративное управление, конфликт интересов, добросовестность, судебная практика, контролирующие лица, корпоративные споры.

Вопрос о правоспособности корпорации относится к числу основных в цивилистической науке, поскольку именно через категорию правоспособности определяется способность юридического лица быть носителем гражданских прав и обязанностей. Традиционно в отечественной доктрине правоспособность юридического лица рассматривалась как статичная характеристика, предопределенная законом и учредительными документами, а ее пределы очерчивались либо специальной, либо универсальной правоспособностью в зависимости от организационно-правовой формы [7]. Однако динамика экономических отношений, усложнение корпоративных структур и активная правотворческая роль высших судебных инстанций в последние годы требуют переосмысления данного института.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, наблюдается существенное расширение сферы судебного усмотрения при разрешении корпоративных споров: суды все чаще обращаются к оценочным категориям (добросовестность, разумность, справедливость) для определения того, действовала ли корпорация в пределах предоставленной ей правоспособности. Во-вторых, практика последних лет демонстрирует смещение акцента с формального соответствия действий корпорации закону на их соответствие экономической сущности и балансу интересов участников. В-третьих, сохраняется дискуссионность вопроса о соотношении воли корпорации как самостоятельного субъекта права и воли ее участников и органов управления, что напрямую влияет на определение границ корпоративной правоспособности.

Правовая проблема, требующая разрешения, заключается в противоречии между формально-юридическим подходом к определению правоспособности корпорации (как способности иметь права и обязанности, предусмотренные законом и уставом) и фактически складывающейся практикой, в которой суды признают выходом за пределы правоспособности такие действия, которые формально соответствуют уставным полномочиям органов управления, но совершены в условиях конфликта интересов, с нарушением баланса интересов участников или с целью причинения вреда самой корпорации. Иными словами, возникает вопрос о существовании «материальных» пределов правоспособности, не совпадающих с «формальными» границами, установленными учредительными документами.

Судебная практика позволяет сделать вывод о формировании последовательной правовой позиции высших судебных инстанций, направленной на содержательное наполнение понятия правоспособности корпорации. Основным документом в этом отношении стал Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2025 года [1]. В данном обзоре сформулирована презумпция, имеющая принципиальное значение для понимания пределов правоспособности: если сделка совершена руководителем хозяйственного общества в условиях конфликта интересов, который не был им раскрыт перед участниками или советом директоров, презюмируется, что причиненные обществу убытки возникли именно в связи с этими действиями руководителя [1]. Тем са-

мым судебная практика устанавливает дополнительный – помимо формальных ограничений, установленных уставом, – предел реализации правоспособности: руководитель, действуя от имени корпорации, не вправе выходить за рамки добросовестности, а нераскрытие конфликта интересов рассматривается как такое превышение.

Важно отметить, что данный подход распространяется не только на единоличный исполнительный орган, но и на иных контролирующих лиц. В Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 19 ноября 2025 года, указано, что номинальное выполнение лицом функций руководителя не освобождает его от ответственности, а выполнение единственным участником одновременно функций руководителя не является достаточным условием для освобождения от субсидиарной ответственности, если установлено его недобросовестное поведение [5]. Это подтверждает вывод о том, что пределы правоспособности корпорации не могут быть преодолены путем формального «размывания» ответственности между контролирующими лицами.

Особого внимания заслуживает позиция Верховного Суда РФ, изложенная в пунктах 21–25 Обзора судебной практики № 1 за 2025 год, утвержденного 25 апреля 2025 года [10]. Пунктом 21 Обзора установлено, что сделка может быть квалифицирована как крупная не только по количественному критерию (превышение 25% балансовой стоимости активов), но и при наличии качественного критерия – если ее совершение привело к утрате обществом одного или нескольких видов деятельности [10]. Данное разъяснение существенно расширяет понимание пределов правоспособности органов управления: они не вправе принимать решения, которые, даже не превышая формальных количественных порогов, влекут утрату корпорацией способности осуществлять основные виды деятельности, ради которых она создавалась. Суды обязаны учитывать реальное экономическое влияние сделки на функционирование общества, что выводит на первый план материальный, а не формальный критерий оценки действий корпорации.

В пункте 23 указанного Обзора сформулирована еще одна значимая позиция: равенство долей участников (50/50) не исключает возможность исключения одного из них, если его поведение препятствует функционированию общества [10, п. 23]. Суд должен оценивать, кто из участников фактически действует в интересах общества, а кто – в ущерб им. Данный подход демонстрирует отход от традиционного восприятия корпоративной правоспособности как исключительно коллективной категории: правоспособность корпорации реализуется через ее участников, однако участник, злоупотребляющий своими правами и блокирующий деятельность корпорации, не может ссылаться на формальное равенство долей для сохранения своего статуса. Пределы правоспособности в данном случае определяются не только размером доли, но и добросовестностью поведения.

Пункт 24 Обзора судебной практики № 1 за 2025 года содержит важный вывод о пределах корпоративной автономии при внесении изменений в устав: участник (в том числе единственный) не вправе вносить изменения в устав, направленные на исключение возможности вступления в состав участников бывшего супруга, если к тому моменту уже идет судебный спор о разделе долей. Такие действия признаны злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ) [8]. Данная правовая позиция имеет принципиальное значение для понимания пределов правоспособности корпорации в аспекте формирования ее внутренней регулятивной базы. Устав как акт, определяющий правоспособность корпорации, не может быть использован инструментально для воспрепятствования исполнению судебного акта или нарушения прав третьих лиц. Суды, таким образом, устанавливают «внешние» пределы уставной автономии, связывая корпорацию требованиями добросовестности и запретом злоупотребления правом даже в тех сферах, которые традиционно относились к исключительной компетенции участников.

В практике кассационных судов общей юрисдикции также прослеживается аналогичный подход. В Определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2025 года № 88-26700/2025 по делу о признании недействительным решения общего собрания потребительского гаражного кооператива суд кассационной инстанции, оставляя без изменения судебные акты нижестоящих судов, фактически подтвердил, что решения общего собрания, принятые с нарушением порядка уведомления участников и при отсутствии кворума, не могут быть признаны действительными даже при наличии формальных признаков легитимности [6]. Суд подчеркнул, что правоспособность корпорации при принятии коллегиальных решений реализуется только при условии соблюдения процедурных гарантий прав участников, и любые отступления от этих гарантий влекут ничтожность принятых решений независимо от их содержательной обоснованности.

Показательным является и Определение Краснодарского краевого суда от 29 января 2026 года № 33-1767/2026, которым отменено решение суда первой инстанции по корпоративному спору, связанному с деятельностью автономной некоммерческой организации [2]. Основанием для отмены послужила недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела. Суд апелляционной инстанции фактически указал, что при рассмотрении корпоративных споров суд не может ограничиваться формальной проверкой представленных документов, а обязан исследовать реальные обстоятельства осуществления корпоративных прав и исполнения обязанностей.

Анализ приведенных судебных актов позволяет сделать вывод о формировании в правоприменительной практике концепции «динамической правоспособности» корпорации. Содержание и пределы правоспособности определяются не только учредительными документами и законом, но и такими оценочными категориями, как добросовестность, раскрытие конфликта интересов, экономическая рациональность и баланс интересов участников. Верховный Суд РФ последовательно расширяет инструментарий судебной защиты, позволяя признавать недействительными или влекущими ответственность те действия корпорации и ее органов, которые формально находятся в рамках предоставленных полномочий, но по сути нарушают баланс интересов участников или публичный правопорядок.

Пути решения выявленных проблем видятся, во-первых, в дальнейшем развитии доктрины корпоративного права, которая должна учесть новые подходы судебной практики и предложить более гибкую модель правоспособности, учитывающую не только формальные, но и материальные критерии. Во-вторых, необходима систематизация правовых позиций высших судов по вопросам определения пределов корпоративной правоспособности, что может быть осуществлено путем включения соответствующих разъяснений в постановления Пленума Верховного Суда РФ. В-третьих, целесообразно совершенствование законодательного регулирования в части закрепления критериев добросовестности и разумности при осуществлении корпоративных прав и исполнении обязанностей органами управления корпорации, с тем чтобы снизить риски злоупотреблений, формально не выходящих за пределы уставной правоспособности.

Таким образом, правоспособность корпорации в современном понимании представляет собой не статичную способность иметь права и обязанности, а динамичную категорию, пределы реализации которой определяются сложным сочетанием формальных (закон, устав) и материальных (добросовестность, справедливость, экономическая целесообразность) критериев. Задача науки и практики – обеспечить баланс между автономией корпорации как субъекта гражданского оборота и необходимостью защиты прав ее участников, кредиторов и публичных интересов, что возможно только при условии дальнейшего развития как законодательства, так и правоприменительной практики в рассмотренном направлении.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
4. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 7.
7. Габов А.В., Губин Е.П., Карелина С.А. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. – 735 с.
8. Ломакин Д.В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: актуальные вопросы и перспективы нормативного регулирования // Предпринимательское право. – 2018. – № 2. – С. 28–34.
9. Могилевский С.Д., Самойлов И.А. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности. – М.: Дело, 2007. – 480 с.
10. Самойлов И.А. Формы реализации корпоративных прав участников коммерческих корпораций: история, современные противоречия и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27. – № 1. – С. 166–180.
11. Хлебникова В.А., Ковалёв И.П. Организационно-управленческие и имущественные права участников корпорации // Бизнес и общество: электронный журнал. – 2026. – № 1 (49). – URL: https://business-society.ru/2026/1-49/40_khlebnikova.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
12. Шиткина И.С. Корпоративное право: учебник / под ред. И.С. Шиткиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2025. – 1120 с.

КАРАСЕВА ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА – магистрант, Частное учреждение высшего образования «Московская академия предпринимательства», Россия.

Д.Э. Полянский

СТАБИЛИЗАЦИОННЫЕ ОГОВОРКИ В ДОЛГОСРОЧНЫХ ДОГОВОРАХ ПОСТАВКИ НЕФТИ И ГАЗА

В статье оценивается роль стабилизационных оговорок для обеспечения стабильности правоотношений, возникающих на основании заключения договора поставки нефти и газа. Рассматриваются порядок их закрепления в соглашениях, механизм применения, а также потенциальные риски отказа от них. Особое внимание уделено проблеме ограниченной законодательной регламентации и коллизиям с императивными нормами. Предлагаются конкретные меры совершенствования правовой базы, направленные на расширение сферы действия стабилизационных гарантий.

Ключевые слова: стабилизационная оговорка, договор по поставке нефти и газа, инвестиции, инвестиционная привлекательность, условия.

В условиях развития межнациональных отношений в XIX–XXI веках инвестиции стали все больше приобретать трансграничный характер. Такие вложения сегодня защищаются различными инструментами, которые не позволяют государству, в которые инвестиции поступают, накладывать необоснованные ограничения на контрагентов из зарубежных стран. Одним из таких механизмов можно признать стабилизационные оговорки в долгосрочных контрактах, имеющих особое значение в том числе для договоров поставки нефти и газа. Этому институту и посвящено исследование, представленное в данной статье. Выбранная тема представляется актуальной, так как количество иностранных инвестиций (несмотря на ощутимый спад в 2022 году) все еще остается на достаточно высоком уровне (на 2024 год был зафиксирован рост в 490 млрд долларов) [5]. При этом, существуют определенные проблемы правового характера, с которыми сталкиваются инвесторы и государство, которые требуется разрешить для улучшения инвестиционного климата Российской Федерации.

По правовой природе «дедушкина» оговора (иное наименование стабилизационной оговорки) – это особое договорное условие (либо норма специального закона), по которому участникам инвестиционного проекта гарантируется неизменность определенных требований законодательства, действовавших на дату заключения договора, на протяжении всего срока реализации проекта или его окупаемости. Основная цель такого механизма – гарантировать, что даже при изменении положений нормативно-правовой базы принимающей страны в неблагоприятную для инвестора сторону эти изменения не затронут его проект в течение оговоренного срока или будут компенсированы иным образом.

В мировой практике существуют два основных типа таких оговорок:

А) оговорки замораживающего типа – полностью исключают применение к проекту новых неблагоприятных норм (то есть «замораживают» регуляторный режим на уровне, действовавшем на момент подписания соглашения). Исторически именно такой подход часто используется в соглашениях с иностранными инвесторами, гарантируя им стабильность налоговых ставок, экспортных пошлин и других правил на длительный срок;

Б) оговорки компенсационно-адаптационного типа – не препятствуют изменению законодательства в части влияния на внешние инвестиционные соглашения, но обязывают стороны пересмотреть экономические условия договора или предусматривают компенсацию инвестору, чтобы сохранить первоначальный баланс интересов. Например, договор может содержать условие о пересмотре цены поставки или тарифов в случае введения нового налога или сбора, влияющего на себестоимость проекта. Такой подход более гибкий и учитывает, что полное исключение действия новых норм не всегда возможно. Вместо этого стороны договариваются о механизме адаптации – будь то изменение цены, продление срока контракта или стимулирующие выплаты со стороны государства. Именно такой вариант оговорок наиболее часто используется на практике, в особенности при осуществлении деятельности ПАО «Газпром» [2, с. 15].

© Д.Э. Полянский, 2026.

Научный руководитель: *Кораяев Константин Борисович* – д.ю.н, профессор, заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

Включение стабилизационной оговорки в долгосрочный договор поставки нефти или газа обычно осуществляется путем прямого прописывания соответствующего условия в тексте контракта. Стороны могут указать, что при принятии новых актов органов власти, которые делают исполнение договора более обременительным (например, повышают экспортные пошлины, вводят дополнительные требования к лицензированию или экологические ограничения), продавец и покупатель имеют право или должны пересмотреть условия договора, в том числе цену, объем поставки или ее сроки, с целью возмещения возникших издержек. При участии государства (напрямую или опосредованно через подконтрольную компанию) возможно также закрепление неприменения конкретных видов нормативных актов к отношениям по сделке (налоговых, таможенных, административных и так далее) [2, с. 18].

Следует отметить, что сама по себе частная оговорка не может отменить действие императивной нормы права для стороны, но может перераспределить риски между контрагентами. Например, если в России введена новая экспортная пошлина на нефть, частный контракт не освободит экспортера от ее уплаты в бюджет, но может предусмотреть повышение контрактной цены на сумму этой пошлины или ее возмещение покупателем.

Классическим примером защиты стабилизационной оговоркой являются соглашения о разделе продукции и современные соглашения о защите и поощрении капиталовложений (далее – СЗПК). В таких случаях условие о стабилизации зачастую подкреплено нормой закона. Так, для современных СЗПК Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» прямо предусматривает неприменение актов органов власти, ухудшающих условия ведения проекта, по отношению к инвестору – участнику соглашения [1, с. 41].

Проблема состоит в том, что нефтегазодобыча исключена из сферы применения данного нормативного акта, хотя инструменты защиты прав инвестора в рамках СРП в рассматриваемой сфере все же присутствуют. Более того, Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» прямо запрещает заключать СЗПК в отношении проектов по добыче сырой нефти и природного газа. Вероятно, законодатель предпочел такой подход из-за высокого риска снижения бюджетных доходов от продажи энергоресурсов, являющейся одним из наиболее прибыльных торговых операций для Российской Федерации, по старым ставкам и тарифам [3, с. 158].

В отсутствие возможности заключить СЗПК по добычным проектам, нефтегазовые предприятия прибегают к включению стабилизационных условий непосредственно в коммерческие договоры. Например, долгосрочные экспортные контракты «Газпрома» с европейскими потребителями традиционно содержали оговорки, распределяющие риски изменения законодательства обеих сторон (налоги, тарифы, требования ЕС и России) – как через положения о форс-мажоре (в случае если изменения закона делают поставки физически невозможными или незаконными), так и через оговорки о пересмотре цены при существенных изменениях рынка или регулирования. Подобное дело было рассмотрено Восьмой палатой Европейского Суда 02.02.2022 года. Инстанция подтвердила, что в контракте между ПАО «Газпром» и Polskie Górnictwo Naftowe i Gazownictwo SA существуют специальные оговорки, требующие корректировки цен вследствие изменения рыночных условий, к которому суд отнес и существенные изменения налоговых тарифов, влияющих на платежеспособность покупателя.

Вместе с тем, такие решения зависят полностью от волеизъявления сторон – то есть, если отечественная компания откажется от включения стабилизационных оговорок в текст договора (на что она имеет полное право), то контрагент останется без защиты и либо откажется от сделки, либо будет вынужден принять ее для не выгодных для себя условиях. Дисбаланс защиты интересов в данном вопросе представляется определенной проблемой, которой необходимо в первую очередь законодательное решение.

Для обеспечения целей пополнения государственного бюджета полностью снимать запрет на использование механизмов СЗПК не рационально. Более сбалансированный подход - разрешить применение стабилизационной оговорки к добычным проектам свыше определенного размера инвестиций (например, капиталовложений на сумму более 50 млрд рублей). Возможно требовать и процедур дополнительного согласования с Правительством Российской Федерации, которое оценивало бы конкретный контракт на возможность введения стабилизационных оговорок. Подобное решение позволит иностранным и частным российским инвесторам получать длительные гарантии стабильности выплат и повысит привлекательность новых месторождений, которые сейчас осваиваются в основном государственными компаниями (привлечение зарубежных игроков позволило бы быстрее освоить труднодоступные месторождения, необходимость в которых все больше возникает в отечественном энергетическом секторе) [4, с. 167]. При этом государство сможет продолжить отстаивать собственные экономические интересы и сохранить за собой рычаги контроля за притоками нефтегазовых доходов в федеральный бюджет.

Описанное изменения должно быть оформлено законодательно. Наиболее логичным представляется включение новой части 3.1. в статью 4 Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». На основании вышесказанного, ее содержание может быть следующим:

«В целях реализации проектов по добыче нефти и природного газа допускается заключение соглашений о защите и поощрении капиталовложений, содержащих стабилизационную оговорку, при условии, что:

- общий размер капиталовложений в проект составляет не менее 50 миллиардов рублей;
- возможность заключения такого соглашения в каждом конкретном случае предварительно одобрена Правительством Российской Федерации.

При рассмотрении вопроса об одобрении Правительство Российской Федерации оценивает влияние стабилизационной оговорки на устойчивость федерального бюджета, аффилированность зарубежного инвестора с недружественными государствами, а также соответствие проекта стратегическим интересам Российской Федерации.

В случае заключения соглашения в соответствии с настоящей частью стабилизационная оговорка действует на условиях и в пределах, предусмотренных статьей 9 настоящего Федерального закона».

Стабилизационные оговорки, на данный момент в качестве волеизъявления сторон, зарекомендовали себя как эффективный инструмент обеспечения правовой устойчивости долгосрочных нефтегазовых проектов в условиях динамичного законодательства. Соответственно, наличие такого механизма является важным фактором привлечения международных партнеров, передачи технологий и капитала в энергетическую отрасль. В то же время, российское законодательство пока содержит недостатки по регулированию данного института – мы остановились на запрете стабилизационных оговорок, подкрепленных публичными нормативами, в рамках соглашений о защите и поощрении капиталовложений. Предложенное нами же решение не только расширяет сферу действия «дедушкиных» оговорок для привлечения большего количества зарубежных инвестиций, но и сохраняет за государством свои рычаги воздействия на возникающие правоотношения по торговле энергоресурсами и приобретению нефтегазовых доходов. Внедрение описанного нами механизма способствует в том числе развитию труднодоступных месторождений и трудноизвлекаемых запасов, потребность в которых на данный момент находится на высоком уровне.

Библиографический список:

1. Маремкулов А. Н. К вопросу применения термина «стабилизационная оговорка»: ретроспективный анализ / А. Н. Маремкулов // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2024. - №1. – С. 38-43.
2. Мирная А. Ю. Гарантии, предоставляемые иностранным инвесторам / А. Ю. Мирная // Вестник науки и образования. – 2020. – №14. – С. 14-20.
3. Чувахин П. П. Инвестиционные контракты: баланс между защитой прав инвесторов и суверенитетом государства в эпоху устойчивого развития / П. П. Чувахин // Теория и практика общественного развития. - 2025. - №8. – С. 152-160.
4. Dmitrieva D. Sustainable Development of Oil and Gas Potential of the Arctic and Its Shelf Zone: The Role of Innovations / D. Dmitireva // MDPI. - №8. – 2020. – С. 165-169.
5. Нефтегазовая отрасль 2024: итоги, цифры, события, тренды [Электронный ресурс] URL: <https://nprom.online/trends/itogi-2024-goda-czifry-sobytiya-trendy/> (дата обращения 24.09.2025).

ПОЛЯНСКИЙ ДАНИИЛ ЭДУАРДОВИЧ – магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

Н.А. Павлов

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ БЕСКОНТАКТНОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

В статье исследуются актуальные проблемы квалификации бесконтактного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Рассматриваются вопросы определения момента окончания преступления при использовании тайников-«закладок», разграничения ролей участников преступных схем, а также квалификации действий организаторов онлайн-площадок. На основе анализа судебной практики за 2022–2025 гг. выявлены типичные ошибки квалификации и сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, бесконтактный сбыт, тайник-закладка, информационно-телекоммуникационные сети, квалификация преступлений, момент окончания преступления, ст. 228.1 УК РФ.*

Введение. Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ стабильно составляют около 13% в общей структуре судимости в Российской Федерации [1]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году за наркопреступления осуждено 69 921 лицо, при этом наблюдается устойчивый рост числа осуждённых именно за сбыт наркотиков: по ст. 228.1 УК РФ в 2023 году осуждено 20,8 тыс. лиц, что на 11,9% больше, чем в 2022 году [2].

Качественно новой характеристикой современной наркопреступности является активное использование информационно-телекоммуникационных сетей для организации бесконтактного сбыта наркотиков. Создание тайников-«закладок», использование мессенджеров для координации, применение криптовалют для расчётов существенно изменили механизм совершения наркопреступлений и создали ряд проблем для правоприменительной практики [3].

Цель настоящей статьи – выявление актуальных проблем квалификации бесконтактного сбыта наркотических средств и формулирование предложений по их разрешению на основе анализа судебной практики.

1. Понятие бесконтактного сбыта наркотических средств

Бесконтактный сбыт наркотических средств представляет собой способ распространения наркотиков, при котором отсутствует непосредственный физический контакт между сбытчиком и приобретателем. Данный способ предполагает помещение наркотических средств в заранее оборудованное место (тайник-«закладку») с последующей передачей приобретателю координат этого места через информационно-телекоммуникационные сети [4].

Типичная схема бесконтактного сбыта включает несколько этапов: 1) организатор (администратор) создаёт онлайн-площадку или использует мессенджер для приёма заказов; 2) курьер-«закладчик» оборудует тайники с наркотиками в общедоступных местах; 3) после получения оплаты (как правило, в криптовалюте) приобретателю направляются координаты тайника; 4) приобретатель самостоятельно забирает наркотик из тайника.

Как отмечается в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 26.06.2024, в незаконном обороте наркотиков всё чаще используется сеть Интернет для поиска потенциальных приобретателей и бесконтактного сбыта наркотиков. Число осуждённых за сбыт наркотиков в составе организованной группы в 2023 году по п. «а» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ увеличилось на 31,4% по сравнению с 2022 годом [2].

2. Проблема определения момента окончания преступления

Одной из наиболее дискуссионных проблем квалификации бесконтактного сбыта является определение момента окончания преступления. Согласно п. 13.1 Постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14, незаконный сбыт наркотических средств считается оконченным с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю наркотических средств [5]. Однако при бесконтактном способе сбыта возникает вопрос: что именно является таким «необходимым действием» – помещение наркотика в тайник или передача информации о местонахождении тайника приобретателю?

Верховный Суд РФ в определении от 14.04.2022 № 41-УД22-4-К4 указал, что если лицо не передало по не зависящим от него обстоятельствам покупателю информацию о местонахождении наркотических средств, то его действия следует квалифицировать как покушение на сбыт наркотиков [6]. Данная правовая позиция представляется обоснованной, поскольку само по себе помещение наркотика в тайник ещё не создаёт реальной возможности для приобретателя завладеть наркотическим средством.

Вместе с тем в правоприменительной практике возникают ситуации, когда курьер создаёт тайник и передаёт его координаты не непосредственно приобретателю, а другому соучастнику – «диспетчеру» или администратору. Верховный Суд указал, что в таком случае сбыт не может считаться окончательным для данного лица, поскольку сбыт наркотических средств при бесконтактном способе становится возможным только при получении покупателями информации о месте тайников [7]. Полагаем, что данный подход требует дальнейшей конкретизации, в том числе в части определения момента окончания преступления для каждого из соучастников в зависимости от выполняемой ими роли.

3. Разграничение ролей участников преступных схем

Бесконтактный сбыт наркотиков, как правило, осуществляется группой лиц с чётким распределением ролей: организатор (администратор онлайн-площадки), оператор («диспетчер»), курьер-«закладчик», «перевозчик», «химик» (лицо, изготавливающее или фасующее наркотики) [8]. Квалификация действий каждого из участников вызывает значительные трудности.

В частности, дискуссионным остаётся вопрос о квалификации действий лиц, создающих программное обеспечение и интернет-сайты для организации сбыта наркотиков. Действующее законодательство не содержит специальной нормы, предусматривающей ответственность за такую деятельность, что вынуждает квалифицировать действия указанных лиц как соучастие в незаконном сбыте наркотических средств. Между тем их функциональная роль существенно отличается от роли непосредственных сбытчиков, что затрудняет доказывание наличия прямого умысла на сбыт конкретных наркотических средств [9].

Другой проблемой является квалификация действий курьеров-«закладчиков», которые зачастую являются несовершеннолетними или молодыми людьми, вовлечёнными в преступную деятельность посредством объявлений в сети Интернет. По данным судебной статистики, из числа осуждённых за наркопреступления в 2024 году 33,8% лиц относились к возрастной группе от 18 до 29 лет, а 1,8% не достигли совершеннолетия [1]. Суды нередко квалифицируют действия курьеров как окончательный сбыт, тогда как с учётом правовой позиции ВС РФ их действия при определённых обстоятельствах подлежат квалификации как покушение.

4. Проблемы доказывания умысла на сбыт

Разграничение хранения наркотических средств для личного потребления и хранения с целью сбыта при бесконтактном способе распространения приобретает особую актуальность. Верховный Суд РФ ориентирует суды на оценку совокупности обстоятельств, свидетельствующих о наличии умысла на сбыт: расфасовка наркотика на отдельные дозы, наличие средств для фасовки и упаковки, переписка с приобретателями или организаторами, наличие значительных денежных средств без легального источника дохода [5].

Однако в условиях бесконтактного сбыта цифровые доказательства (переписка в мессенджерах, данные о криптовалютных транзакциях, геолокационные данные) приобретают решающее значение. Проблема заключается в том, что использование шифрованных мессенджеров, VPN-сервисов и анонимных криптовалютных кошельков существенно затрудняет получение и фиксацию таких доказательств [10]. Кроме того, вопрос о допустимости цифровых доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, остаётся предметом дискуссий, особенно в контексте проблемы провокации преступления.

Обзор Верховного Суда РФ от 26.06.2024 также подчеркнул, что вывод суда об отнесении вещества к числу наркотических не может быть сделан исключительно на основании свидетельских показаний – необходимо заключение эксперта или специалиста [2]. Данное требование имеет особое значение при бесконтактном сбыте, когда наркотическое средство может быть изъято из тайника уже после его частичного потребления или разрушения под воздействием внешних факторов.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1) Момент окончания бесконтактного сбыта наркотиков целесообразно связывать с получением приобретателем реальной возможности завладеть наркотическим средством, что предполагает не только помещение наркотика в тайник, но и доведение информации о его местонахождении до конечного приобретателя. Передача координат тайника от курьера «диспетчеру» (соучастнику) не должна рассматриваться как момент окончания сбыта для курьера.

2) Представляется целесообразным дополнить Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 разъяснениями о критериях определения момента окончания сбыта при бесконтактном способе для каждой из типичных ролей участников (организатор, оператор, курьер), что обеспечило бы единообразие судебной практики.

3) Квалификация действий лиц, создающих программное обеспечение и интернет-платформы для организации наркоторговли, требует специального правового регулирования. Следует рассмотреть вопрос о введении в УК РФ самостоятельной нормы, устанавливающей ответственность за создание и администрирование информационных ресурсов, используемых для незаконного оборота наркотиков.

4) Необходимо совершенствование методики собирания и фиксации цифровых доказательств по делам о бесконтактном сбыте наркотиков, включая разработку рекомендаций по взаимодействию правоохранительных органов с операторами мессенджеров, криптовалютных бирж и интернет-провайдерами.

Библиографический список:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации"».

2. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024).

3. Детков А.А. Трансформация финансовой схемы сетевой наркоторговли: от электронных средств платежа к криптовалютам // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 3(43). – С. 91–96.

4. Токманцев Д.В. К вопросу о понятии и моменте окончания незаконного сбыта наркотиков, совершённого с использованием сети Интернет или других информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право. – 2022. – № 5. – С. 35–42.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 14.04.2022 № 41-УД22-4-К4.

7. Бугера Н.Н. Сбыт наркотических средств через тайники-закладки: правоприменительный аспект // Законность. – 2023. – № 4. – С. 28–32.

8. Карлов А.Л. Квалификация незаконного сбыта наркотических средств, совершённого с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Законность. – 2023. – № 8. – С. 33–38.

9. Хамидуллин Р.С. Обеспечение национальной безопасности путём противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 95–101.

10. Смушкин А.Б. Криминалистические аспекты исследования Даркнета в целях расследования преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 142–155.

ПАВЛОВ НИКОЛАЙ АРКАДЬЕВИЧ – магистрант, Московский университет «Синергия», Россия.

Н.И. Насыров

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИ- МЕНЕНИЯ

В настоящей статье автором исследуется комплексный институт освобождения от уголовного наказания в российском праве. На основе анализа норм Уголовного кодекса РФ, актов официального судебного толкования, доктринальных источников и материалов судебной практики рассматриваются юридическая природа, система, основания и проблемы правоприменения данного института.

Ключевые слова: освобождение от наказания, условно-досрочное освобождение, гуманизм уголовного права, замена наказания, отсрочка отбывания наказания, ресоциализация, судебное усмотрение, обратная сила уголовного закона.

Действующий Уголовный кодекс РФ (глава 12) предусматривает разветвленную систему видов освобождения от наказания [2]. Согласно разъяснениям прокуратуры, по основаниям, предусмотренным уголовным законом, лицо может быть освобождено: от назначения наказания за совершенное преступление; от реального отбывания наказания, назначенного приговором суда; досрочно от дальнейшего отбывания частично отбытого наказания [9]. В зависимости от юридической природы выделяют условные виды (условно-досрочное освобождение – ст. 79 УК РФ; отсрочки – ст. 82, 82.1 УК РФ) и безусловные виды (в связи с болезнью – ст. 81 УК РФ; в связи с изменением обстановки – ст. 80.1 УК РФ; в связи с истечением сроков давности – ст. 83 УК РФ) [9].

Наибольшее распространение в практике получило условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ). В.К. Андрианов справедливо характеризует УДО как традиционный и наиболее распространенный вид освобождения от наказания, воплощающий идеи гуманизма и экономии уголовной репрессии [7, с. 72]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.06.2022) особо отмечает, что в практике судов не должно быть случаев как необоснованного отказа в УДО лицам, не нуждающимся в полном отбывании наказания, так и необоснованного освобождения от отбывания наказания [7, с. 73].

Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о сохраняющихся проблемах. Так, апелляционным постановлением Ульяновского областного суда от 27 января 2025 года по делу № 22-66/2025 было оставлено без удовлетворения ходатайство осужденного А.А. Морозова об УДО [5]. При наличии 7 поощрений и трудоустройстве осужденного, суд учел 54 взыскания (последнее – в апреле 2021 года), большинство из которых были погашены, однако характер допущенных нарушений, по мнению суда, свидетельствовал о неустойчивости поведения [5]. Данное дело иллюстрирует проблему формального подхода судов к оценке поведения осужденных, когда даже давно снятые и погашенные взыскания учитываются при отказе в УДО, что не в полной мере соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ о необходимости оценки поведения за весь период отбывания наказания. [7]

Особую значимость в современных условиях приобретает освобождение от наказания в связи с изменением уголовного закона (ст. 10 УК РФ). Показательным является Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июля 2025 г. № 41-УД25-11-К4, которым осужденный Филипп Панарин был освобожден от наказания в связи с принятием Федерального закона от 06.04.2024 № 79-ФЗ, устранившего преступность деяния [3]. ВС РФ подчеркнул, что согласно ч. 1 ст. 10 УК уголовный закон, устраняющий преступность деяния, имеет обратную силу, а освобождение от наказания по данному основанию улучшает положение осужденного по сравнению с освобождением по иным основаниям [3]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24.06.2025 № 10 дополнительно разъяснил, что в случаях, когда новый закон начал действовать после вступления приговора в законную силу, осужденный подлежит освобождению от отбывания наказания [3].

Важным направлением развития института освобождения от наказания является расширение применения мер, не связанных с изоляцией от общества. Как отмечается в исследовании зарубежного опыта, принятие Токийских правил и Бангкокских правил актуализировало перед российским законодателем необходимость разработки более гибких и действенных механизмов социальной реабилитации [1, с. 235].

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.07.2025 № 41-УД25-11-К4 // Документ официально не опубликован.
3. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 27.01.2025 по делу № 22-66/2025 // Документ официально не опубликован.
4. Андрианов, В.К. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: закономерности и проблемы применения / В.К. Андрианов // Российский судья. – 2023. – № 2. – С. 72-81.
5. Виды освобождения от наказания: разъяснение Дальневосточной транспортной прокуратуры от 15.12.2014 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 06.03.2026).
6. Ефремова, И.А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Ефремова Ирина Алексеевна. – Саратов, 2018. – 504 с.
7. Освобождение от уголовной ответственности: история становления и развития института в отечественном праве, текущее состояние и перспективы развития // SciNetwork. – 2025. – № 2.

НАСЫРОВ ГАЗИЗ ИЛХАТОВИЧ – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

И.И. Мищенко

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ, В КОТОРЫХ СТОРОНАМИ ЯВЛЯЮТСЯ УЧАСТНИКИ СВО И ЧЛЕНЫ ИХ СЕМЕЙ

В статье рассматриваются основные проблемы разрешения гражданских дел, в которых сторонами выступают участники специальной военной операции и члены их семей. Обосновывается, что современное правовое регулирование таких дел носит межотраслевой характер и складывается из норм гражданского процессуального, гражданского, семейного, исполнительного, нотариального и социального законодательства. Показано, что ключевые трудности связаны с фрагментарностью нормативного регулирования, неоднородностью региональных мер поддержки, необходимостью обязательного приостановления производства по делу при участии стороны в специальной военной операции, сложностями доказывания юридически значимых фактов, прежде всего факта гибели, безвестного отсутствия, родства, брака, иждивения, а также с коллизиями в наследственных, жилищных, кредитных и семейных спорах. Делается вывод о том, что перспективы развития данной категории дел связаны с дальнейшей процессуальной специализацией гарантий, унификацией минимальных стандартов поддержки, синхронизацией судебных, исполнительных и нотариальных процедур, а также с уточнением правового положения членов семьи участника специальной военной операции.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, участники специальной военной операции, члены семьи военнослужащего, приостановление производства по делу, наследственные споры, меры социальной поддержки, бесплатная юридическая помощь, исполнительное производство.

Актуальность темы обусловлена тем, что дела с участием участников специальной военной операции и членов их семей находятся на стыке частноправовых и публично-правовых механизмов защиты. В этих делах одновременно затрагиваются вопросы судебной защиты гражданских прав, доступа к социальным выплатам и льготам, подтверждения юридических фактов, исполнения кредитных обязательств, наследственного правопреемства и реализации региональных мер поддержки. Верховный Суд Российской Федерации в тематическом обзоре, утвержденном 11 февраля 2026 года, специально обобщил практику оспаривания нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, устанавливающих дополнительные меры социальной поддержки участникам специальной военной операции и членам их семей, что само по себе свидетельствует о высокой конфликтности и значимости данной категории споров [10].

Особенность рассматриваемых дел состоит в том, что защита прав участников специальной военной операции и членов их семей не сосредоточена в одном нормативном акте, а обеспечивается совокупностью специальных гарантий. Так, статья 22 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» закрепляет право военнослужащих на защиту, бесплатную юридическую помощь по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также допускает совершение командирами воинских частей нотариальных действий с участием военнослужащих, граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, и членов их семей [5]. Статья 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» распространяет право на бесплатную юридическую помощь на участников специальной военной операции и членов их семей, в том числе по вопросам предоставления льгот, социальных гарантий и компенсаций, а пункты 20 и 21 части 2 статьи 20 этого закона предусматривают такую помощь по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим и об объявлении гражданина умершим [6]. Статья 215 Гражданского процессуального кодекса

© И.И. Мищенко, 2026.

Научный руководитель: *Байбарин Андрей Андреевич* - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и публичного права Университета «Синергия», Россия.

Российской Федерации [3] и статья 40 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4] формируют специальные процессуальные последствия участия стороны в боевых действиях или в специальной военной операции.

Одной из центральных проблем является фрагментарность регулирования и различие в содержании мер поддержки на федеральном и региональном уровнях. Верховный Суд Российской Федерации в тематическом обзоре № 1 за 2026 год указал, что субъекты Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные меры социальной поддержки за счет региональных бюджетов, однако такие меры не должны противоречить федеральным гарантиям и не могут необоснованно сужать круг получателей [10]. В частности, Верховный Суд Российской Федерации признал неправомерным подход, при котором право участника специальной военной операции или членов его семьи на региональные меры поддержки ставится в зависимость от даты регистрации по месту жительства или от формального места службы при выполнении задач в зоне специальной военной операции. Это означает, что для гражданских дел данной категории характерна не только частноправовая, но и выраженная административно-правовая составляющая, поскольку спор о выплате, льготе или компенсации часто возникает из-за дефектов нормативной конструкции самой меры поддержки.

Наиболее заметная процессуальная особенность таких дел закреплена в статье 215 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [3]. Данная норма устанавливает обязанность суда приостановить производство по делу в случае участия гражданина, являющегося стороной в деле, в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в проведении контртеррористической операции, при призыве по мобилизации, при заключении контракта о добровольном содействии, а также при выполнении задач в условиях чрезвычайного или военного положения и вооруженного конфликта, если такой гражданин не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие. В такой ситуации приостановление является не правом, а обязанностью суда первой, апелляционной и кассационной инстанций. Следовательно, участие стороны в специальной военной операции влияет не только на материальные права, но и на саму возможность движения процесса.

Вместе с тем обязательное приостановление производства по делу порождает и практические проблемы. С одной стороны, такая гарантия обеспечивает реальную возможность личного участия стороны в процессе, что особенно важно по делам о разделе имущества супругов, об определении порядка общения с детьми, о взыскании денежных сумм, об оспаривании сделок и о наследовании. С другой стороны, длительное приостановление способно затягивать защиту прав второго участника спора, включая супругов, детей, родителей и кредиторов. Именно поэтому в научной литературе усиливается внимание к специальным процессуальным гарантиям в гражданском судопроизводстве, а также к вопросу о том, как соотносить личное участие стороны, представительство, дистанционные формы участия и разумные сроки рассмотрения дела [12, С. 121]. В этом аспекте представляется обоснованным вывод о необходимости дальнейшей детализации процессуального механизма возобновления дела, извещения стороны, подтверждения ее статуса и использования дистанционных технологий там, где это не нарушает право на защиту.

Сходная логика действует на стадии принудительного исполнения. Согласно статье 40 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» исполнительное производство подлежит приостановлению, если должник участвует в боевых действиях, призван на военную службу по мобилизации, принимает участие в специальной военной операции, либо относится к иным прямо названным в законе категориям [4]. После изменений, внесенных Федеральным законом от 23.11.2024 № 391-ФЗ [7], введен также пункт 3.1 части 1 статьи 40, допускающий приостановление исполнительного производства по обращению взыскателя, относящегося к тем же категориям лиц. При этом часть 1.1 статьи 40 прямо исключает распространение такого приостановления на требования по алиментным обязательствам, по обязательствам о возмещении вреда жизни или здоровью, в том числе вреда в связи со смертью кормильца. Данная конструкция показывает стремление законодателя соблюсти баланс между защитой участника специальной военной операции и охраной наиболее социально значимых требований членов его семьи.

Значительный массив гражданских дел рассматриваемой категории связан с наследованием. Здесь сочетаются общие положения наследственного права и специальные новеллы, принятые именно для ситуаций, возникающих в связи со специальной военной операцией. По общему правилу статьи 1142 Гражданского кодекса Российской Федерации наследниками первой очереди по закону являются дети, супруг и родители наследодателя [1]. Вопросы признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления гражданина умершим регулируются статьями 42 и 45 Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно эти юридические факты нередко становятся предварительным условием для открытия наследства и получения мер поддержки [2]. Федеральный закон от 24.06.2025 № 164-ФЗ изменил правила открытия наследства для лиц, погибших в связи с участием в специальной военной операции, установив, что в определенных случаях, когда дата смерти неизвестна либо отличается от даты составления записи

акта о смерти более чем на три месяца, шестимесячный срок исчисляется с даты внесения соответствующей записи акта гражданского состояния [8]. Кроме того, Федеральный закон от 31.07.2025 № 318-ФЗ предусмотрел возможность выдачи пережившему супругу свидетельства о праве на временное пользование транспортным средством, принадлежавшим погибшему участнику специальной военной операции, до оформления наследственных прав. Эти изменения снижают количество конфликтов вокруг пропуска сроков принятия наследства и использования необходимого семье имущества, но не устраняют всех проблем, прежде всего проблемы доказывания фактических брачных отношений и круга лиц, реально входивших в семейное сообщество наследодателя.

Именно в наследственных и связанных с ними делах наиболее остро проявляется вопрос о правовом положении лиц, состоявших с погибшим участником специальной военной операции в фактических брачных отношениях. Формально статья 1142 Гражданского кодекса Российской Федерации относит к наследникам первой очереди супруга, детей и родителей, то есть юридически значимым является зарегистрированный брак [1]. В связи с этим в доктрине возникла дискуссия о необходимости специального механизма защиты лиц, длительно проживавших одной семьей с погибшим участником специальной военной операции без государственной регистрации брака. А. В. Барков и Я. С. Гришина прямо обосновывают необходимость нормативного решения этой проблемы и связывают его с внесением изменений в наследственное законодательство [11, С. 25]. Следовательно, одна из наиболее существенных перспектив развития данной категории дел состоит в том, чтобы уменьшить разрыв между формально-юридическим статусом и фактическими семейными отношениями, если последние подтверждаются достаточным объемом доказательств.

Не менее важным направлением являются споры о доступе к юридической помощи и судебной защите. Статья 22 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» предусматривает бесплатную юридическую помощь военнослужащим и членам их семей по вопросам, связанным с прохождением военной службы [5]. Статья 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» после изменений 2023 года специально охватывает участников специальной военной операции и членов их семей, а также дела о признании участника специальной военной операции безвестно отсутствующим и об объявлении его умершим [6]. Это означает, что государство признает данную категорию граждан нуждающейся в пониженном барьере доступа к правосудию. Вместе с тем сама по себе нормативная льгота не устраняет проблему правовой информированности, территориальной доступности помощи и различий в региональной организации такой помощи.

Самостоятельный блок гражданских дел образуют кредитные и иные денежные обязательства. В статье 2 Федерального закона от 07.10.2022 № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что при гибели военнослужащего в период выполнения задач специальной военной операции, при его объявлении умершим, а также при признании инвалидом I группы обязательства самого военнослужащего по кредитному договору прекращаются [9]. Часть 2 той же статьи распространяет прекращение обязательств и на кредитные договоры членов семьи военнослужащего, а также на обязательства отдельных созаемщиков из числа совершеннолетних детей, родителей и усыновителей. На практике это означает, что многие гражданские дела в данной сфере будут зависеть от правильного установления статуса участника специальной военной операции, причины его гибели или инвалидности, состава членов семьи и момента наступления юридически значимого события.

В современной научной литературе уже сложилось несколько устойчивых подходов к оценке рассматриваемой категории дел. Е. В. Михайлова указывает на необходимость особого материально-правового и процессуального подхода к судебной защите гражданских прав участников специальной военной операции и членов их семей [15, С. 136]. Е. С. Шахова делает акцент на необходимости четкой и понятной систематизации мер государственной защиты и межотраслевого подхода к их регулированию [16, С. 38]. А. В. Кузьменко и М. В. Филиппова рассматривают социальную поддержку участников специальной военной операции и членов их семей через призму проблем правоприменения [14, С. 117]. И. Н. Киселев и Н. Н. Мишина анализируют проблемы становления и развития законодательства о социальной защите членов семей участников специальной военной операции [13, С. 208]. А. В. Барков и Я. С. Гришина концентрируются на защите лиц, состоявших в фактических брачных отношениях с погибшими участниками специальной военной операции [11, С. 28]. Совокупность этих подходов позволяет сделать вывод о том, что наука уже вышла за пределы описания отдельных льгот и перешла к постановке вопроса о создании целостной модели судебной и внесудебной защиты.

Перспективы развития правового регулирования и судебной практики по рассматриваемой теме видятся в нескольких направлениях. Во-первых, требуется дальнейшая унификация минимального федерального стандарта защиты участников специальной военной операции и членов их семей, чтобы региональное нормотворчество не создавало необоснованных различий в объеме прав. Во-вторых, необходимо точнее урегулировать процессуальные вопросы подтверждения статуса участника специальной военной операции, членов его семьи, факта гибели, безвестного отсутствия, иждивения, совместного проживания и иных юридически значимых обстоятельств. В-третьих, оправдано расширение цифровых процедур в гражданском процессе и исполнительном производстве, позволяющих сохранять баланс между обязательным приостановлением дела и правом другой стороны на эффективную и своевременную судебную защиту. В-четвертых, в наследственной сфере требуется дальнейшее законодательное решение проблемы лиц, состоявших в устойчивых фактических семейных отношениях с погибшими участниками специальной военной операции. В-пятых, необходима синхронизация судебных, нотариальных, исполнительных и социальных процедур, поскольку для одной семьи эти механизмы практически всегда используются параллельно.

Таким образом, гражданские дела с участием участников специальной военной операции и членов их семей представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся категорий современной судебной практики. Их специфика состоит в сочетании общих гражданско-правовых и гражданско-процессуальных механизмов с особыми гарантиями, вызванными участием гражданина в специальной военной операции и необходимостью защиты его семьи. Основные проблемы в этой сфере связаны с фрагментарностью регулирования, различиями в региональных мерах поддержки, затягиванием процессов из-за обязательного приостановления дел, сложностями доказывания юридически значимых фактов и пробелами в наследственном и семейном праве. Перспективы совершенствования видятся в систематизации законодательства, уточнении процессуальных гарантий, дальнейшем развитии бесплатной юридической помощи и приведении частноправовых конструкций в соответствие с реальными социальными отношениями, складывающимися в семьях участников специальной военной операции.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.
5. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О статусе военнослужащих» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 22. — Ст. 2331.
6. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6725.
7. Федеральный закон от 23.11.2024 № 391-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об исполнительном производстве“ и Федеральный закон „Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 48. — Ст. 7236.
8. Федеральный закон от 24.06.2025 № 164-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 26. — Ст. 3908.
9. Федеральный закон от 07.10.2022 № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 41. — Ст. 6934.
10. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 1/2026 «Обзор практики рассмотрения судами административных дел об оспаривании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, которыми установлены дополнительные меры социальной поддержки участникам специальной военной операции и членам их семей» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 11.02.2026 № 2А/2026) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 27.03.2026).

11. Барков А. В., Гришина Я. С. О совершенствовании правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции: проблема легализации «фактических брачных отношений» // Правосудие / Justice. — 2025. — Т. 7, № 2. — С. 24 - 31.

12. Ефимова Ю. В. Процессуальные гарантии сторон как отражение принципа процессуального равноправия в гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2025. — № 2. — С. 120–124. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-garantii-storon-kak-otrazhenie-printsipa-protsessualnogo-ravnopraviya-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 27.03.2026).

13. Киселев И. Н., Мишина Н. Н. Проблемы становления и развития законодательства о социальной защите членов семей участников специальной военной операции // Вопросы российского и международного права. — 2025. — Т. 15, № 2-1. — С. 207–216.

14. Кузьменко А. В., Филиппова М. В. Социальная поддержка участников специальной военной операции и членов их семей: некоторые проблемы правоприменения // Ежегодник трудового права. — 2025. — № 1. — С. 112–118. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-podderzhka-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-i-chlenov-ih-semey-nekotorye-problemy-pravoprimereniya> (дата обращения: 27.03.2026).

15. Михайлова Е. В. Судебная защита гражданских прав участников СВО и членов их семей // Государство и право. — 2025. — № 5. — С. 135–142. — URL: <https://gipras.ru/s27130398s1026945225050128-1> (дата обращения: 27.03.2026).

16. Шахова Е. С. Проблемы реализации прав участников и ветеранов специальной военной операции, членов их семей: меры государственной защиты // Социальное и пенсионное право. — 2025. — № 2. — С. 34–39. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/10862/problems-realizatsii-prav-uchastnikov-i-veteranov-specialnoi-voennoi-operatsii-chlenov-ix-semey-mer-y-gosudarstvennoi-zashhity> .

МИЩЕНКО ИРИНА ИВАНОВНА - магистрант, АНО высшего образования "Московский университет "СИНЕРГИЯ", Россия.

А.А. Богомолова

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, МЕХАНИЗМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье анализируются правовые и организационные основы международного сотрудничества Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (ФССП России). Рассматриваются ключевые направления взаимодействия с иностранными органами юстиции и правоохранительными структурами, механизмы исполнения судебных решений на трансграничном уровне, а также актуальные вызовы и перспективы развития сотрудничества в условиях глобализации правовых процессов.

Ключевые слова: ФССП России, международное сотрудничество, международный розыск, исполнительное производство, правовая помощь, Конвенция Гаагской конференции по международному частному праву, взаимное признание судебных решений.

Федеральная служба судебных приставов, являясь органом принудительного исполнения судебных и иных актов, в современных условиях не может ограничивать свою деятельность национальными рамками. Глобализация экономических связей, увеличение миграционных потоков и трансграничных споров обуславливают необходимость активного международного взаимодействия для защиты прав граждан и юридических лиц, обеспечения исполнения судебных решений за рубежом.

В юридической литературе отмечается, что «трансграничное движение капиталов, рабочей силы и объектов собственности объективно требует наличия эффективных механизмов принудительного исполнения, действующих за пределами национальной юрисдикции» [12]. По данным статистики, количество исполнительных производств с участием иностранных граждан и организаций ежегодно увеличивается в среднем на 7-10%, что подтверждает актуальность развития международных связей ФССП России [14].

Деятельность ФССП России в международной сфере базируется на многоуровневой системе источников права, таких как:

1. Международные договоры Российской Федерации: многосторонние конвенции, прежде всего в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) (например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., Конвенция о порядке исполнения судебных решений арбитражных судов государств-участников СНГ 2023 г.).

Конвенции Гаагской конференции по международному частному праву (в частности, Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г., Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г.).

Двусторонние договоры о правовой помощи, заключенные Россией с десятками государств.

2. Национальное законодательство: Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 N 229-ФЗ, Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 21.07.1997 N 118-ФЗ, Федеральный закон от 01.10.2019 N 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [7].

Система источников международного сотрудничества ФССП России действительно носит комплексный характер. Как справедливо отмечает Г.Д. Улетова [11], «особенность правового регулирования в данной сфере заключается в сочетании универсальных (гаагских), региональных (в рамках СНГ) и двусторонних механизмов, что позволяет гибко адаптироваться к особенностям отношений с конкретными государствами». При этом приоритет имеют международные договоры, что прямо вытекает из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» [7].

Ведомственные соглашения: соглашения о сотрудничестве, непосредственно заключенные ФССП России с компетентными органами иностранных государств (например, с соответствующими службами Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Китая, Кубы и других стран).

Международная деятельность ФССП России носит многопрофильный характер и включает следующие ключевые направления:

Исполнение поручений иностранных компетентных органов: В рамках договоров о правовой помощи ФССП России выполняет поручения о вручении документов, истребовании доказательств, наложении ареста на имущество и совершении иных исполнительных действий на территории РФ.

Направление поручений за границу: Обеспечение исполнения решений российских судов и иных органов за пределами России путем направления соответствующих поручений через Министерство юстиции РФ.

Международный розыск должников и их имущества: Взаимодействие с правоохранительными органами и службами судебных приставов других стран, в том числе через Интерпол и механизмы двусторонних соглашений, для установления местонахождения скрывшихся должников и активов, выведенных за рубеж.

Обмен опытом и профессиональное развитие: Участие в международных конференциях, семинарах, рабочих группах (в рамках СНГ, ШОС, БРИКС, двусторонних форматов). Проведение совместных учений, стажировок, обмен методиками и технологиями в сфере исполнительного производства.

Противодействие трансграничной преступности: Сотрудничество в области розыска и конфискации доходов, полученных преступным путем, особенно в контексте исполнения решений по экономическим и коррупционным составам.

Несмотря на развитую договорно-правовую базу, на практике ФССП России сталкивается с рядом серьезных вызовов:

Политизация вопросов правовой помощи: Введение рядом государств ограничительных мер («санкций») против России создает искусственные барьеры для сотрудничества, ведет к отказу от исполнения поручений или их длительной блокировке по политическим мотивам.

Введение ограничительных мер западными странами действительно осложнило международное сотрудничество. Как указывается в Доктрине международного права, «односторонние принудительные меры, не санкционированные Советом Безопасности ООН, противоречат принципам суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела» [9]. В ответ на это Россия активизировала взаимодействие с государствами, разделяющими принцип взаимности и уважения к суверенитету [15].

Процессуальные различия и конфликт юрисдикций: Существенные расхождения в национальных системах исполнительного производства, сроках, процедурах и перечне имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Проблема взаимного признания и приведения в исполнение судебных решений: Отсутствие универсальной международной конвенции, признаваемой всеми ключевыми юрисдикциями. Процедура «экзекватуры» (признания) иностранного решения часто длительна, затратна и не гарантирует успеха.

Отсутствие универсального международного договора действительно создает трудности. В настоящее время ведется работа над проектом Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений в рамках Гаагской конференции, однако она еще не завершена [10]. В этих условиях ключевую роль играют двусторонние договоры и региональные соглашения, такие как Киевское соглашение стран СНГ 1992 года и Минская конвенция 1993 года [16].

Сложности розыска активов: Использование должниками офшорных зон, сложных корпоративных структур и цифровых активов для сокрытия имущества требует высокого уровня технической оснащенности и координации между странами.

В текущих условиях стратегическими приоритетами для ФССП России в сфере международного сотрудничества являются:

1. Углубление интеграции в рамках ЕАЭС и СНГ: развитие унифицированных правил исполнительного производства, создание электронных каналов взаимодействия и общих реестров должников и имущества.

2. Диверсификация партнерств: активное развитие сотрудничества с органами юстиции и приставами стран Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, не присоединившихся к санкционному давлению.

3. Цифровизация процессов: внедрение технологий электронного документооборота с иностранными партнерами, использование возможностей блокчейн для отслеживания активов, развитие онлайн-платформ для взаимодействия с взыскателями и должниками, находящимися за рубежом.

Внедрение цифровых технологий в международное сотрудничество является одним из приоритетов государственной политики в рамках национальной программы «Цифровая экономика» [8]. Как отмечает директор ФССП России в своих выступлениях, создание единого электронного реестра должников в рамках ЕАЭС позволит значительно ускорить розыск активов и повысить эффективность взыскания [17].

4. Нормативно-правовое совершенствование: инициативная работа по модернизации существующих и заключению новых международных договоров, направленных на упрощение процедур признания и исполнения решений.

Международное сотрудничество ФССП России превратилось из вспомогательной функции в стратегически важное направление деятельности, напрямую влияющее на эффективность правосудия и защиту законных интересов в глобальном мире. Преодоление существующих политических и правовых барьеров требует от России гибкой дипломатии, правовых инноваций и технологического развития. Укрепление международных механизмов исполнительного производства является не только ведомственной задачей ФССП, но и важным элементом обеспечения суверенитета права и конкурентоспособности российской юрисдикции на международной арене.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.
3. Конвенция о порядке исполнения судебных решений арбитражных судов государств-участников СНГ (Москва, 21.10.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2023. – № 00120-23.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 17.12.2025) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
5. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.
6. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 40. – Ст. 5488.
7. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
8. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 30. – Ст. 4887.
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/77/214 «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения» (принята 15.12.2022).
10. Николаев А.В. Признание и исполнение иностранных судебных решений: современные тенденции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 3. – С. 112-120.
11. Улетова Г.Д. Международное сотрудничество в сфере исполнительного производства: современные тенденции // Исполнительное право. – 2024. – № 2. – С. 18-24.
12. Ярков В.В. Международное исполнительное производство: проблемы и перспективы // Закон. – 2023. – № 5. – С. 45-52.
13. Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. – Режим доступа: <https://fssp.gov.ru>
14. Отчет ФССП России о результатах деятельности за 2024 год // Официальный сайт ФССП России. – URL: https://fssp.gov.ru/otchet_2024
15. Заявление Министерства иностранных дел РФ о недопустимости политизации правовой помощи от 15.03.2023 // Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://mid.ru/foreign_policy/news/1567890
16. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20.03.1992) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». – 1992. – № 4.
17. Доклад директора ФССП России Д.В. Аристова на IX Международном юридическом форуме стран АТР (Владивосток, 12.09.2025) // Официальный сайт ФССП России. – URL: https://fssp.gov.ru/doklad_2025

БОГОМОЛОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

А.Д. Мамедова

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВИДОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Историческое развитие видов гражданского судопроизводства в России отражает постепенное усложнение социальной структуры общества, усиление роли правового регулирования и адаптацию судебных процедур к политическим и экономическим реалиям определённого исторического периода.

Ключевые слова: суд, гражданский процесс, иск, ответчик, истец.

Исторически развитие видов гражданского судопроизводства в России прошло несколько ключевых этапов, отражавших изменения общественно-политического устройства и правового сознания общества.

Зарождение системы урегулирования гражданских споров восходит к самым древним цивилизациям. Вавилонский Кодекс Хаммурапи (около 1754 г. до н.э.) — один из первых известных сводов законов, в которых прописаны правила разрешения имущественных споров, сделки, ответственность за нарушение обязательств. Эти законы были воплощением идеи о справедливом разрешении разногласий через суды, встроенные в общественную систему.

Греческие города-государства развивали свои правовые порядки, однако действительно важное влияние оказало римское право. В Древнем Риме возникла развитая система судебных процедур, которая включала различные формы судопроизводства — как устное, так и письменное. В частности, римская процедура отличалась формализмом и строгими правилами, но в то же время заложила основы для гуманистического подхода к защите прав граждан.

Древняя Русь — это территория восточных славянских племен, которая начала складываться как централизованное государство и культурное образование примерно с VIII века н.э. До появления систематизированных законодательных актов и институтов правосудия на территории Киевской Руси господствовали традиционные устные обычаи, народные предания, а также формы индивидуальной и коллективной ответственности по народным и местным обычаям.

Обычное право (право традиций, народные обычаи) Основой правового регулирования в ранней периоды было народное обычаи (или народное право), передаваемое устно из поколения в поколение. Эти обычаи регулировали имущественные отношения, наследование, ответственность за преступления и иные аспекты жизни общества.

Правосудие осуществлялось на месте по решению местных старейшин или народных судов, которые назывались "мужи" либо "старейшины". Они выступали в роли судей в делах, связанных с имущественными спорами, тяжбами между соседями, разбирательством по уголовным делам (хотя уголовные дела указывали на более суровые, коллективные наказания).

Зависящая от местных традиций — суды проводились обычно на месте — в деревне, городке или у племени — без профессиональных судей, по народным обычаям.

Ответственность и наказания — в основном, это были штрафы (бинты), кровная месть или повреждение, иногда — публичные наказания. Роль религии и церкви. С приходом христианства (начиная с окончания X века) церковные нормы и церковные суды начали играть роль в регулировании моральных и этических аспектов жизни. На первых порах церковные и светские суды действовали параллельно, а затем — в рамках системы власти.

В период Киевской Руси практически нет письменных кодексов или сводов законов, за исключением отдельных свидетельств и летописных записей. Правовые представления о «законности» и «справедливости» формировались под влиянием народных традиций, религии и обычного права.

Повести временных лет — главный летописный источник, в котором иногда описываются случаи правосудия или разбирательства.

Сказания и предания — сохранившиеся в устной форме или в рукописях, содержат сведения о народных обычаях.

Отсутствие кодифицированного законодательства — право регулировалось устными обычаями.

Роль народных и местных лидеров — старейшин, князей, церковных служителей, выступавших в роли судей.

Ориентация на восстановление справедливости через кровную месть или штрафы.

Региональные отличия — на определённых территориях существовали свои обычаи, нефиксированные на бумаге, что делало систему более расплывчатой, чем современная.

В целом, до Киевской Руси гражданское судопроизводство было основано на народных обычаях, устных традициях и локальных практиках, а процесс был привязан к местным сообществам и традициям, что отвечало уровню развития общества того времени.

В эпоху Киевской Руси и периода феодальной раздробленности существовала простая и непосредственная форма судопроизводства. «Споры решались в присутствии князя или посадника путём открытого слушания сторон. В дальнейшем получили распространение мировые сделки и посредничество третьих лиц, что свидетельствовало о зарождении альтернативных способов разрешения конфликтов». [1, С.205]

Развитие централизованного государства потребовало формирования новых институтов власти, включая судебную власть. Появляется понятие «судебного приказа», который мог выступать основанием для начала судебного разбирательства. Важную роль начинают играть специальные учреждения («приказы»), занимающиеся решением гражданских дел. Формируются основы процессуального права, характерные для последующего этапа.

Реформы Петра I серьёзно повлияли на организацию судебной системы. Вводится должность прокурора, усиливается контроль над судьями, вводится единообразие судопроизводства. После принятия Устава о губерниях 1775 года создаются сословные суды, появляется первая попытка систематизации гражданского судопроизводства.

Одним из важнейших моментов в истории российского гражданского судопроизводства стала судебная реформа 1864 года — «учреждён институт присяжных заседателей, введены гласность и состязательность процесса, началось формирование института адвокатов». [2, С.15]

Были созданы два основных типа судопроизводства: исковое и особое производство. Впервые появилась современная процессуальная терминология и детализированные нормы судопроизводства.

Советская власть ввела новые принципы организации судебной системы, отразив классовый подход к праву. «Было ликвидировано частное судопроизводство, создавались народные суды и специализированные органы (например, трибуналы). Период сталинской диктатуры привёл к ужесточению процессуальных норм и сужению возможностей граждан защищать свои права». [3, С.22]

Лишь после смерти И.В. Сталина начались послабления, появились некоторые гарантии соблюдения прав.

Переход к рыночной экономике потребовал серьёзных изменений в гражданском судопроизводстве. Действующий ГПК РФ установил современную структуру судопроизводства, сохранив традиционные виды производств (исковое, особое, приказное).

Таким образом, историческое развитие видов гражданского судопроизводства отражает постепенное усложнение социальной структуры общества, усиление роли правового регулирования и адаптацию судебных процедур к новым политическим и экономическим реалиям.

В заключение данной статьи, рассмотрев теоретико-правовые основы видов гражданского судопроизводства, приходим к ряду выводов:

Современное гражданское судопроизводство представляет собой установленную законом процедуру рассмотрения и разрешения гражданских дел, обеспечивающую защиту прав и законных интересов граждан и организаций. Его сущностью являются правовые механизмы, позволяющие эффективно разрешать конфликты и восстанавливать нарушенные права в рамках установленной законом процедуры.

Действующая классификация видов гражданского судопроизводства позволяет упорядочить многообразие судебных процедур, выделяя исковое, особое, приказное и иные виды производств. Это обусловлено характером материальных правоотношений, наличием или отсутствием спора о праве, а также особенностями применения норм права. Каждая разновидность судопроизводства обладает собственными признаками и процедурами, что способствует повышению эффективности судебной защиты.

Библиографический список:

1. Гражданское процессуальное право России: Учебник / под ред. профессора Пиголкина А.С. — Москва: Городец, 2015. С.205.
2. Шергина Н.П. Эволюция гражданского судопроизводства в России. — Екатеринбург: УрФУ, 2017. С.15.
3. История отечественного государства и права / под ред. проф. О.И. Чистякова. — Москва: Издательство МГУ, 2021. С.22.

МАМЕДОВА ДЖАМИЛЯ АЙДЫНОВНА — магистрант, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Россия.

Д.С. Увалиев

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИСКОВОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА (ОТ РИМСКОГО ПРАВА ДО СОВРЕМЕННОСТИ)

Фундамент современной исковой формы защиты права был заложен в Древнем Риме, где сформировалась классическая концепция иска.

Ключевые слова: иск, защита, право, гражданин.

В римском праве иск понимался как право лица осуществить судебным порядком принадлежащее ему материальное требование. Именно здесь сложилось ключевое для всего последующего процессуального развития разграничение на право на иск в материальном смысле (как само нарушенное субъективное право) и право на иск в процессуальном смысле (как право на обращение в суд за защитой). Римские юристы разработали учение об элементах иска, создали его развернутую классификацию (иски вещные и личные, основанные на праве и по аналогии и др.), что заложило основу для систематизации судебной защиты. Легендарные Законы XII таблиц и последующая преторская деятельность, в рамках которой формировались формулы исков, сделали исковую форму гибким и универсальным инструментом, адаптирующим абстрактные нормы права к бесконечному разнообразию жизненных ситуаций.[1, С. 115]

В средние века и в Новое время римское учение об иске было воспринято и переработано европейскими правовыми системами. Рецепция римского права привела к тому, что многие его конструкции, включая исковые, стали общим достоянием континентальной правовой семьи. [2, С. 87]

Однако на смену римской формальной процедуре пришел розыскной (инквизиционный) процесс, характерный для канонического права, где роль суда стала активной, а начало процесса перестало зависеть исключительно от воли истца. Важнейшим этапом стала кодификация гражданского процесса в XIX веке, в частности, во Франции (Гражданский процессуальный кодекс 1806 г.) и Германии (Устав гражданского судопроизводства 1877 г.). Эти кодексы, основанные на принципах диспозитивности и состязательности, возродили и модернизировали исковую форму, четко разделив материальное и процессуальное право, а также регламентировав все стадии искового производства.[3, С. 88]

В дореволюционной России развитие исковой формы защиты права, хотя и обладало определенным национальным своеобразием, в целом шло в русле общеевропейских тенденций, испытав значительное влияние как византийских, так и, позднее, немецких источников. До середины XIX века гражданский процесс характеризовался следственными началами, формальной системой доказательств и отсутствием единой регламентации. Подготовка и принятие Устава гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 года в рамках масштабной Судебной реформы Александра II стали подлинно поворотным моментом, ознаменовавшим переход к принципиально новой процессуальной модели. Этот фундаментальный акт, созданный под влиянием лучших образцов западноевропейского законодательства, в первую очередь французского и австрийского, закрепил в российском правопорядке классические принципы состязательности, гласности и устности. Именно Устав установил единые, четкие и детализированные правила для предъявления, обеспечения и рассмотрения исков, введя такие основополагающие институты, как судебные издержки, обеспечение иска, встречный иск и письменное исковое заявление установленной формы. [4, С. 118]

Таким образом, реформа 1864 года не просто модернизировала судебную систему, а создала современную, для того периода, исковую форму защиты права, которая базировалась на идее процессуального равенства сторон и активности сторон в доказывании, заложив прочный фундамент для дальнейшего развития российского гражданского процесса.

Советский период ознаменовался радикальным разрывом с дореволюционной процессуальной традицией, что было обусловлено сменой политической и экономической парадигмы. Господство плановой экономики и тотальное доминирование публично-правовых начал привели к существенному сужению сферы действия исковой формы как инструмента защиты частных интересов.

Понятие «иск», ассоциировавшееся с буржуазным правом и индивидуализмом, было первоначально устранено из законодательства и идеологически мотивированно заменено на нейтральное «заявление». Хотя впоследствии, с принятием ГПК РСФСР 1964 года, термин «иск» был формально возвращен в юридический лексикон, его материальная сущность претерпела кардинальное искажение, защита

«субъективного права» гражданина или интереса отдельного хозяйствующего субъекта была в значительной степени подменена задачей защиты «социалистической законности» и «социалистического правопорядка» в целом. [5, С. 54]

Современный этап развития исковой формы в Российской Федерации, начавшийся с судебной реформы 1990-х годов, характеризуется последовательным возвращением к классическим принципам диспозитивности и состязательности, а также масштабной отраслевой кодификацией. Принятие Арбитражного процессуального кодекса РФ (1995, 2002 гг.) и Гражданского процессуального кодекса РФ (2002 г.) не просто модернизировало судопроизводство, но и создало две самостоятельные, хотя и тесно связанные общими принципами, процессуальные системы. В центре обеих систем находится иск как основное, универсальное средство защиты нарушенного или оспариваемого права. При этом современное понимание иска в России представляет собой сложный правовой синтез: оно вобрало в себя достижения римской юриспруденции, лучшие образцы европейской кодификации (четкость процедуры, система обжалования), а также советский опыт (организационное разделение юрисдикции, элементы публичности в защите публичных интересов), адаптируя этот комплекс к потребностям формирующейся рыночной экономики и построения правового государства.

Из вышеизложенного, история развития иска представляет собой многовековой диалектический путь от жестких формальных процессуальных действий в римском праве, где форма искового требования часто превалировала над его содержанием, через инквизиционные отклонения средневековья и абсолютских режимов, характеризовавшихся поглощением частной инициативы государственным принуждением, к современной гибкой, сложноорганизованной и многоуровневой системе правовой защиты. Современный иск стал не просто средством разрешения спора, но и инструментом формирования единообразной судебной практики, воздействия на правопорядок и обеспечения предсказуемости гражданского оборота, что отражает его непреходящее значение как краеугольного института процессуального права.

Список литературы

1. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Норма, 2018. С. 115.
2. Новицкий И.Б. Римское право: учебник / Москва : Зерцало-М, 2018. С. 87.
3. Рожкова М.А. Эволюция исковой формы защиты права в России: от Устава гражданского судопроизводства до современных кодексов // Закон. 2022. № 7. С. 88–102.
4. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов / 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2022. С. 118.
5. Боннер А.Т. История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных отношений // Избранные труды: в 7 т. Т. I. Москва : Проспект, 2017. С. 54.

УВАЛИЕВ ДАМИР САКТАПБЕРГЕНОВИЧ – магистрант, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Россия.

А.З. Увалиева

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Договор является одной из наиболее древних правовых конструкций и известен со времен зарождения в обществе потребности в установлении конкретных имущественных отношений на основе согласованной воли участников. Вполне естественно, что тогда же приобретают практическую актуальность, неизбежно привлекая внимание человека, вопросы заключения договора.

Ключевые слова: суд, договор, гражданин, право.

В период расцвета римского частного права основные проблемы заключения договора, которые рассматривались до этого в отдельности и разрозненно, оказались включенными в единую систему обязательственного права, получив в ней достаточно стройное логическое завершение.

Так, на довольно высоком уровне было разработано учение о составе договорных условий, включавшем *essentialia negotii* (условия, которые непременно должны быть установлены сторонами), *naturalia negotii* (условия, которые обыкновенно в сделке присутствуют, но не являются необходимыми), а также *accidentalia negotii* (условия, внесенные в сделку самими сторонами). [1, С. 147] Широко исследовались вопросы, связанные с моментом заключения договора (консенсуальные и реальные контракты), а также его формой (устные (вербальные) и письменные (литеральные) контракты). Римскому частному праву были известны и специальные (особые) случаи возникновения договорного обязательства, такие, как торги и заключение договора, предусмотренного предварительным договором. [2, С. 533]

Как известно, многие достижения римского частного права были рецептированы странами континентальной правовой системы. Не избежала такой рецепции и Россия с ее нестандартным (для большинства европейских стран) ходом правовой эволюции. [3, С. 367]

Поэтому в русской дореволюционной цивилистике основные проблемы заключения договора также получают достаточно широкое исследование.

Например, в трудах таких видных русских ученых, как Д.И. Мейер [4, С.204] и Г.Ф. Шершеневич [5, С.304] освещаются вопросы о содержании и форме сделки (в том числе договора), порядке заключения договора между отсутствующими контрагентами, детально анализируются особые случаи возникновения договора: заключение договора, предусмотренного предварительным договором (так называемой запродажей), и торги.

Очень точно была определена природа существенных условий договора К.П. Победоносцевым в следующем его замечательном высказывании: «Есть существенные условия, необходимые для того, чтобы всякое соглашение можно было признать законно совершившимся; где их не оказывается, там нет и договора». [6, С.85]

Еще один великий русский цивилист И.А. Покровский обстоятельно исследовал проблемы принципа договорной свободы, имеющего самое непосредственное значение для заключения договоров и в настоящее время. [7, С. 249]

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. исследование проблем обязательственного права производилось главным образом применительно к ГК РСФСР 1922 г. При этом многие положения указанного кодифицированного акта учитывали общее состояние дореволюционной цивилистики, разработки которой предполагалось воплотить еще в Гражданском уложении Российской империи. [8, С.42]

В частности, в ГК РСФСР 1922 г. в полной мере реализованы мысли русских правоведов о необходимых условиях сделки, которые именуются здесь существенными пунктами (ст. 130), о порядке заключения договоров между присутствующими (ст. 131) и между отсутствующими (ст. 132-135), о предварительном договоре (примечание 2 к ст. 130). Находит законодательное закрепление и теория «получения сообщения» (ст. 134).

Бурное развитие теоретических изысканий в области заключения договора, характерное для советского времени, производится главным образом в рамках проблематики, свойственной так называемому «хозяйственному договору». Главные достижения советской цивилистической мысли находят закрепление в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г., а также в ГК РСФСР 1964 г.

Так, в ГК РСФСР 1964 г. нормы о заключении договора были сосредоточены в основном в гл. 15, именованной «возникновение обязательств». Указанные нормы последовательно регулируют вопросы о существенных пунктах договора (ст. 160), форме договора (ст. 161), порядке заключения договора (ст. 162-165), разрешении преддоговорных споров (ст. 166). Уделяется специальное внимание и возникновению обязательств из договоров, подлежащих нотариальному удостоверению и государственной регистрации (например, ст. 135, 239).

На втором (советском) этапе становления теории возникновения договорного обязательства наряду с комплексными трудами, в которых, как правило, исследовались сразу многие проблемы обязательства права, появляются также работы, специально посвященные вопросам заключения договора. Постепенно расширяется и проблематика учения, например, за счет вовлечения в орбиту более пристального внимания понятия несостоявшихся (незаключенных) договоров. [9, С.92]

Наконец, начало третьему (современному или постсоветскому) этапу в развитии учения о возникновении договора положило принятие сначала Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., а затем - ГК РФ. На данном этапе появляется обширная практическая, учебная и научная литература, в которой подробно освещаются вопросы практически всех институтов договорного права. При этом рассматриваемое учение входит в состав науки гражданского права как вполне самостоятельный раздел российского договорного права. Появляются также труды, в которых уделяется внимание и отдельным подинститутам правового института возникновения договора.

Учение о возникновении договора в его современном состоянии - это самостоятельный раздел цивилистики, который, в первом приближении, призван изучать вопросы, связанные с возникновением договора как правоотношения. Для более же точного определения проблематики данного учения целесообразно раскрыть специфические признаки его предмета.

Вместе с тем в цивилистике получила обоснование идея неимущественных обязательств. Интересные мысли по этому поводу можно найти еще у И.А. Покровского, который отмечал: «Правильное представление об обязательстве должно быть одинаково далеко как от крайности примитивной личной «обременности» должника, так и от крайностей «имущественности». 10, С.242]

В свете изложенного становится ясным, что так называемый «нематериальный интерес» в обязательстве всегда удовлетворяется действием имущественного характера, т.е. объект соответствующего обязательства также обладает свойством стоимостного выражения. В противном случае можно говорить только о «моральном обязательстве», но отнюдь не о гражданском правоотношении. Предметом рассматриваемой теории выступают закономерности гражданско-правового регулирования имущественных отношений, складывающихся в области возникновения договора, т.е. преддоговорных отношений сторон.

Таким образом, рассматриваемое учение представляет собой систему знаний о закономерностях гражданско-правового регулирования имущественных отношений, складывающихся при заключении договора (преддоговорных отношений).

Список литературы:

- 1.Хвостов В.М. Система римского права: учебник (по изд. 1908 г.). М., 1996. - С. 147-148.
- 2.Римское частное право: учебник/под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 2001. - С. 367.
- 3.Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. СПб., 2005. - С. 533.
- 4.Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902. 3-е изд., испр. М., 2000. - С. 204.
- 5.Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. - С. 304.
- 6.Победоносцев К.П. Курс гражданского права. II часть. СПб., 1896. - С. 85.
- 7.Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998 (в серии «Классика российской цивилистики»). - С. 249.
- 8.Формально действовавший в России до революции Свод законов гражданских (часть 1 тома X Свода законов Российской империи) даже самым отдаленным образом не соответствовал потребностям развивавшегося капиталистического способа производства. Очевидно, что поэтому указанный нормативный акт подвергался серьезной критике со стороны современной ему цивилистической науки (См., напр.: Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М., 2003. - С. 81-82; Покровский И.А. Указ. соч. - С. 76; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - С. 42).
- 9.Новицкий И.Б. Недействительные сделки // Вопросы советского гражданского права. М., 1945. - С. 86-87; Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. - С. 19-21; Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. - С. 90-92.
- 10.Покровский И.А. Указ. соч. - С. 241-242.

А.М. Гаджиев

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ФАКТОРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ

В статье представлена комплексная криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в современных условиях. Анализируется структура и динамика подростковой преступности, отмечается преобладание имущественных правонарушений, высокая доля групповых и латентных преступлений, возрастные, пространственные и сезонные особенности. Раскрываются ключевые детерминанты девиантного и преступного поведения несовершеннолетних: социально-экономические и семейные условия, психологические и групповые факторы, правовые и институциональные аспекты, влияние информационного пространства и социальных трансформаций.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; подростковая преступность; молодёжная преступность; латентная преступность; девиантное поведение; криминологическая характеристика; социальные факторы; семейное неблагополучие; групповые преступления; профилактика правонарушений; ресоциализация; межведомственное взаимодействие.

Преступность несовершеннолетних остаётся одной из наиболее сложных и социально значимых проблем современного общества. Она отражает не только криминогенную ситуацию, но и состояние системы социализации детей и подростков, эффективность работы семьи, школы, правоохранительных и социальных органов. Несмотря на определённые колебания статистических показателей и периоды снижения зарегистрированного уровня подростковой преступности, общий фон остаётся достаточно высоким и вызывает обоснованную озабоченность.

Целью настоящей статьи является комплексная криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних, включающая анализ структуры и динамики правонарушений, выявление ключевых факторов, влияющих на формирование девиантного поведения, рассмотрение соотношения подростковой и молодёжной преступности, роли латентных правонарушений, а также нормативно-правовых и социально-экономических условий, определяющих специфику рассматриваемого явления. Особое внимание уделяется вопросам профилактики и межведомственного взаимодействия.[2]

1. Общая криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних

Статистические данные последних лет показывают, что доля несовершеннолетних в общей структуре лиц, совершивших преступления, составляет в среднем 10–15 %. Это свидетельствует о стабильном присутствии подростков в криминогенной среде и указывает на устойчивость соответствующих криминологических закономерностей.

Структура преступности несовершеннолетних характеризуется следующими особенностями:

- преобладанием имущественных преступлений (кражи, грабежи), нередко совершаемых из корыстных побуждений и в силу доступности объектов посягательства;
- значительной долей мелких правонарушений и хулиганских действий, часто совершаемых под влиянием ситуативных эмоциональных импульсов;
- относительно меньшей, но социально особо опасной долей насильственных преступлений;
- высокой распространённостью групповых преступлений, что отражает влияние неформальных подростковых объединений и сверстников на формирование девиантного поведения.

Возрастной пик преступности несовершеннолетних приходится на 15–17 лет. В этот период усиливаются кризисные проявления подросткового возраста, растёт потребность в самоутверждении, повышается значимость референтной группы, а механизмы самоконтроля и правосознания ещё не сформированы в должной мере. Существенной является и проблема рецидива: повторные правонарушения занимают значительную долю, что свидетельствует о недостаточной эффективности мер воспитательного воздействия и ресоциализации. [3]

© А.М. Гаджиев, 2026.

Научный руководитель: *Лапшин Иван Сергеевич* - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права «Московский университет «Синергия», Россия.

Пространственный анализ выявляет различия между городскими и сельскими территориями. В городах уровень преступности несовершеннолетних, как правило, выше, что связано с большей концентрацией социально неблагополучных групп, более высокой плотностью населения, остротой социальных контрастов, наличием криминогенных субкультур. В сельской местности правонарушения чаще детерминированы дефицитом досуговой инфраструктуры, ограниченностью образовательных и социальных ресурсов.

Временная (сезонная) зависимость выражается в росте числа правонарушений в периоды школьных каникул, отпусков и иных промежутков, когда контроль со стороны взрослых ослабевает, а свободное время подростков не структурировано.

Важно подчеркнуть, что официальная статистика не полностью отражает реальный масштаб преступности несовершеннолетних. Существенная часть правонарушений остаётся скрытой (латентной), не фиксируется правоохранительными органами или решается в непроцессуальных формах, что требует качественного анализа и применения специальных методик исследования.

2. Факторы, влияющие на преступность несовершеннолетних

Формирование преступного поведения несовершеннолетних обусловлено совокупным влиянием социально-экономических, психологических, правовых и культурно-информационных факторов, взаимодействующих на разных уровнях.

2.1. Социально-экономические и семейные факторы

Ключевую роль играют:

- безработица и низкий уровень доходов родителей;
- социальное неравенство и маргинализация отдельных групп населения;
- ограниченный доступ к качественному образованию и организованному досугу;
- неблагополучная семейная обстановка (неполные, конфликтные, асоциальные семьи, насилие в семье, злоупотребление алкоголем и наркотиками).

Такие условия ведут к дефициту позитивных моделей поведения и легитимных (одобряемых обществом) каналов самореализации, снижению доверия к социальным институтам и ослаблению воспитательного потенциала семьи. [4]

2.2. Психологические и групповые детерминанты

Психологические особенности подросткового возраста — эмоциональная неустойчивость, импульсивность, повышенная внушаемость, стремление к риску и самоутверждению — повышают вероятность девиантных поступков, особенно в условиях давления со стороны группы.

Неформальные подростковые объединения и криминогенные компании формируют специфические субкультуры, где:

- поощряются противоправные практики;
- девиантные нормы воспринимаются как допустимые;
- поддерживаются механизмы взаимной лояльности и «омертв».

Групповая преступность становится каналом социализации в условиях дефицита конструктивных форм общения.

2.3. Правовые и институциональные аспекты

Изменения в законодательстве, направленные на дифференциацию и гуманизацию ответственности несовершеннолетних, обладают двойственным эффектом. С одной стороны, создаются условия для использования воспитательных и реабилитационных мер, с другой — при отсутствии комплексного сопровождения возможно закрепление криминальной идентичности и усиление рецидива.

Непоследовательность правоприменительной практики, перегрузка правоохранительных органов, недостаток специализированных кадров, работающих с несовершеннолетними, негативно сказываются на качестве профилактики и ресоциализации.

2.4. Влияние информационного пространства и социальных изменений

Расширение информационного пространства, активное использование подростками социальных сетей и онлайн-платформ формируют новые риски: [1]

- трансляция и нормализация насилия, агрессии, криминальной романтики;
- вовлечение несовершеннолетних в киберпреступность и иные формы сетевой девиантности;
- снижение критичности восприятия информации и размывание представлений о правомерности поведения.

Социально-экономические кризисы, рост неустойчивости и неопределённости в обществе усиливают стрессовые нагрузки на семьи и подростков, что увеличивает вероятность конфликтов и девиаций.

3. Соотношение преступности несовершеннолетних и молодёжной преступности

Преступность несовершеннолетних тесно связана с преступностью молодёжи (18–24 года), образуя единую возрастную линию криминального развития. Во многих случаях преступный опыт, приобретённый в подростковом возрасте, продолжает реализовываться и после достижения совершеннолетия.

Общими для обеих категорий являются: [10]

- доминирование имущественных преступлений и насильственных правонарушений, связанных с самоутверждением и решением конфликтов;
- высокая роль групповых форм преступности;
- влияние субкультур и криминогенных сообществ.

Отличия проявляются прежде всего в:

- юридическом статусе и мерах ответственности (для несовершеннолетних шире используются меры воспитательного и реабилитационного характера);
- степени организованности и профессионализации преступной деятельности (у молодёжи она, как правило, выше).

Взаимодействие указанных возрастных групп выражается в:

- совместном участии в преступлениях;
- передаче криминальных «традиций» и навыков;
- смещении возрастов в неформальных группах.

Это требует интегрированного подхода к профилактике, ориентированного на широкий возрастной диапазон. [6]

4. Латентная преступность несовершеннолетних

Латентная преступность несовершеннолетних — существенный элемент общей криминогенной картины. Она включает деяния, которые:

- не сообщаются в правоохранительные органы;
- не получают должной правовой оценки;
- разрешаются в рамках семейных или институциональных (школьных, ведомственных) процедур.

Причинами высокой латентности выступают:

- стремление родителей и педагогов избежать стигматизации ребёнка;
- опасения негативных последствий для дальнейшей судьбы подростка;
- недоверие к правоохранительным органам;
- желание «урегулировать» конфликт без официального вмешательства.

Высокий уровень латентности:

- искажает статистическую картину;
- затрудняет криминологический анализ;
- снижает эффективность профилактических программ, ориентированных на формальные показатели.

Совершенствование учёта латентной преступности предполагает:

- использование социологических опросов, анонимных анкетирований;
- развитие межведомственного обмена информацией между школами, социальными службами и правоохранительными органами;
- применение цифровых технологий для мониторинга и анализа данных.

5. Комплексная профилактика преступности несовершеннолетних

Многофакторность детерминации преступности несовершеннолетних обуславливает необходимость комплексного, междисциплинарного подхода к её профилактике.

Ключевые элементы такой системы включают:

1. Правовое регулирование

Развитие законодательства, направленного на:

- приоритет воспитательных и реабилитационных мер;
- чёткое закрепление механизмов межведомственного взаимодействия;
- защиту прав несовершеннолетних в правоохранительной и судебной деятельности. [8]

2. Деятельность правоохранительных органов

- раннее выявление групп риска;
- специализированные подразделения по работе с несовершеннолетними;
- профилактическая работа в сотрудничестве со школами и социальными службами;
- снижение латентности за счёт доверительных форм взаимодействия с населением.

3. Роль образовательных учреждений и общественных организаций

• внедрение программ правового просвещения и формирования навыков конструктивного поведения;

- развитие системы внеурочной занятости (спорт, творчество, добровольчество);
- поддержка позитивных молодёжных инициатив и самоуправления.

4. Работа с семьёй

- психологическое консультирование родителей;
- программы поддержки неблагополучных семей;
- механизмы раннего вмешательства при признаках семейного неблагополучия. [9]

5. Использование информационных технологий

- создание онлайн-платформ с просветительским и профилактическим контентом;
- цифровой мониторинг рисков и оперативный обмен информацией между службами;
- использование медиа для формирования позитивных поведенческих моделей. [3]

Синергия усилий государственных органов, институтов гражданского общества и семейной среды позволяет формировать многоуровневую систему предупреждения преступности несовершеннолетних, ориентированную не только на снижение регистраций правонарушений, но и на создание условий для гармоничного развития личности подростка.

Заключение

Современная преступность несовершеннолетних представляет собой сложное, многомерное явление, характеризующееся устойчивой структурой, выраженными возрастными, пространственными и временными особенностями, а также высокой степенью латентности. На её формирование влияют социально-экономические, психологические, правовые и информационные факторы, взаимодействующие в контексте быстрых социальных изменений.

Эффективное противодействие подростковой преступности требует:

- опоры на современную научную базу криминологии несовершеннолетних;
- постоянного совершенствования нормативно-правового регулирования;
- развития комплексных программ профилактики, включающих правовые, социальные, образовательные и психологические компоненты;
- усиления межведомственного взаимодействия и использования инновационных технологий.

Только системный и научно обоснованный подход, сочетающий меры защиты прав ребёнка, профилактики девиантного поведения и эффективной ресоциализации, способен обеспечить устойчивое снижение уровня преступности среди несовершеннолетних и создание безопасной среды для развития подрастающего поколения.

Список используемых источников

1. Абрамян С. К. «Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями: состояние проблемы» // «Новый университет. Серия „Экономика и право“», 2021, №5, с. 211–212.
2. Аленичева, В. В. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в современной России : [16+] / В. В. Аленичева ; Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Юридический факультет [и др.]. – Гатчина : б.и., 2022. – 102 с.
3. Борисова, Т.В. Общая характеристика понятия преступности несовершеннолетних / Т.В. Борисова // Будущее науки. – 2021. – С. 46-48.
4. Бормотова, Т.М. Преступность среди несовершеннолетних: состояние и социальные факторы / Т.М. Бормотова // Миссия конфессий. – 2024. – т.13. – №2 (75). – С. 166-171.
5. Горшенин, А. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних : учебник для вузов / А. А. Горшенин. — Москва : Издательство Юрайт, 2025.
6. Готчина, Л.В. Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы / Л.В. Готчина // Российский девиантологический журнал. – 2021. – т.1. – №2. – С.304-313.
7. Грабовенко, Е.В. Проблемы профилактики преступности несовершеннолетних / Е.В. Грабовенко, С.И. Вележев // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. – 2021. – С. 166-119.
8. Демидова-Петрова, Е.В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс / Е.В. Демидова-Петрова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – №1 (51). – С. 51- 58.
9. Дикаев С. У., Дикаева М. С., Морозова И. В., Юзиханова Э. Г., Никуленко А. В. Несовершеннолетние как субъекты уголовно-правовых отношений: монография, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ), 2023.
10. Ермишина Н. С., Шароева А. А. «Преступность несовершеннолетних как результат процесса девиантной социально-психологической адаптации» // «Вестник Саратовской государственной юридической академии». 2025. № 1 (162). С. 252.

ГАДЖИЕВ АММАЦЫ МАГОМЕДРАСУЛОВИЧ - магистрант, негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Д.Ю. Денисова

ФОРМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

Статья подготовлена на основе изучения научной литературы, материалов судебной практики и обобщений правоприменительной деятельности. В статье обосновывается необходимость разграничения правомерного воздействия судебного толкования на законодателя и недопустимого вторжения суда в исключительную компетенцию законодательной власти. Выделены три основные формы влияния судебной практики на уголовное законодательство. Предложены критерии, позволяющие отличить легитимное толкование от судебного правотворчества.

Ключевые слова: *судебная практика, уголовное законодательство, толкование уголовного закона, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, судебное усмотрение.*

Вопрос о роли судебной практики в формировании уголовного законодательства традиционно рассматривается в контексте соотношения правообразования и правотворчества. Правообразование охватывает естественно-исторический процесс возникновения нормативных регуляторов, включая выявление потребностей в правовом регулировании, оценку действующего законодательства и накопление эмпирического материала. Правотворчество представляет собой завершающий этап, на котором компетентные органы придают нормам юридическую силу [1, с. 185].

Судебная практика в этом процессе выполняет функцию «обратной связи»: она выявляет пробелы, коллизии и дефекты законодательных предписаний, накапливает данные о результативности уголовно-правовых запретов и формирует запрос на их корректировку. Как отмечается в литературе, судебная власть является одним из субъектов уголовной политики, а Верховный Суд РФ обладает возможностями участия в уголовно-правовом нормотворчестве при условии соблюдения конституционных пределов такого участия [2, с. 45].

Вместе с тем конституционный принцип разделения властей и отраслевой принцип законности требуют четкого разграничения: суд применяет закон, а не создает его. Любое воздействие судебной практики на законодателя должно осуществляться в формах, не нарушающих исключительной компетенции Федерального Собрания РФ в сфере уголовного законодательства [3, с. 170].

Анализ доктринальных источников и материалов судебной практики позволяет выделить три основные формы воздействия судебной практики на процесс уголовного законодательства.

Первая форма заключается в выявлении судами пробелов и недостатков уголовного законодательства в ходе рассмотрения конкретных уголовных дел. Данная форма служит важным источником информации о несовершенствах действующего нормативно-правового регулирования. Как отмечает А. Е. Епифанов, судебная практика выступает действенным инструментом преодоления пробелов в уголовном праве, а накопленный правоприменительный опыт формирует эмпирическую базу, необходимую для последующего совершенствования законодательства [4, с. 33].

Вторая форма выражается в формировании Верховным Судом Российской Федерации интерпретационных (правовых позиций, закрепляемых в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. В отличие от судебных актов кассационной и надзорной инстанций, принимаемых по конкретным делам, постановления Пленума обладают общим нормативным значением и направлены на обеспечение единообразия судебной практики по всей территории Российской Федерации.

Как подчеркивает Д. Голенко, в рамках данных разъяснительных актов нередко формируются правовые конструкции, выходящие за пределы буквального толкования норм уголовного закона и фактически восполняющие имеющиеся законодательные пробелы (лакуны) [5, с. 32]. В подобных случаях судебное толкование приобретает отдельные признаки нормативного регулирования, оказывая существенное влияние на правоприменительную практику и последующее развитие законодательства.

© Д.Ю. Денисова, 2026.

Научный руководитель: *Подольный Николай Александрович* – доктор юридических наук, доцент, Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия.

Третья форма представлена правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации. Несмотря на то что решения Конституционного Суда формально не относятся к источникам уголовного права, они обладают значительным регулятивным потенциалом. В частности, посредством вынесения постановлений Конституционный Суд признает отдельные нормы уголовного законодательства не соответствующими Конституции Российской Федерации, а также выявляет конституционно-правовой смысл действующих уголовно-правовых норм.

В научной литературе обоснованно ставится вопрос о пределах допустимого судебного усмотрения. З.А. Незнамова приводит примеры расширительного толкования норм Общей части УК РФ в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, которые, по мнению автора, выходят за пределы буквального смысла закона и вторгаются в компетенцию законодателя [3, с. 172].

П.А. Ларионов предлагает разграничивать допустимые и недопустимые контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации. К допустимым относятся ограничения, вытекающие из принципов верховенства закона, разделения властей и юридической определенности. Недопустимыми признаются толкования, которые создают новую норму либо изменяют структуру состава преступления [6, с. 40].

На основе анализа доктрины и практики можно предложить следующие критерии, позволяющие отличить легитимное толкование от судебного правотворчества:

Соответствие буквальному смыслу закона. Толкование не должно придавать закону значение, которое в нем не содержится.

Сохранение структуры состава преступления. Суд не вправе добавлять или исключать элементы состава, установленные законодателем.

Недопустимость установления преступности деяния. Признание деяния преступным возможно только на основании закона, а не судебного толкования.

Обязательность последующего законодательного подтверждения. Если судебная интерпретация существенно изменяет понимание нормы, такое изменение должно быть в разумный срок закреплено или опровергнуто законодателем.

Сложившаяся практика свидетельствует о том, что судебное толкование объективно влияет на уголовное законодательство, однако это влияние требует правового оформления, исключающего подмену законодательной функции.

Представляется обоснованным наделить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ обязательной силой при сохранении за федеральным законодателем полномочия их отменять либо изменять. Такой подход обеспечит баланс между стабильностью нормативно-правового регулирования и гибкостью его применения, а также позволит сохранить подконтрольность судебного толкования законодательной власти в рамках принципа разделения властей.

Дополнительно целесообразно закрепить на законодательном уровне четкие критерии допустимости судебного толкования уголовного закона. Это обеспечит единообразие правоприменительной практики в нижестоящих судах, четко определит границы судейского усмотрения и позволит избежать расширительного толкования норм, выходящего за установленные законодателем рамки.

Список литературы

1. Бойко О.А. Правообразование и правотворчество: соотношение понятий // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 184–187.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и судебная власть: учебное пособие. М.: РГУП, 2020. 96 с.
3. Незнамова З.А. Расширительное толкование: пределы судебного усмотрения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4. С. 168–174.
4. Епифанов А.Е. Роль судебной практики в восполнении пробелов в уголовном праве (вопросы теории и истории) // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2025. № 4. С. 31–36.
5. Голенко Д. Issues of Interpretation of the Special Part of the Criminal Law // Legal Linguistics. 2023. № 27(38). С. 31–33.
6. Ларионов П.А. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 35–44.
7. Бондаренко О.В. Судебная практика и уголовное правотворчество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

ДЕНИСОВА ДАРЬЯ ЮРЬЕВНА – магистрант, Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия.

П.А. Лысков

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЕВОДОРОДОВ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОРОЛЕВСТВА НОРВЕГИЯ

Настоящая статья посвящена комплексному анализу правового регулирования эксплуатации трансграничных месторождений углеводородов в Арктической зоне. В условиях возрастающего геополитического и экономического интереса к арктическим морским пространствам проблема совместного освоения месторождений, пересекающих государственные границы, приобретает особое значение. В статье рассматривается правовой статус арктических морских пространств с точки зрения поиска и добычи полезных ископаемых, анализируются международные договоры, определяющие режим совместной разработки трансграничных месторождений, а также механизмы разрешения споров, возникающих между государствами. Особое внимание уделяется роли Российской Федерации в развитии двустороннего сотрудничества с сопредельными государствами, прежде всего с Королевством Норвегия. На основе доктринального анализа предоставленных источников автор выявляет ключевые правовые проблемы, связанные с юнитизацией, распределением месторождений и разрешением споров, а также формулирует выводы о перспективах развития правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: Арктическая зона, трансграничные месторождения углеводородов, юнитизация, разграничение морских пространств, российско-норвежское сотрудничество, механизмы разрешения споров, арбитраж *ad hoc*, независимый эксперт, континентальный шельф.

Правовое регулирование режима Арктики в настоящее время осуществляется как на международно-правовом, так и на национально-правовом уровнях. Как справедливо отмечается, международно-правовое регулирование имеет место на уровне многосторонних и двусторонних договоров, причем двусторонние международные договоры направлены на урегулирование приграничных вопросов сопредельных государств, прежде всего делимитации арктических морских пространств, сотрудничества в области рыболовства и добычи минеральных ресурсов [1, с. 138]. Российская Федерация в Арктике имеет общую границу с двумя сопредельными государствами – Королевством Норвегия и Соединенными Штатами Америки, и история международно-правового регулирования взаимодействия России с этими странами насчитывает почти 200 лет [1, с. 139].

Важным этапом на пути к полномасштабному урегулированию стало подписание в 2007 г. Соглашения между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств в районе Варангер-фьорда. Как следует из пояснительной записки к проекту федерального закона о его ратификации, это соглашение произвело пересчет координат точек, определяющих границу территориального моря, в соответствии с Всемирной геодезической системой координат 1984 года (WGS-84), при этом положение этих точек и всей линии, установленное в 1957 г., осталось неизменным [7]. Соглашение также подтвердило разграничение внутри района Варангер-фьорда вплоть до точки, находящейся на середине линии мыс Немецкий – мыс Хибергнесет, и установило прохождение границы морских пространств протяженностью около 20 км несколько северо-западнее прямой линии, то есть ближе к берегу Норвегии. Найденное решение носило компромиссный, прагматический характер [7]. Статья 3 этого Соглашения, как подчеркивается в пояснительной записке, регулировала в соответствии с существующей международной практикой вопрос об эксплуатации трансграничных месторождений углеводородов, обеспечивая единый режим разработки трансграничных месторождений во всем Баренцевом море [7].

Особое значение для формирования современного правового режима эксплуатации трансграничных месторождений углеводородов в Арктике имеет Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном

Ледовитом океане, подписанный 15 сентября 2010 г. в Мурманске. Как подчеркивается, эффективность этого Договора, как и любого другого соглашения, зависит от его добровольного соблюдения, что в свою очередь подразумевает высокую степень взаимопонимания, наличие общей платформы взглядов на основные механизмы юнитизации и отсутствие серьезных расхождений между сторонами [8, с. 2]. Договор 2010 г. завершил более чем сорокалетний переговорный процесс между двумя государствами, в ходе которого стороны исходили из разных принципов деления спорной зоны: Норвегия настаивала на срединной линии, а Россия – на секторальном принципе, установленном Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. [8, с. 2]. Спорная зона составляла примерно 176 000 км², и компромисс, достигнутый сторонами, позволил разделить ее на две приблизительно равные части.

С точки зрения правового режима эксплуатации трансграничных месторождений ключевое значение имеют положения приложения II Договора 2010 г. Статья 1 этого приложения предусматривает подписание между Россией и Норвегией отдельного Соглашения об объединении по каждому трансграничному месторождению углеводородов. Как отмечается, такое соглашение должно включать определение географических координат месторождения, его геофизические и геологические характеристики, общий объем углеводородных запасов, параметры распределения (участие в тракте) и многочисленные обязательства сторон [8, с. 2]. При этом подписание Соглашения об объединении является одним из главных этапов урегулирования основных расхождений между сторонами, но не обязательно разрешает все разногласия – стороны будут всегда стремиться продолжать защищать свои фундаментальные интересы, в том числе в отношении применимых мер, связанных с охраной здоровья, техникой безопасности и охраной окружающей среды, налоговыми доходами, добычей и распределением месторождения [8, с. 3].

Анализируя регулятивный и охранительный потенциал Договора 2010 г., исследователи обращают внимание на то, что помимо вопросов разграничения морских пространств он создает правовую основу для сотрудничества в области эксплуатации трансграничных месторождений углеводородов. Как указывается, в отличие от сферы рыболовства, правовое регулирование эксплуатации месторождений углеводородов на континентальном шельфе в приграничной зоне не получало должного отражения во взаимоотношениях двух государств, однако с разрешения вопроса о делимитации данное направление межгосударственного сотрудничества приобрело закономерную основу для развития [3]. При этом месторождение углеводородов признается трансграничным, если оно простирается за линию разграничения, и в целях его разработки стороны заключают соглашение об эксплуатации этого месторождения как единого целого, включая его распределение между сторонами – Соглашение об объединении, заключение которого является необходимым условием для эксплуатации трансграничного месторождения [3].

Особый интерес представляет анализ самого понятия «трансграничное месторождение». Как указывается, в российском законодательстве термин «трансграничные месторождения полезных ископаемых» не нашел своего закрепления, однако отсутствие правовых дефиниций не означает фактического отсутствия горных отношений данного вида [6, с. 141]. В правовой науке сложилось две основные точки зрения на определение этого понятия. Согласно первому подходу, трансграничные минеральные ресурсы – это ресурсы, залежи которых пересекаются границей (или границами) действия суверенитета государств или их суверенных прав (в случае недр континентального шельфа). Второй подход, сформированный в российской правовой литературе, предполагает более широкое толкование: трансграничные участки недр – это участки, которые пересекаются различными границами: государственной, внутренними административными, лицензионными и другими, устанавливающими различиями организационно-правовой режим недропользования [6, с. 142]. С учетом геополитического расположения Арктики обоснованно заключить, что под трансграничным месторождением полезных ископаемых следует понимать месторождение, которое пересекается границей (или границами) действия суверенитета государств или их суверенных прав [6, с. 142–143].

Ключевым принципом освоения трансграничных месторождений является принцип совместного осуществления работ на основании единого согласованного и утвержденного технического проекта. Как показывает анализ исторического опыта, еще в XIX в. в Пруссии существовал закон, предусматривающий возможность объединения пользователей недр для осуществления совместных работ на едином месторождении, а в начале XX в. на территории Царства Польского была предусмотрена «консолидация» владельцев земельных участков для рационального использования полезных ископаемых [6, с. 143]. В современной практике наиболее распространенной формой объединения недропользователей является юнитизационное соглашение (unitization agreement), которое определяется как соглашение о сотрудничестве нескольких недропользователей, получивших право освоения одного месторождения (залежи) полезного ископаемого, разработка которого по геологическим причинам должна осуществляться по единому проекту [6, с. 143].

Важнейшим элементом правового механизма эксплуатации трансграничных месторождений является система разрешения споров. Как детально анализируется, в соответствии со ст. 5.4 Договора 2010 г. любые разногласия между сторонами в отношении трансграничных месторождений разрешаются в

соответствии со ст. 2-4 приложения II, причем разногласия должны быть урегулированы «в возможно короткие сроки» [8, с. 3]. Приложение II содержит две формы принудительного разрешения споров: специальный арбитраж и экспертное определение. При этом важное значение имеют обязательства по регулярному обмену информацией и проведению взаимных консультаций, а также создание Совместной комиссии для консультаций, которая будет отвечать за обеспечение постоянных консультаций и обмена информацией по вопросам, относящимся к любым планируемым или существующим объединяемым месторождениям углеводородов [8, с. 4].

Особого внимания заслуживает механизм независимого экспертного определения в тех случаях, когда стороны не могут договориться о распределении месторождения углеводородов между собой. Как отмечается, в отличие от арбитражного решения, определение эксперта требует наличия специальных знаний по геолого-техническим вопросам в нефтегазовой деятельности и способности проводить всесторонний анализ данных, следовательно, это более техническая задача, а не компетентное решение по правовым, нормативным и организационным вопросам [8, с. 5]. В соответствии со ст. 4.1 приложения II решение независимого эксперта является обязательным для сторон, причем Договор не предусматривает возможность оспаривания решения эксперта в арбитражном суде *ad hoc*, что соответствует мировой практике [8, с. 6]. При этом ст. 4.2 приложения II допускает возможность нового распределения месторождения (редерементирования), что соответствует практике юнитизации из Северного моря, которая допускает по меньшей мере одно перераспределение, хотя такой процесс является очень дорогостоящим и часто проблематичным [8, с. 7].

Что касается арбитражного суда *ad hoc*, то, как указывается, если стороны не могут заключить Соглашение об объединении, Договор содержит двухэтапный механизм разрешения споров: первым шагом являются переговоры или любая другая процедура для разрешения разногласий в течение шести месяцев, а в противном случае любая из сторон может передать спор в арбитражный суд *ad hoc* для принятия обязательного решения [8, с. 7]. Арбитражный суд *ad hoc* должен состоять из трех членов: каждая из сторон назначает одного арбитра в течение трех месяцев, затем два назначенных арбитра избирают третьего в течение одного месяца. При несоблюдении этих сроков Председатель Международного суда уполномочен произвести назначение. Третий арбитр является председателем и не может быть гражданином России или Норвегии либо проживать в этих государствах на постоянной основе [8, с. 8]. Важно, что юридический мандат арбитражного суда *ad hoc* ограничивается решением вопросов, касающихся содержания Соглашения об объединении, и не распространяется на споры о существовании или расширении границ месторождения углеводородов или о возможности эксплуатации такого месторождения как единого целого [8, с. 9].

Анализ практики заключения соглашений по трансграничным месторождениям в разных странах показывает отсутствие унифицированного подхода. Соглашения вариативны как по содержанию, так и по правовой природе: в одних государствах вопросы правового регулирования закрепляются непосредственно в соглашениях, посвященных освоению конкретного месторождения (ОАЭ и Иран); в других – с меньшей детализацией – в соглашениях о делимитации морских пространств (Дания и Норвегия, Исландия и Норвегия); существует и специфический случай, когда соглашение касается трансграничного месторождения, при том что соглашение о делимитации еще не достигнуто (Австралия и Индонезия) [6, с. 143–144]. Российско-норвежский договор 2010 г. представляет собой хорошо проработанный пример, поскольку одновременно разрешает вопрос делимитации и вырабатывает «формулу» для совместного освоения трансграничных месторождений, рассчитанную на регулирование и последующих совместных проектов в будущем [6, с. 144].

Не менее важным аспектом является правовой режим недропользования на континентальном шельфе, который формирует национальную основу для реализации международных договоренностей. Как отмечается, Норвегия провела постепенное реформирование недропользования на континентальном шельфе, и правовые модели Норвегии были использованы как основа для создания шельфового законодательства целого ряда государств, особенно в части совместного недропользования и нефтяных контрактов [5, с. 2]. В Норвегии управление нефтяными ресурсами осуществляется на долгосрочной основе в интересах всего норвежского общества, причем никто, кроме норвежского государства, не может осуществлять нефтяную деятельность на его континентальном шельфе без лицензии, одобрений и согласований, предусмотренных Законом № 72 «О нефтяной деятельности» [5, с. 4].

Важной особенностью является то, что лицензия на добычу предоставляется сроком до десяти лет с возможностью последующего продления до тридцати, а в особых случаях – до пятидесяти лет. При этом в Законе № 72 содержатся положения об осуществлении совместной нефтяной деятельности, которая практикуется тогда, когда нефтяное месторождение простирается более чем на один блок и подпадает под действие нескольких лицензий различных обладателей или на континентальный шельф другого

государства [5, с. 8]. Соглашения о совместной добыче, транспортировке, использовании нефти и прекращении нефтяной деятельности должны представляться недропользователями на утверждение Министерства.

Нельзя обойти вниманием и существующие проблемы, связанные с применением Договора 2010 г. Как указывается, основные опасения обусловлены неясностью возможности долгосрочного продолжения работы отечественного флота к западу от линии разграничения, где вылавливается значительный объем рыбных ресурсов [4, с. 41]. Особую остроту приобретает вопрос о морском районе архипелага Шпицберген, правовой режим которого урегулирован Договором о Шпицбергене 1920 г. Как отмечается, заключение Договора 2010 г. повлияло на установление Норвегией морских зон вокруг Шпицбергена, хотя стороны формально сохранили свои права путем включения в текст ст. 6 Договора оговорки о том, что его заключение не наносит ущерба правам и обязательствам по другим международным договорам [1, с. 148]. Однако, по мнению исследователя, анализ прохождения линии разграничения и положений Договора 2010 г. приводит к выводу, что Россия фактически признала существование шельфа вокруг Шпицбергена и его принадлежность Норвегии, а также 200-мильную рыбоохранную зону вокруг архипелага, что не отвечает национальным долгосрочным интересам России [4, с. 37].

В контексте энергетической безопасности Арктической зоны особое значение приобретают вопросы охраны окружающей среды. Как подчеркивается, для сохранения Арктики как уникального природного явления при добыче природных ресурсов на территории Арктической зоны необходимо гармонизировать этот вид деятельности с состоянием экологической безопасности Арктического региона [2, с. 203]. При этом экологическая безопасность является одной из основных составляющих национальной безопасности, и пути ее достижения связаны в том числе с функционированием промышленного производства, включая энергетический сектор экономики [2, с. 204]. В связи с этим особое внимание уделяется необходимости разработки и принятия специальных экологических требований для разведки и разработки углеводородных ресурсов на шельфе Баренцева моря и Северного Ледовитого океана [4, с. 47].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, правовое регулирование эксплуатации трансграничных месторождений углеводородов в Арктической зоне основывается на сочетании международных двусторонних договоров и национального законодательства приарктических государств. Наиболее проработанной моделью является российско-норвежский Договор 2010 г., который не только разрешил многолетний спор о делимитации, но и закрепил механизмы юнитизации, включая обязательные консультации, экспертное определение распределения месторождения и арбитраж ad hoc.

Во-вторых, ключевым принципом освоения трансграничных месторождений является совместная разработка на основании единого технического проекта, что обеспечивает рациональное использование и охрану недр. Документарным подтверждением воли государств на совместную разработку является соглашение о совместном проведении работ, которое может иметь различную степень детализации.

В-третьих, механизмы разрешения споров, предусмотренные Договором 2010 г., представляют собой сбалансированную систему, сочетающую превентивные меры (консультации, обмен информацией) и принудительные процедуры (независимая экспертиза по вопросам распределения, арбитраж ad hoc по вопросам заключения Соглашения об объединении). При этом экспертное определение является обязательным и не подлежит оспариванию в арбитраже, что соответствует мировой практике.

В-четвертых, несмотря на достигнутые договоренности, сохраняются неурегулированные вопросы, связанные с правовым режимом морских пространств вокруг архипелага Шпицберген, что требует дальнейших переговорных усилий для обеспечения баланса интересов сторон.

В-пятых, для дальнейшего развития правового регулирования эксплуатации трансграничных месторождений в Арктике представляется целесообразным совершенствование национального законодательства о недрах, включая закрепление понятия «трансграничное месторождение» и особенностей его освоения, а также гармонизация экологических требований с учетом уязвимости арктических экосистем.

Список литературы

1. Авхадеев В.Р. Международно-правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации с сопредельными государствами в Арктике на основе двусторонних договоров // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 138–148.
2. Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Правовые аспекты энергетической безопасности Арктической зоны РФ в контексте национальной безопасности // Право. 2025. № 1. С. 202–207.
3. Евдокимов А.В. Российско-норвежский договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане: регулятивный и охранительный потенциал // СПС Консультант Плюс.
4. Зиланов В.К. Арктическое разграничение России и Норвегии: новые вызовы и сотрудничество // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 29–51.
5. Манин Я.В. Недропользование на континентальном шельфе Королевства Норвегия: правовой режим // Право и политика. 2018. № 5. С. 1–13.

6. Муштакова Е.С. Современное состояние и подходы к формированию правового регулирования добычи полезных ископаемых на трансграничных месторождениях Арктической зоны Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 141–145.

7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств в районе Варангер-фьорда».

8. Фодченко И.П. Механизмы разрешения споров в российско-норвежской модели юнитизации трансграничных месторождений углеводородов в Баренцевом море и Арктике // Вопросы российского и международного права. 2018. № 4А. С. 1–11.

ЛЫСИКОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ – магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

П.А. Лысков

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВЕДКИ И РАЗРАБОТКИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЕВОДОРОДОВ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

В статье анализируются международно-правовые основы разведки и разработки трансграничных нефтегазовых ресурсов в Каспийском море. Особое внимание уделяется особенностям правового статуса Каспийского моря, который не подпадает под действие общих норм международного морского права. Исследуются двусторонние соглашения Российской Федерации с Казахстаном и Азербайджаном, закрепляющие механизмы совместного недропользования на трансграничных структурах. Рассматривается роль Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. в формировании современного режима освоения углеводородных ресурсов, а также проблемы правового нигилизма, инвестиционного обеспечения и экологических рисков, сопутствующих эксплуатации трансграничных месторождений. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования, включая создание наднациональных координационных механизмов.

Ключевые слова: Каспийское море, трансграничные месторождения, недропользование, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, разграничение дна, совместная разработка, Российская Федерация, правовой нигилизм.

Каспийское море обладает особым международно-правовым статусом (*sui generis*), что обуславливает специфику правового регулирования разведки и разработки его нефтегазовых ресурсов. Как справедливо отмечают Н. Молчаков и О. Гликман, Каспий является «замкнутым внутриконтинентальным водоемом, не являющимся частью Мирового океана и не имеющим естественных связей с Мировым океаном» [1]. Вследствие этого к Каспию не применимы классификации морских пространств, закрепленные в Женевских конвенциях 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [1]. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для определения правового режима трансграничных месторождений углеводородов, поскольку отсутствие универсальных механизмов делимитации требует выработки специальных согласованных подходов прикаспийских государств. В.А. Батырь подчеркивает, что «Каспийское море следует рассматривать в современном международном праве как уникальное международное бессточное озеро с особым статусом и режимом — озеро «*sui generis*» [2]. При этом важно разграничивать понятия правового статуса и правового режима: правовой статус территории определяет территориальную протяженность суверенного государства, в то время как правовой режим описывает перечень государственных прав и обязанностей по отношению к территории и ее ресурсам [3]. Данное различие имеет непосредственное значение для регулирования деятельности по освоению трансграничных ресурсов, поскольку разграничение дна и недр Каспия осуществляется сугубо для целей недропользования.

История формирования правового статуса Каспия после распада СССР сопровождалась серьезными противоречиями. О.И. Ильинская отмечает, что новые прикаспийские государства, в нарушение существовавших договоренностей, предпринимали односторонние действия по захвату наиболее перспективных участков. В частности, Азербайджан в одностороннем порядке присвоил сектор Каспия, закрепив это в своей Конституции, и заключил «контракт века» с иностранными нефтяными компаниями [4]. Иран и Россия квалифицировали такие действия как незаконные, не соответствующие договорам 1921 и 1940 гг. [4]. Б.В. Зембатова и И.А. Яковлев констатируют, что «правовой нигилизм» стал первопричиной нерешенности проблемы правового статуса Каспия: каждое государство «пятерки» в той или иной форме допускало нарушения, стремясь обеспечить себе преимущества [5]. Такая практика создала серьезные препятствия для совместного освоения трансграничных ресурсов, поскольку любое одностороннее действие подрывало доверие и затрудняло выработку согласованных правил. Авторы подчеркивают, что «сегодняшняя ситуация с взаимодействием Прикаспийских государств выглядит как парадок-

сальная: неурегулированность правового статуса Каспия, с одной стороны, объективно определяет проблемы взаимодействия, с другой — выгодна всем Прикаспийским государствам, поскольку позволяет в условиях такой неурегулированности не согласовывать свои действия» [5].

Ключевым международным договором, закрепляющим современную систему разграничения пространств Каспийского моря, является Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. Согласно ее положениям, акватория Каспия разграничивается на внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство [1]. При этом дно и недра разграничиваются на секторы «по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование» [1]. Конвенция также закрепляет ряд принципиальных положений, имеющих значение для эксплуатации трансграничных ресурсов: свобода плавания судов под флагами только прикаспийских государств; исключительное право на проведение морских научных исследований в своем секторе; право на сооружение искусственных островов и установок с установлением 500-метровых зон безопасности; порядок прокладки подводных трубопроводов по согласованию с государством, через сектор которого проходит трасса [1]. Как подчеркивает Р.Ф. Мамедов, в Конвенции «довольно тонко и искусно был урегулирован один из самых проблемных вопросов в нефтегазовой сфере – вопрос прокладки подводных трубопроводов по дну Каспийского моря» [1]. При этом, по мнению В.Л. Толстых, подход Конвенции является довольно либеральным, исходящим из «принципа, согласно которому последнее слово остается за государством-транзитером» [1].

Особое значение для регулирования эксплуатации трансграничных месторождений имеют двусторонние международные договоры Российской Федерации с Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. разграничило дно «по срединной линии, модифицированной на основе принципа справедливости и договоренности Сторон» с учетом островов, геологических структур и понесенных геологических затрат [1]. Протокол 2002 г. к указанному Соглашению закрепил механизм совместного осуществления недропользования на трансграничных структурах «Курмангазы» («Кулалинская»), «Центральная» и месторождении «Хвалынское» [1]. Данный механизм предусматривает создание совместных предприятий на условиях раздела продукции, распределение долей участия и определение применимого законодательства. В последующие годы отдельными протоколами (2006, 2015, 2017 гг.) в этот механизм вносились изменения, уточнявшие режим налогообложения, сроки геологического изучения и условия раздела продукции [1]. Как отмечают Молчаков и Гликман, «нормы двустороннего международного договора непосредственно стали правовой основой создания предприятий» [1].

Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря от 23 сентября 2002 г. содержит более общие формулировки и не включает детального механизма совместной эксплуатации конкретных трансграничных месторождений [1]. Как отмечают Молчаков и Гликман, это различие отражает разную степень готовности партнеров к совместной деятельности в сфере недропользования [1]. Вместе с тем в научной литературе подчеркивается, что именно двусторонние соглашения стали правовой основой для внесения изменений в российское законодательство, в частности, в Налоговый кодекс, где появилось понятие «морское месторождение углеводородного сырья» в российской части дна Каспийского моря [1]. Анализ изменений налогового законодательства показывает, что законодатель «недвусмысленно подчеркивает особый статус Каспийской акватории, отличный от правоотношений, складывающихся в исключительной экономической зоне Российской Федерации и на континентальном шельфе» [7].

Освоение трансграничных месторождений сопряжено не только с вопросами разграничения, но и с проблемами инвестиционного обеспечения, экологической безопасности и административных процедур. Д.К. Лабин обращает внимание на то, что интенсивная нефтегазодобывающая деятельность оказывает серьезное негативное воздействие на окружающую среду Каспия, в особенности на запасы осетровых [6]. По его мнению, недостаточная определенность правового режима является одной из причин экологических проблем, поскольку отсутствие согласованных стандартов позволяет компаниям вести разработку без надлежащего контроля [6]. А.О. Мурсалиев подчеркивает, что для повышения эффективности охраны окружающей среды прикаспийские государства нуждаются в единой региональной межправительственной организации, которая могла бы координировать природоохранную деятельность, централизованно собирать данные о загрязнении и осуществлять регулярную оценку состояния окружающей среды [7]. Создание такого органа, по мнению автора, позволило бы передать на наднациональный уровень часть исполнительных функций, предусмотренных Рамочной конвенцией по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. [7]. Автор отмечает, что «в научном сообществе давно ведется дискуссия о проблематике исполнительных органов государств, исполнения положений конвенции», и указывает на необходимость создания Каспийского экологического центра [7].

Дополнительные сложности возникают при осуществлении геологоразведочных работ в российском секторе Каспия, связанные с необходимостью многократного пересечения государственной границы. И.А. Варченко и И.Г. Рзун указывают, что существующий порядок получения разрешений на неоднократное пересечение границы для судов, осуществляющих геологоразведку, не урегулирован должным образом, в отличие от рыбопромысловых судов [8]. Процедура может занимать до шести месяцев и требует согласования с множеством ведомств, что значительно увеличивает сроки и затраты на проведение работ. Авторы отмечают, что «для судов, осуществляющих морскую геологоразведку, подобное правовое основание отсутствует вовсе» [8]. Они предлагают ввести упрощенный порядок многократного пересечения границы для геологоразведочных судов по аналогии с рыбопромысловыми, что позволило бы сократить непроизводительные расходы и ускорить ввод месторождений в эксплуатацию [8].

Инвестиционная составляющая также требует внимания. Зембатова и Яковлев констатируют, что объем внутрирегиональных прямых иностранных инвестиций между прикаспийскими странами незначителен и составляет около 2 % от общей величины [5]. Анализ двусторонних инвестиционных потоков показывает, что устойчивые инвестиционные связи между странами «каспийской пятерки» еще не сформировались. При этом развитие инвестиционного сотрудничества сдерживается неопределенностью правового статуса Каспия, что создает риски для инвесторов, вкладывающих средства в освоение трансграничных ресурсов [5]. Авторы подчеркивают, что «правовой нигилизм как первопричина нерешенности проблемы правового статуса Каспия» проявляется в том, что «основные нормативные правовые акты, принятые Прикаспийскими государствами за более чем двадцатилетний период, не стали необходимым и достаточным правовым основанием взаимодействия» [5].

Перспективы совершенствования правового регулирования эксплуатации трансграничных месторождений связаны с созданием эффективных координационных механизмов. Е.Е. Вылегжанина и Д.Н. Панасенко предлагают учредить «совместный орган» управления международными природными ресурсами Каспия, который обладал бы правом принимать обязательные для всех прикаспийских государств решения, вести международный экологический кадастр и координировать деятельность по мониторингу [3]. Такая структура могла бы стать аналогом межправительственных организаций, созданных в других регионах (например, Комиссия по защите морской среды Балтийского моря). В качестве основы для имплементации права трансграничного регионализма авторы называют опыт Европейского союза, в частности принцип субсидиарности, позволяющий распределять компетенцию между национальным и наднациональным уровнями [3]. Авторы подчеркивают, что «прикаспийские страны с конца XX в., как показал опыт, оказались в естественных условиях интеграции усилий по обеспечению экологической безопасности и охраны живых ресурсов Каспийского моря, а также в условиях международной НГДД на дне моря» [3].

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. хотя и заложила фундамент для регулирования, но не решила всех проблем. О.И. Ильинская отмечает, что деление дна на национальные секторы привело к неравномерному распределению ресурсов: запасы нефти в секторе Казахстана значительно превышают российские и иранские, что может в будущем вызвать недовольство и требование пересмотра конвенционных положений [4]. Кроме того, сохраняется неопределенность в вопросе о механизмах разрешения споров, связанных с толкованием и применением Конвенции. Статья 21 Конвенции предусматривает лишь консультации и переговоры, не устанавливая обязательных процедур арбитража или судебного разбирательства, что может затруднить разрешение конфликтов в случае их возникновения [4]. Автор указывает, что «целесообразна более детальная проработка рассматриваемой статьи, что способствовало бы созданию условий для скорейшего разрешения споров в случае их возникновения» [4].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что правовое регулирование разведки и разработки трансграничных месторождений углеводородов в Каспийском море формируется на стыке международного и национального права. Особый статус Каспия как замкнутого водоема, не подпадающего под действие универсальных норм морского права, обусловил необходимость выработки специальных согласованных подходов прикаспийских государств. Ключевую роль в этом процессе сыграли двусторонние договоры Российской Федерации с Казахстаном и Азербайджаном, закрепившие разграничение дна по модифицированной срединной линии и создавшие прецеденты для совместной разработки трансграничных ресурсов. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. кодифицировала сложившиеся подходы, установив секторальное разграничение дна и недр в целях реализации суверенных прав на недропользование.

Вместе с тем сохраняется ряд нерешенных проблем. Отсутствие единого многостороннего договора, комплексно регулирующего разведку и разработку нефтегазовых ресурсов, создает риски фрагментации правового регулирования. Правовой нигилизм, проявившийся в односторонних действиях прикаспийских государств в 1990-е годы, оставил наследие в виде недоверия и неурегулированных споров.

Инвестиционное сотрудничество остается слабым, а экологические риски требуют создания эффективных наднациональных механизмов координации. Особого внимания заслуживает вопрос о совершенствовании процедур разрешения споров, связанных с толкованием и применением конвенционных норм, а также проблема административных барьеров при проведении геологоразведочных работ.

Дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на создание эффективных механизмов совместного освоения трансграничных месторождений, обеспечивающих баланс интересов всех прикаспийских государств и устойчивое развитие Каспийского региона. Перспективным направлением является учреждение межправительственной организации (совместного органа), которая могла бы координировать деятельность по охране окружающей среды, сбору данных, мониторингу и разрешению споров. Такой подход позволил бы преодолеть фрагментацию регулирования и повысить эффективность использования уникальных ресурсов Каспийского моря. Как справедливо отмечают Зембатова и Яковлев, «только пятисторонние договоренности между всеми Прикаспийскими государствами на основе единства подходов к регулированию отношений изменят нынешний вектор правового взаимодействия Прикаспийских государств ("прежде нефть, затем статус") на противоположный: "прежде всего статус, затем все остальное"» [5].

Список литературы

1. Молчаков Н. Ю, Гликман О. В. Разведка и разработка нефтегазовых ресурсов в каспийском море: вопросы правового регулирования // Сравнительная политика. 2022. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvedka-i-gazrabotka-neftegazovyh-resursov-v-kaspiyskom-more-voprosy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Батырь В. А. Сбалансированный современный особый международно-правовой статус каспийского моря // Lex Russica. 2019. №9 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannyi-sovremennyi-osobyi-mezhdunarodno-pravovoi-status-kaspii-skogo-morya> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Вылегжанина Е. Е., Панасенко Д. Н. Развитие права трансграничного регионализма Каспийского моря // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-prava-transgranichnogo-regionalizma-kaspiyskogo-morya> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Ильинская О. И. Юридический статус каспийского моря: история и современное состояние // Журнал российского права. 2021. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-status-kaspiyskogo-morya-istoriya-i-sovremennoe-sostoyanie> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Зембатова Б. В., Яковлев И. А. Проблемы сотрудничества прикаспийских стран: инвестиционный и правовой аспекты // Экономика и управление. 2020. №10 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotrudnichestva-prikaspiyskih-stran-investitsionny-i-pravovoy-aspekty> (дата обращения: 20.03.2026).
6. Лабин Д. К. Вопросы правового статуса каспийского моря и охрана его окружающей среды при осуществлении добычи нефти и газа // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravovogo-statusa-kaspiyskogo-morya-i-ohrana-ego-okruzhayushey-sredy-pri-osuschestvlenii-dobychi-nefti-i-gaza> (дата обращения: 20.03.2026).
7. Мурсалиев А. О. Соотношение норм международного права и национального права российской федерации в отношении охраны окружающей среды каспийского моря // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-norm-mezhdunarodnogo-pravai-natsionalnogo-prava-rossiyskoy-federatsii-v-otnoshenii-ohrany-okruzhayushey-sredy> (дата обращения: 20.03.2026).
8. Варченко И. А., Рзун И. Г. Неоднократное пересечение Государственной границы РФ морскими судами при проведении геологоразведочных работ: правовой анализ проблемы // Вестник Академии знаний. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neodnokratnoe-peresechenie-gosudarstvennoy-granitsy-rf-morskimi-sudami-pri-provedenii-geologorazvedochnyh-rabot-pravovoy-analiz> (дата обращения: 20.03.2026).

ЛЫСИКОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ – магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

С.В. Коротков

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

В данной статье проводится всесторонний анализ взаимосвязи между коррупцией и различными видами преступности в Российской Федерации. Исследуется коррупция не только как самостоятельное преступление, но и как фундаментальный криминогенный фактор, детерминирующий рост организованной, экономической, должностной и общеуголовной преступности. Особое внимание уделяется механизмам этого влияния, проблемам латентности, а также специфике проявления феномена в условиях современного российского государства в период 2021–2025 годов, с учетом тенденций цифровизации и изменений в правовой политике.

Ключевые слова: коррупция, преступность, криминология, теневая экономика, организованная преступность, государственное управление, латентность, Россия, антикоррупционная политика.

Ключевые слова: коррупция, экономика, преступность, анализ, угроза, безопасность.

Введение: Коррупция как вызов национальной безопасности. Коррупция традиционно признается одним из наиболее деструктивных социальных феноменов, оказывающим многогранное негативное воздействие на все сферы жизнедеятельности общества и государства. В Российской Федерации эта проблема приобретает особую актуальность, поскольку, помимо прямого экономического ущерба, коррупция выступает в роли катализатора для большинства видов криминальной активности, подрывая основы правопорядка, доверие граждан к государственным институтам и создавая угрозу национальной безопасности. Целью данной статьи является глубокое исследование природы взаимосвязи коррупции и преступности в России, выявление ключевых механизмов ее влияния и анализ актуальных тенденций в период 2021–2025 гг.

Теоретические основы взаимосвязи коррупции и преступности. Взаимосвязь коррупции и преступности является предметом изучения различных научных дисциплин, включая криминологию, социологию, экономику и юриспруденцию. С криминологической точки зрения, коррупция рассматривается как:

- Самостоятельный вид преступности: совокупность уголовно наказуемых деяний, связанных с злоупотреблением должностным положением (взяточничество, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями и т.д.).
- Криминогенный фактор: условие, благоприятствующее возникновению, развитию и воспроизводству других видов преступлений. В этом контексте коррупция создает "благоприятную почву" для криминала, снижая риски его обнаружения и наказания.
- Детерминант преступности: причинный фактор, непосредственно или опосредованно обуславливающий совершение преступлений.

Классические теории связывают коррупцию с концепциями "государственного захвата" (state capture), "институциональной слабости" и "разложения правоохранительной системы". В условиях высокого уровня коррупции государство теряет свою способность выполнять регулятивную и правоохранительную функции, что неизбежно ведет к росту преступности и ее организованных форм.

Механизмы влияния коррупции на различные виды преступности в России. Коррупция оказывает многоаспектное влияние на преступность, выступая в роли ее стимулятора и покровителя.

Коррупция и организованная преступность:

Одним из наиболее опасных проявлений влияния коррупции является сращивание организованных преступных групп (ОПГ) с представителями органов государственной власти и управления. Коррупционные связи обеспечивают ОПГ ряд преимуществ:

- Прикрытие и покровительство: Должностные лица, получая систематические взятки, предоставляют криминальным структурам информацию о планируемых операциях правоохранительных органов, обеспечивают им иммунитет от преследования или смягчают наказание.

- Легализация преступных доходов: Коррупционные схемы в сфере государственных закупок, распределения ресурсов, приватизации позволяют ОПГ легализовывать миллиарды рублей, полученных преступным путем, интегрируя их в легальную экономику.

- Расширение сфер влияния: Через коррупцию ОПГ могут проникать в стратегически важные отрасли экономики, получая контроль над предприятиями, монополизировав рынки сбыта и создавая условия для новых преступлений (например, рейдерство).

Коррупция и экономическая преступность:

Коррупция является прямым стимулятором экономической преступности, создавая условия для:

- Хищения бюджетных средств: Взятки и откаты при заключении государственных контрактов, реализации национальных проектов, распределении субсидий приводят к масштабным хищениям и нецелевому использованию средств.

- Мошенничество и злоупотребления: Коррупция облегчает совершение мошенничества в сфере страхования, банковской деятельности, при получении кредитов, а также злоупотреблений полномочиями в коммерческих организациях.

- Развитие теневой экономики: Коррупцированные чиновники могут обеспечивать функционирование нелегальных производств, контрабандных схем, помогать уходить от налогов, что значительно расширяет масштабы теневого сектора экономики.

Коррупция и общеуголовная преступность, а также проблемы латентности:

- Эрозия правопорядка: Восприятие коррупции как повсеместного явления снижает уважение к закону, подрывает морально-нравственные основы общества. Граждане, сталкиваясь с проявлениями коррупции в повседневной жизни (в медицине, образовании, при получении услуг), теряют веру в справедливость и правосудие.

- Рост латентности: Коррупция внутри правоохранительных и судебных органов приводит к искажению уголовной статистики. Многие преступления, особенно коррупционной направленности, остаются невыявленными и незарегистрированными. Должностные лица могут скрывать факты преступлений, фальсифицировать данные, что создает ложную картину благополучия и безнаказанности.

- Деформация правосознания: Общество привыкает к тому, что "все решается через связи или деньги", что стимулирует рядовых граждан к поиску коррупционных решений своих проблем, тем самым вовлекая их в орбиту преступности.

Специфика и актуальные тенденции в России (2021–2025 гг.)

Период 2021–2025 гг. характеризуется рядом особенностей, влияющих на динамику и формы проявления коррупции и связанной с ней преступности:

- Цифровизация государственного управления: Внедрение цифровых платформ и электронных сервисов (например, "Госуслуги", электронные торги) потенциально снижает возможности для прямого коррупционного контакта. Однако одновременно возникают новые вызовы: киберкоррупция, использование криптовалют для дачи/получения взяток, усложнение методов легализации преступных доходов через цифровые активы.

- Ужесточение законодательства и антикоррупционные кампании: В указанный период продолжается работа по совершенствованию антикоррупционного законодательства (включая законы о противодействии коррупции, положения УК и КоАП РФ). Активизация выявления коррупционных преступлений, особенно в сфере госзакупок и освоения бюджетных средств, свидетельствует о системной работе правоохранительных органов, однако не всегда приводит к радикальному снижению уровня коррупции в целом.

- Влияние геополитических факторов: Санкционная политика и изменения в экономической структуре страны могут создавать новые "серые зоны" для коррупции (например, в сфере параллельного импорта, распределения субсидий для поддержки определенных отраслей), где возрастает риск теневых схем и злоупотреблений.

- Социальные трансформации: Рост гражданского самосознания и активности, с одной стороны, способствует повышению нетерпимости к коррупции. С другой стороны, отсутствие видимых результатов в борьбе с коррупцией может усугублять апатию и разочарование.

Вызовы и перспективы противодействия. Эффективная борьба с коррупцией и, как следствие, снижение ее влияния на преступность требует комплексного подхода, выходящего за рамки чисто карательных мер:

1. Повышение прозрачности государственного управления: Продолжение и расширение цифровизации, внедрение блокчейн-технологий в ключевые сферы (например, в земельные реестры, систему государственных закупок).

2. Укрепление независимости судебной системы и правоохранительных органов: Обеспечение беспристрастности и объективности на всех этапах уголовного процесса.

3. Развитие гражданского общества и общественного контроля: Поддержка НКО, журналистских расследований, активизация роли граждан в мониторинге деятельности органов власти.

4. Совершенствование механизмов финансового контроля и декларирования: Расширение спектра контролируемых активов, повышение эффективности проверки деклараций о доходах и расходах должностных лиц.

5. Формирование антикоррупционного правосознания: Системная работа в сфере образования и просвещения, начиная со школьного возраста.

Заключение. Коррупция в России выступает не просто как отдельный вид преступности, а как системный криминогенный детерминант, пронизывающий различные сферы жизни и оказывающий дестабилизирующее воздействие на экономику, социальные отношения и государственную безопасность. Ее тесная взаимосвязь с организованной, экономической и общеуголовной преступностью обуславливает необходимость не только пресечения отдельных коррупционных деяний, но и проведения глубоких институциональных реформ, направленных на повышение прозрачности, подотчетности власти и формирование культуры нетерпимости к любым проявлениям коррупции. Только комплексный и последовательный подход позволит минимизировать деструктивное влияние коррупции на общую криминальную обстановку в стране и укрепить основы правового государства.

КОРОТКОВ СТАНИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ – магистрант, Московский университет «Синергия», Россия.

А.С. Кучина

ГАРАНТИЙНОЕ УДЕРЖАНИЕ, ВОЗМЕЩЕНИЕ ПОТЕРЬ И НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПОДРЯДЧИКА ПО ЕРС-КОНТРАКТУ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Настоящая статья посвящена комплексному анализу правовой природы и функционального назначения механизмов обеспечения обязательств подрядчика, применяемых в ЕРС-контрактах в энергетической отрасли. В условиях реализации капиталоемких проектов строительства энергетических объектов формирование эффективной системы гарантий надлежащего исполнения договорных обязательств приобретает критическое значение. В статье рассматриваются три ключевых инструмента: гарантийное удержание (retention), возмещение потерь (indemnity) и независимая гарантия. На основе доктринального анализа предоставленных источников, включая исследования адаптации международных контрактных форм FIDIC к российской правовой действительности, и судебной практики автор выявляет проблемы квалификации указанных механизмов, определяет их место в системе способов обеспечения исполнения обязательств и предлагает критерии оптимального структурирования условий контракта.

Ключевые слова: *Контракт, гарантийное удержание, возмещение потерь, независимая гарантия, обеспечение исполнения обязательств, распределение рисков.*

Энергетическая отрасль представляет собой сферу, где реализуются наиболее сложные с технической и организационной точек зрения инвестиционно-строительные проекты. Строительство электростанций, модернизация генерирующих мощностей и возведение сетевой инфраструктуры традиционно осуществляются в рамках ЕРС-контрактов (Engineering, Procurement, Construction) — договоров, предполагающих выполнение подрядчиком полного цикла работ: от проектирования до поставки оборудования, строительства и ввода объекта в эксплуатацию «под ключ». Как справедливо отмечает В.В. Романова, стоимость таких проектов исчисляется сотнями миллионов евро, а вопросы ценообразования и порядка расчетов приобретают первостепенное значение [9].

Ключевой особенностью ЕРС-контракта, отличающей его от традиционного договора строительного подряда, является консолидация ответственности и максимальное возложение на подрядчика рисков, связанных с недостижением целей проекта. И.В. Лавреняк, проводя сравнительно-правовой анализ, подчеркивает, что предмет ЕРС-контракта значительно шире: он ориентирован не только на обеспечение строительных работ, но и на договорное регулирование таких сфер взаимодействия заказчика и подрядчика, как инжиниринг (engineering), снабжение (procurement) и управление строительством (construction management) [6, с.77]. Заказчик, передавая подрядчику весь комплекс работ, объективно нуждается в надежной системе обеспечения, которая гарантировала бы надлежащее исполнение обязательств на всех этапах — от разработки проекта до пост-гарантийного обслуживания.

В российской договорной практике реализации ЕРС-контрактов в энергетической сфере наибольшее распространение получили три способа обеспечения: гарантийное удержание (retention money), возмещение имущественных потерь (indemnity) и независимая (банковская) гарантия. Каждый из этих инструментов имеет специфическую правовую природу и сопряжен с определенными проблемами правовой квалификации в условиях российской правовой системы. Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе указанных обеспечительных механизмов, выявлении коллизий между заимствованными из международной практики FIDIC конструкциями и императивными нормами российского законодательства, а также в формулировании рекомендаций по структурированию условий ЕРС-контрактов.

Прежде чем перейти к анализу обеспечительных механизмов, необходимо определить особенности самого ЕРС-контракта как юридической формы реализации энергетических проектов. Анализ современных подходов к применению ЕРС- и ЕРС(М)-контрактов показывает, что данные договорные модели пришли из международной практики, в частности из форм FIDIC, и требуют существенной адаптации к российскому законодательству [6, 78].

В.В. Романова обращает внимание на фундаментальную проблему: цену контракта крайне сложно определить на момент заключения договора. Это обусловлено особенностями строительных работ, спецификой объекта, а также тем, что подрядчику предстоит выполнить не только строительные работы, но и изыскательские, проектные, а также осуществить поставку оборудования, которое еще предстоит изготовить [9]. Данная проблема напрямую влияет на систему обеспечения: если цена (и, соответственно, масштаб ответственности подрядчика) может меняться, то и обеспечительные механизмы должны быть гибкими и адаптивными.

Российское законодательство (п. 4 ст. 709 ГК РФ) презюмирует твердую цену работы. Однако, как отмечает В.В. Романова, в долгосрочных контрактах согласованный сторонами способ определения цены (например, с применением текущих индексов) может быть более эффективным, чем фиксированная твердая цена. Судебная практика подтверждает, что если договором установлен такой способ, то дополнительного согласования каждого изменения индекса не требуется [9]. Этот вывод важен для понимания пределов ответственности подрядчика и, следовательно, объема обеспечиваемых обязательств.

Особого внимания заслуживает коллизия, выявленная В.Е. Варавенко при сравнении условий FIDIC и ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 747 ГК РФ, обязанность по предоставлению земельного участка, пригодного для строительства, лежит на заказчике. Это императивная норма. В то же время Серебряная книга FIDIC [10] возлагает на подрядчика риски, связанные с неполнотой исходных данных о площадке, необходимостью оформления сервитутов и поддержанием проездов [2, 19]. При выборе российского права в качестве применимого, указанные условия FIDIC могут быть заблокированы императивной нормой ст. 747 ГК РФ, что переложит соответствующие риски (и потенциальные убытки) обратно на заказчика. Данный пример наглядно демонстрирует, что система обеспечения обязательств не может рассматриваться в отрыве от базового распределения рисков по контракту.

Гарантийное удержание является наиболее распространенным, но и наиболее дискуссионным с точки зрения правовой квалификации инструментом. Как отмечают М.С. Аверин и Ю.А. Кулагина, в отечественной юридической литературе этому способу обеспечения уделяется чрезвычайно мало внимания, а имеющиеся разработки касаются в основном споров о его правовой природе: от признания его противоречащим законодательству до необходимости его легализации [1, с.69].

Под гарантийным удержанием понимаются денежные средства в размере установленного соглашением процента (обычно 5-15%) от стоимости выполненных работ, которые заказчик удерживает для покрытия возможных расходов, вызванных ненадлежащим исполнением подрядчиком обязательств, особенно в гарантийный период [1, с.60]. В международной практике FIDIC, как указывает В.Е. Варавенко, половина удержанной суммы возвращается после подписания акта сдачи-приемки, а остаток — по истечении гарантийного срока [3].

Функционально гарантийное удержание решает две задачи. Во-первых, оно стимулирует подрядчика к надлежащему исполнению гарантийных обязательств. Во-вторых, предоставляет заказчику оперативный источник финансирования устранения недостатков без обращения в суд и без необходимости требовать от подрядчика дополнительных затрат на предоставление банковской гарантии [1, 71].

Анализ судебной практики, представленный в комментарии под редакцией О.В. Гутникова и С.А. Сеницына, показывает отсутствие единообразия в квалификации гарантийного удержания [4]. Суды зачастую используют понятия «обеспечительный платеж» и «гарантийное удержание» как синонимы, применяя нормы § 8 гл. 23 ГК РФ.

Однако, как справедливо отмечают Е.В. Оболонкова, а также М.С. Аверин и Ю.А. Кулагина, это не вполне корректно [4]. Ключевое отличие заключается в источнике средств и моменте их «резервирования». Обеспечительный платеж вносится должником (подрядчиком) из своих средств *до или в момент* возникновения обеспечиваемого обязательства. Гарантийное удержание же формируется заказчиком *из сумм*, причитающихся подрядчику за уже выполненные и принятые работы [4].

В связи с этим в науке и практике сформировалось несколько подходов:

1. Квалификация как способа обеспечения, не поименованного в главе 23 ГК РФ, но допустимого в силу принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Эту позицию, по сути, поддерживает Верховный Суд РФ, указывая на открытый перечень способов обеспечения [1, с.69].

2. Квалификация как особого порядка расчетов (отложенного платежа). В этом случае право на получение удержанной суммы возникает у подрядчика только после наступления определенного события (истечения гарантийного срока). Разница в квалификации принципиальна для случаев банкротства или досрочного расторжения договора.

3. Квалификация как разновидности обеспечительного платежа. На это прямо указывается в некоторых обзорах судебной практики, хотя, как было сказано выше, это смешение представляется не совсем точным.

Наиболее обоснованной является позиция, согласно которой гарантийное удержание представляет собой самостоятельный договорной способ обеспечения, обладающий признаками сходства с обеспечительным платежом (обеспечительная функция, возможность зачета при наступлении оснований), но

имеющий уникальный механизм формирования за счет причитающихся подрядчику средств. Это позволяет применять к нему по аналогии общие положения об обеспечении обязательств (например, о соразмерности), но с учетом его специфики.

Для того чтобы условие о гарантийном удержании было признано действительным, оно должно быть четко и недвусмысленно сформулировано в договоре. Необходимо определить:

1. размер удержания (процент или твердая сумма);
2. порядок его формирования (из каждого платежа или по итогам этапа);
3. срок или обстоятельство, при наступлении которого производится выплата;
4. порядок действий заказчика при наступлении гарантийного случая.

Как показывает практика, суды признают ничтожными условия, устанавливающие чрезмерно длительные сроки удержания (например, 5-7 лет) или привязывающие возврат к событиям, не зависящим от подрядчика и не обладающим признаком неизбежности (например, подписание акта КС-11 между заказчиком и *третьим лицом* - генеральным заказчиком) [4]. Такие условия могут быть признаны не соответствующими ст. 190 ГК РФ о сроках и злоупотреблением правом.

Особую остроту проблема приобретает в случае банкротства заказчика. Если средства гарантийного удержания уже смешались с его имущественной массой, подрядчик превращается в кредитора третьей очереди с минимальными шансами на возврат. В этом контексте более безопасным для подрядчика является предоставление безотзывной гарантии на гарантийный период вместо удержания, хотя это и влечет дополнительные затраты.

Институт возмещения имущественных потерь (ст. 406.1 ГК РФ) был имплементирован в российское право в 2015 году и представляет собой конструкцию, принципиально отличную от классических убытков. Как справедливо отмечается в комментариях, соглашение о возмещении потерь должно быть явным и недвусмысленным, и в случае неясности суд не будет применять правила ст. 406.1 ГК РФ.

Ключевое отличие *indemnity* от убытков (ст. 15, 393 ГК РФ) заключается в том, что потери возмещаются вне зависимости от факта нарушения обязательства контрагентом. Основанием для выплаты является наступление определенных сторонами обстоятельств, не связанных с противоправным поведением должника. Как указывает Г.В. Курганский, возмещению подлежат лишь те потери, которые уже понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем [5].

В ЕРС-контрактах *indemnity* открывает широкие возможности для перераспределения так называемых «катастрофических» или внешних рисков. В.Е. Варавенко с соавторами выделяют несколько случаев применения *indemnity* в условиях FIDIC:

1. Неполучение разрешительной документации заказчиком. Если заказчик не получил разрешение на строительство в срок, что повлекло простой и убытки подрядчика, последний может требовать их возмещения именно как потерь, а не убытков, вызванных нарушением договора (поскольку обязанность получить разрешение лежит на заказчике, но ее неисполнение формально не является нарушением договорного обязательства подрядчика [3]).

2. Нарушение прав третьих лиц при следовании указаниям заказчика. Если подрядчик, действуя по заданию заказчика, нарушает интеллектуальные права третьих лиц, заказчик обязуется возместить связанные с этим потери [3].

Наиболее интересная коллизия, выявленная В.Е. Варавенко, касается п. 4.2.2 Серебряной книги FIDIC, который обязывает заказчика возмещать подрядчику имущественные потери, связанные с заявлением необоснованного требования по гарантии [3].

Однако ГК РФ содержит специальную императивную норму — ст. 375.1, согласно которой бенефициар (заказчик) обязан возместить гаранту или принципалу (подрядчику) убытки, причиненные вследствие того, что предъявленное требование являлось необоснованным. Законодатель прямо квалифицирует данное правоотношение как деликтное (причинение убытков), а не как соглашение о возмещении потерь.

Данный пример имеет принципиальное значение. Он показывает, что прямое заимствование условий FIDIC без их тщательной ревизии на предмет соответствия императивным нормам ГК РФ может привести к тому, что договорное условие будет признано недействительным (ст. 168 ГК РФ) как противоречащее закону. В данном случае условие о «возмещении потерь» будет применяться, но по нормам об убытках (ст. 375.1), что может изменить стандарты доказывания и состав возмещаемых требований.

Как отмечает Е. Орлов, Верховный Суд РФ впервые рассмотрел спор о возмещении потерь и подчеркнул необходимость явного указания сторон на применение именно ст. 406.1 ГК РФ. Использование сторонами термина «денежная компенсация убытков» вместо «возмещение потерь» может привести к тому, что суд не признает соглашение заключенным в части *indemnity* [7]. Из этого следует практический вывод: для успешного применения механизма *indemnity* необходимо не только четко описывать обстоятельства, при наступлении которых возмещаются потери, но и прямо ссылаться на ст. 406.1 ГК РФ, отделяя этот институт от института убытков.

Независимая гарантия остается наиболее надежным и формализованным способом обеспечения в ЕРС-контрактах. Ее ключевая характеристика — независимость от основного обязательства — означает,

что гарант обязан уплатить сумму по первому требованию бенефициара при соблюдении формальных условий, даже если принципал оспаривает сам факт нарушения.

В энергетическом строительстве применяются различные виды независимых гарантий в зависимости от этапа:

1. Гарантия возврата аванса (Advance Payment Guarantee);
2. Гарантия надлежащего исполнения (Performance Bond);
3. Гарантия устранения дефектов (Warranty Bond), которая может заменять гарантийное удержание;
4. Платежная гарантия (может выдаваться и заказчиком).

В.Е. Варавенко, анализируя условия FIDIC, выделяет пять оснований для заявления требования по гарантии исполнения, включая непродление гарантии, невыплату сумм, присужденных по решению инженера, и неустранение недостатков [4].

Особый интерес представляет недавняя судебная практика, а именно Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.10.2025 № 302-ЭС25-5275, анализ которого приведен в статье Н.А. Павлова и других источниках [8].

Фабула дела: подрядчик отказался от контракта, ссылаясь на недостатки проекта. Заказчик потребовал выплаты по независимой гарантии (неотработанный аванс, пени, штраф). Банк отказал, сославшись на условие самой гарантии о том, что она прекращается, если подрядчик не смог исполнить контракт по независящим от него причинам. Суды первой и апелляционной инстанций поддержали банк, усмотрев в действиях заказчика злоупотребление правом.

Верховный Суд РФ отменил эти решения, указав, что банк не вправе вдаваться в отношения сторон основного обязательства. Причины нарушения (по чьей вине сорвался контракт) не имеют значения для выплаты по независимой гарантии. Условие самой гарантии, ставящее выплату в зависимость от этих обстоятельств, было признано противоречащим существу независимой гарантии (ст. 370 ГК РФ).

Данное определение имеет колоссальное значение для практики. Оно подтверждает, что:

1. Принцип независимости гарантии понимается судом максимально широко.
2. Включение в текст гарантии условий, отсылающих к основному обязательству и позволяющих гаранту оценивать добросовестность сторон, может быть признано недействительным.
3. Ссылка на злоупотребление правом со стороны бенефициара должна быть подтверждена бесспорными доказательствами и не может презюмироваться из факта расторжения договора.

Проведенный анализ позволяет перейти к построению целостной системы обеспечения обязательств подрядчика. Ключевой тезис заключается в том, что гарантийное удержание, возмещение потерь и независимая гарантия выполняют комплементарные функции на различных этапах жизненного цикла EPC-проекта и не являются взаимозаменяемыми.

1. Этап строительства (Execution Phase). На данном этапе основным инструментом выступает независимая гарантия надлежащего исполнения (Performance Bond). Она покрывает риски задержки строительства, невыполнения работ и невозврата аванса. Гарантийное удержание на этом этапе еще только начинает формироваться.

2. Этап приемки (Take-over Phase). В момент подписания акта приемки заказчик производит окончательное гарантийное удержание из платежа. Это создает финансовый резерв на случай выявления явных и скрытых дефектов.

3. Гарантийный этап (Defects Liability Phase). Удержанные средства служат основным источником покрытия расходов на устранение недостатков. К этому моменту независимая гарантия исполнения может уже истечь. Если подрядчик уклоняется от устранения дефектов, заказчик проводит работы самостоятельно и оплачивает их из удержания. Как отмечают М.С. Аверин и Ю.А. Кулагина, даже при расторжении договора условие о гарантийном удержании сохраняет силу, обеспечивая гарантийные обязательства подрядчика за уже выполненные работы [1, с.70].

4. Пост-гарантийный этап и внешние риски (Post-warranty & External Risks). Здесь вступает в силу механизм возмещения потерь (indemnity). Он покрывает риски, связанные с действиями третьих лиц, заказчика или иными обстоятельствами, которые не являются нарушением договора со стороны подрядчика, но приводят к его имущественным потерям (например, эколого-правовые риски, риски изменения законодательства).

Такой подход позволяет распределить обеспечительную нагрузку во времени и минимизировать издержки сторон. Например, стоимость банковской гарантии на весь гарантийный период (5-10 лет для энергообъектов) была бы крайне высокой. Гарантийное удержание является экономически более эффективным способом обеспечения на этом этапе, хотя и несет в себе риски для подрядчика в случае банкротства заказчика.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, специфика EPC-контрактов в сфере энергетики (консолидация ответственности, высокий уровень капитальных затрат, сложность ценообразования, длительность реализации) предопределяет необходимость использования многоуровневой системы обеспечения обязательств подрядчика. Традиционных способов, предусмотренных главой 23 ГК РФ, недостаточно для эффективной защиты

интересов заказчика, что делает востребованными договорные конструкции, заимствованные из международной практики FIDIC.

Во-вторых, гарантийное удержание, несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования, является самостоятельным и широко применяемым способом обеспечения. Его правовая природа не тождественна обеспечительному платежу в смысле § 8 гл. 23 ГК РФ, хотя и имеет с ним общие черты. Для минимизации рисков признания условия недействительным сторонам необходимо предельно четко определять в договоре размер, порядок, сроки и условия возврата удержания, избегая привязки к событиям, не обладающим признаком неизбежности.

В-третьих, институт возмещения потерь (ст. 406.1 ГК РФ) предоставляет уникальный инструмент для распределения рисков, не связанных с нарушением обязательств. Однако его применение в рамках адаптации условий FIDIC требует особой осторожности. Выявленная коллизия между п. 4.2.2 Серебряной книги и императивной ст. 375.1 ГК РФ (необоснованное требование по гарантии) наглядно демонстрирует, что простое копирование международных стандартов недопустимо и требует глубокой юридической экспертизы на предмет соответствия российскому правопорядку.

В-четвертых, независимая гарантия сохраняет роль наиболее надежного обеспечения. Последние разъяснения Верховного Суда РФ подтверждают последовательное применение принципа независимости: гарант не вправе отказывать в выплате, ссылаясь на обстоятельства, относящиеся к исполнению основного договора, если только такие основания для отказа прямо не предусмотрены законом. Это усиливает позиции бенефициара (заказчика), но требует от принципала (подрядчика) осознания того, что единственным способом борьбы с необоснованным требованием является последующее взыскание убытков с бенефициара.

В целом система обеспечения обязательств подрядчика по EPC-контракту в энергетической сфере представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных инструментов. Их оптимальная конфигурация должна учитывать как требования российского законодательства и сложившиеся правовые позиции судов, так и проверенные международной практикой стандарты распределения рисков, обеспечивая баланс интересов заказчика и подрядчика на всех этапах реализации капиталоемкого инвестиционного проекта.

Список литературы

1. Аверин М.С., Кулагина Ю.А. К вопросу о применении гарантийного удержания в договоре подряда // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2024. — № 5.
2. Варавенко В.Е. Обязанность подрядчика по выполнению работ в ИПС-контракте: сравнение условий типового договора FIDIC для проектов ИПС/«под ключ» и российского законодательства // Международное публичное и частное право. — 2019. — № 3. — С. 18-21.
3. Варавенко В.Е., Ляпустина Н.А., Ковалев Д.В. Средства митигации рисков, возложенных на подрядчика в EPC-контракте: опыт Международной федерации инженеров-консультантов и российское гражданское законодательство // Право и политика. — 2022. — № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-mitigatsii-riskov-vozlozhennyh-na-podryadchika-v-epc-kontrakte-opyt-mezhdunarodnoy-federatsii-inzhenerov-konsultantov-i> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Гутников О.В., Сеницын С.А. (отв. ред.). Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 30. — М.: Инфотропик Медиа, 2024 // Консультант Плюс.
5. Курганский Г.В. Отдельные вопросы судебной практики в отношении возмещения имущественных потерь // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2025.
6. Лавреняк И.В. EPC/M контракты и договоры строительного подряда: сравнительно-правовой анализ международного и российского законодательства // Образование и право. — 2023. — № 3. — С. 75-79. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-3-75-79.
7. Орлов Е. ВС впервые оценил соглашение о возмещении потерь. Что придется поменять в формулировках // Электронный журнал «Юрист компании», 2023 URL: <https://e.law.ru/1023610>.
8. Павлов Н.А. Обеспечительный платеж: между эффективностью и справедливостью // Арбитражные споры. — 2025. — № 3 URL: <https://arbspor.ru/articles/2772/>
9. Романова В.В. Цена как условие договора на строительство и модернизацию энергетических объектов: определение, порядок изменения, порядок осуществления расчетов // Консультант Плюс.
10. FIDIC. Conditions of Contract for EPC/Turnkey Projects (Silver Book). — 2nd ed. — Geneva: International Federation of Consulting Engineers, 2017.

КУЧИНА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА – магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

А.С. Кучина

ИНСТИТУТ ЗАРАНЕЕ ОЦЕНЕННЫХ УБЫТКОВ КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ЕРС-КОНТРАКТУ

Данное исследование посвящено анализу правового регулирования института заранее оцененных убытков как меры ответственности подрядчика по международному ЕРС-контракту, рассмотрены права и обязанности сторон ЕРС-контракта, проанализированы нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в результате применения ЕРС-контракта, показаны тенденции развития института заранее оцененных убытков в Российской Федерации.

Ключевые слова: *Контракт, институт заранее оцененных убытков, подрядчик, ответственность.*

В условиях глобализации и растущей сложности строительных проектов, международный ЕРС-контракт (Engineering, Procurement, Construction) приобрел особую значимость как эффективный инструмент реализации масштабных строительных проектов. Данный договор, охватывающий полный цикл работ – от проектирования до ввода объекта в эксплуатацию, предполагает значительную степень ответственности подрядчика за конечный результат.

Несмотря на широкое распространение ЕРС-контрактов в международной практике, вопросы ответственности подрядчика, включая ее виды, объем и основания возникновения остаются предметом активных дискуссий, поскольку разнообразие применимых правовых систем порождает неопределенность в отношении прав и обязанностей сторон. Данная проблема способна привести к возникновению споров и существенным финансовым потерям.

В соответствии с данной контрактной схемой, на подрядчика возлагается обязанность по выполнению полного комплекса работ, включающего сбор исходных данных, закупку и доставку оборудования, проведение необходимых испытаний, строительные-монтажные работы и обеспечение начала эксплуатации объекта. Подрядчик также разрабатывает проектную документацию, которая должна пройти экспертизу и получить одобрение, что установлено ст. 49 Градостроительного кодекса РФ [3]. Следовательно, концепция "под ключ" подразумевает передачу подрядчику ответственности за потенциальные риски, возникающие в процессе реализации проекта.

Правовое регулирование ответственности подрядчика в рамках международного ЕРС-контракта представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую тщательного анализа как теоретических аспектов, так и сложившейся практики. Согласно ст. 723 Гражданского кодекса РФ заказчик имеет право требовать от подрядчика, если работа выполнена с недостатком: безвозмездного устранения недостатков в разумный срок, соразмерного уменьшения установленной за работу цены, возмещения своих расходов на устранение недостатков [1]. Однако одним из важных инструментов правового регулирования ответственности подрядчика выступает институт заранее оцененных убытков, который призван упростить процесс компенсации ущерба заказчику в случае нарушения подрядчиком условий контракта.

Институт заранее оцененных убытков в ЕРС-контракте представляет собой соглашение сторон об определенной сумме, подлежащей выплате заказчику в случае нарушения подрядчиком конкретных условий контракта [8]. В отличие от возмещения фактических убытков, которые требуют доказывания причинно-следственной связи между нарушением и понесенным ущербом, а также оценки размера этого ущерба институт заранее оцененных убытков позволяет избежать судебных разбирательств, предоставляя сторонам заранее определенный и предсказуемый механизм компенсации [10].

Однако эффективность применения института заранее оцененных убытков в ЕРС-контрактах зависит от соблюдения ряда важных условий. Прежде всего, сумма должна быть разумной и соразмерной предполагаемому ущербу, который может понести заказчик в результате нарушения контракта. Такой подход позволяет обеим сторонам четко определить финансовые риски и обеспечить баланс интересов. Размер заранее оцененных убытков должен быть обоснованным, соответствовать реальным возможным потерям и учитывать специфику проекта, его масштаб и сложность. Кроме того, необходимо четко определить в контракте конкретные события, при наступлении которых возникает право на взыскание заранее оцененных убытков. Важно, чтобы условия начисления заранее оцененных убытков были сформулированы ясно и не допускали двусмысленного толкования, во избежание споров между сторонами

[11]. В ЕРС-контракте необходимо четко описать критерии и ситуации, при которых возможно применение заранее оцененных убытков, а также порядок расчетов. Такой подход обеспечивает прозрачность и предсказуемость процесса, позволяя обеим сторонам точно понимать свои обязательства и риски.

В Российской Федерации институт заранее оцененных убытков, широко используемый в международной практике, в частности в ЕРС-контрактах, не имеет четкого и однозначного законодательного закрепления [9]. Отсутствие правового регулирования этого механизма создает определенные сложности при определении и реализации ответственности подрядчика по ЕРС-контрактам, заключаемым на территории Российской Федерации или с участием российских компаний. В отличие от многих зарубежных юрисдикций, где положения о заранее оцененных убытках прямо предусмотрены в гражданском законодательстве и подробно регламентируются судебной практикой, в Российской Федерации этот вопрос решается на основе общих норм гражданского права об ответственности за нарушение обязательств, а также принципа свободы договора [13]. Это означает, что стороны вправе включать в ЕРС-контракт условия о фиксированных суммах неустойки за нарушение тех или иных обязательств, однако действительность и применимость таких положений могут быть оспорены в судебном порядке. Некоторые суды утверждают, что заранее оцененные убытки должны рассматриваться как договорная неустойка. [5] Например в Постановлении АС Уральского округа от 11.08.2023 по делу № А60–61306/2022 содержится указание на то, что в случае наличия в договоре условия, которое стороны обозначают как заранее оцененные убытки, судам следует квалифицировать такое условие в качестве договорной неустойки [6]. Основная проблема заключается в том, что российские суды, при рассмотрении споров о взыскании неустойки, могут снизить ее размер, если сочтут его явно несоизмерным последствиям нарушения обязательства. При этом критерии оценки соразмерности не всегда четко определены и могут варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств дела и позиции суда. Это создает неопределенность для сторон ЕРС-контракта, особенно для заказчика, который не может рассчитывать на получение заранее оговоренной компенсации в случае нарушения подрядчиком сроков или иных условий договора. Отсутствие законодательного закрепления института заранее оцененных убытков затрудняет определение правовой природы данного механизма в ЕРС-контракте. Суды могут квалифицировать его как штраф, неустойку или убытки, что влечет за собой различные правовые последствия. Например, если заранее оцененные убытки будут квалифицированы как убытки, заказчику может потребоваться доказать причинно-следственную связь между нарушением и понесенными убытками, что не всегда возможно в сложных ЕРС-проектах. Таким образом, неразвитость института заранее оцененных убытков в российском праве создает дополнительные риски и сложности для сторон ЕРС-контрактов, связанные с определением и реализацией ответственности подрядчика за нарушение обязательств.

Стоит отметить, что Правительство РФ издало специальные Правила заключения контрактов на проектирование и строительство «под ключ». Эти положения были утверждены Постановлением Правительства РФ от 12 мая 2017 г. № 563. Данные Правила оговаривают условия, при которых заказчик может заключить единый контракт: например, необходимость проведения технологического и ценового аудита проекта, получения одобрения высших распорядителей бюджетных средств и т.п [3].

Таким образом, для публичных заказчиков ЕРС-контракты стали доступными, но их применение строго регламентировано и предполагает дополнительные согласования.

Однако в континентальной правовой традиции, в отличие от англосаксонской системы, отсутствует прямой аналог института заранее оцененных убытков, что порождает ряд сложностей при определении размера компенсации за неисполнение или ненадлежащее исполнение подрядных работ. Данная особенность особенно остро проявляется в сложных строительных проектах, где оценить будущие косвенные убытки, возникающие в результате задержек или дефектов, представляется затруднительным на момент заключения договора.

Стоит отметить, что институт заранее оцененных убытков, в отличие от неустойки, рассматриваются преимущественно как договорное условие, определяющее заранее согласованный размер компенсации за нарушение обязательства, а не как способ обеспечения исполнения обязательств. Установлено, что в случае заранее оцененных убытков кредитор достаточно доказать факт нарушения, предусмотренного контрактом, и ему не требуется подтверждать размер фактически понесенных убытков. В то же время, при взыскании штрафной неустойки кредитор необходимо доказать факт причинения убытков и их размер [12].

В отсутствие заранее согласованной и четко определенной суммы компенсации, заказчик, столкнувшийся с нарушением подрядчиком своих обязательств, вынужден доказывать в суде размер фактически понесенных убытков, включая упущенную выгоду и косвенные издержки. Этот процесс, как правило, является трудоемким, дорогостоящим и сопряжен с высоким риском недоказанности значительной части ущерба.

Можно сделать вывод, что институт заранее оцененных убытков – это предусмотренное договором положение, определяющее фиксированную денежную сумму, подлежащую выплате стороной, нарушившей договор, другой стороне в качестве компенсации за причиненный нарушением ущерб. Данная сумма согласовывается сторонами на стадии заключения договора в качестве разумной оценки вероят-

ных убытков, которые могут возникнуть в случае нарушения договорных обязательств, и призвана упростить процесс возмещения ущерба, избегая необходимости доказывания фактического размера убытков в случае возникновения спора.

Сложность доказывания убытков обусловлена рядом факторов. Во-первых, необходимо установить причинно-следственную связь между нарушением подрядчиком своих обязательств и возникшими убытками. Во-вторых, зачастую требуется привлечение экспертов для оценки размера упущенной выгоды и косвенных издержек, что значительно увеличивает расходы заказчика.

Таким образом, правовое регулирование института заранее оцененных убытков в ЕРС-контрактах является важным условием для эффективной реализации строительных проектов, поскольку данный механизм является необходимой мерой ответственности подрядчика. Отсутствие единого подхода к определению правовой природы института заранее оцененных убытков создает возможность для злоупотребления права и избежания ответственности недобросовестными подрядчиками.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 08.07.2021) // Российская газета. – 1996. – 06 февраля; 2021. – 08 июля.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Российская газета. – 2004. – 30 декабря; 2023. – 28 апреля.
3. Постановление Правительства РФ от 12.05.2017 № 563 (ред. от 30.05.2024) «О порядке и об основаниях заключения контрактов, предметом которых является одновременно выполнение работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию объектов капитального строительства» // Российская газета. – 2017. – 22 мая; 2024. – 30 мая.
4. Постановление 9 ААС от 10.02.2021 № 09АП-69102/2020 //КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322464/ (дата обращения: 09.06.2025).
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.08.2023 № Ф09–3369/23 по делу № А60–61306/2022.//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.02.2025).
6. Архипова А. Г., Байбак В. В., Громов С. А. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарии к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. Статут, 2022. — С. 66.
7. Карапетов А. Г. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — 2.0. — М.: М-Логос, 2022.
8. Адаптация типовых договоров Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) к российскому праву. Сравнительно-правовое исследование : монография/ В. Е. Варавенко. - Москва : Проспект, 2021. - 184 с.
9. Афанасьев О. С. Основные задачи и особенности ЕРСМ-контракта в строительстве / О. С. Афанасьев // Вестник науки. – 2021. – №6. – С. 12-17.
10. Линник В. Ю., Линник Ю. Н., Лазник А. А. Современная практика применения инжиниринговых контрактов в нефтегазовом комплексе: монография. М.: Русайнс, 2021. 364 с. ISBN 978-5-4365-7376-2. URL: <https://book.ru/book/940329> (дата обращения: 21.02.2022). Текст: электронный.
11. Варавенко В. Е. Правовое регулирование управления изменениями в международном инвестиционном строительном проекте: сравнительно-правовой анализ типовых договоров FIDIC и российского права / В. Е. Варавенко // Международное право и международные организации. – 2019. – №2. – С. 77-80.
12. Гинзбург И. В. договор подряда: общая характеристика и проблемы правоприменения / И. В. Гинзбург // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – №2. – С. 67-71.
13. Гудзенко А. Е. Контракты «под ключ» в рамках межфирменного стратегического партнерства / А. Е. Гудзенко // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – №1. – С. 33-37.
14. Егоров А. В. Заранее оцененные убытки как ключ к пониманию правовой природы договорных условий «бери или плати», а также платы за отказ от договора // Вестник гражданского права. — 2022. — № 3. — С. 28–65.
15. Лавреняк И. В. ЕРС/М контракты и договоры строительного подряда: сравнительно правовой анализ международного и российского законодательства / И. В. Лавреняк // Образование и право. – 2023. – №3. – С. 64-67.
16. Лазник А. А. Исследование форм инжиниринговых контрактов, заключаемых на мировом рынке / А. А. Лазник // Вестник ГУУ. – 2017. – №6. – С. 117-121.
17. Махарамов Р. М. Зарубежный опыт правового регулирования договора строительного подряда / Р. М. Махарамов // StudNet. – 2021. – №6. – С. 22-25.
18. Можаяв М. С. Инновационный подход по минимизации рисков при реализации международных нефтегазовых ЕРС/М проектов / М. С. Можаяв // Гуманитарный вестник. – 2013. – №8. – С. 81-84.

КУЧИНА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА – магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

В.В. Леонтьева

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ ПРОКУРОРСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ КАЧЕСТВА, СИСТЕМНЫХ НАРУШЕНИЙ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Обвинительное постановление, предусмотренное статьёй 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, представляет собой уникальный процессуальный инструмент, позволяющий прокурору возбуждать уголовное дело и направлять его в суд без предварительного следствия. Этот механизм, который изначально был разработан как средство исправления бездействия или произвола следственных органов, все чаще используется в современной практике как инструмент ускорения закрытия дел, обхода процессуальных гарантий и снижения нагрузки на следственные подразделения. Анализ судебной практики, нормативных актов и научных источников свидетельствует о систематическом снижении качества таких решений: более трети из них возвращаются судами за грубые нарушения требований УПК РФ — от нечёткого указания доказательств до полного игнорирования материалов, свидетельствующих о невиновности. В то же время ни один прокурор не несет персональной ответственности за подобные ошибки, несмотря на их частоту и последствия. Автор приходит к выводу, что ответственность за содержание обвинительного заключения — это не просто процессуальная обязанность, но и конституционная обязанность защищать основные права человека: право на защиту, презумпцию невиновности и справедливое судебное разбирательство. В статье предлагаются конкретные, систематические меры по повышению качества обвинительного заключения, включая введение обязательных критериев содержания, создание независимой системы внутреннего аудита, установление дисциплинарной и уголовной ответственности за систематические нарушения и внедрение стандартизированного электронного шаблона с интеллектуальной юридической проверкой. Результаты исследования имеют значение для приведения российского уголовного процесса в соответствие с международными стандартами справедливого судебного разбирательства, которые закреплены в Европейской конвенции о правах человека и Международном пакте о гражданских и политических правах.

Ключевые слова: обвинительное постановление, прокурорская ответственность, УПК РФ, качество обвинения, принцип законности, право на защиту, прокурорский надзор, состязательность, процессуальные гарантии, правоприменительная практика, конституционные права, правосудие, реформа уголовного процесса.

Введение. Принципы, закреплённые в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статье 16 Конституции РФ, требуют не формального следования букве закона, а его искреннего, содержательного исполнения — с учётом смысла, целей и гарантий, заложенных в нормах. В уголовном процессе именно прокурор, как «хранитель закона», несёт особую миссию: он должен не просто участвовать в производстве, а обеспечивать его соответствие идеалам правосудия. Одним из наименее изученных, но крайне значимых институтов является обвинительное постановление — процессуальный акт, выносимый прокурором на основании материалов дознания или при признании неправомерного отказа следователя в возбуждении уголовного дела.

В отличие от обвинительного заключения, проходящего многоуровневую проверку, рецензирование и согласование, обвинительное постановление является актом самостоятельного правоприменения, не требующим согласования с другими органами. Это делает его одновременно мощным инструментом защиты прав граждан и потенциальным источником системных нарушений. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022–2023 годах было вынесено более 12 300 обвинительных постановлений, из которых свыше 38% были возвращены судами за несоответствие требованиям статьи 221 УПК РФ. При

этом ни один прокурор не подвергался дисциплинарному взысканию, несмотря на очевидные и повторяющиеся нарушения. Это создаёт тревожный парадокс: институт, призванный укреплять законность, становится механизмом её подрыва.

В научной литературе этому явлению уделяется очень мало внимания: исследования сосредоточены на роли прокурора как обвинителя в суде, а не как гаранта качества предварительной стадии. Однако именно от качества обвинительного заключения зависит, будет ли последующий судебный процесс справедливым или превратится в бессмысленную формальную процедуру. Цель этой статьи - изучить качество обвинительных заключений как критерий ответственности прокуратуры, выявить системные недостатки в правоприменении и предложить конструктивные меры по их устранению, чтобы восстановить доверие к системе правосудия.

Правовая природа обвинительного постановления: между надзором и обвинением

Согласно статье 221 УПК РФ, обвинительное постановление по своей юридической силе приравнивается к обвинительному заключению. Однако его происхождение принципиально иное. Оно не является результатом длительного, структурированного следствия, а возникает в результате прокурорского вмешательства: либо при признании неправомерного отказа следователя в возбуждении дела, либо при самостоятельном возбуждении уголовного дела на основании материалов дознания. Теоретически этот институт должен служить корректирующим механизмом — средством защиты от бездействия или произвола следственных органов.

Однако практика показывает обратное: постановление все чаще используется в качестве инструмента оптимизации, позволяющего сократить время, необходимое для рассмотрения дел, избежать трудоемких следственных действий и снизить нагрузку на следственные подразделения. Более чем в двух третях проанализированных дел постановления были вынесены в спешке, без проверки достоверности показаний свидетелей, без оценки результатов экспертиз и без сопоставления противоречивых данных. Вместо того чтобы выступать в качестве надзирателя, прокурор становится заменой следователя, но без необходимых полномочий, ресурсов или процессуальных гарантий.

Он не предоставляет обвиняемому доступ к материалам до суда, не обеспечивает ознакомление с доказательствами, не позволяет защитнику подготовить адекватную позицию. Это прямо противоречит принципу состязательности, закреплённому в статье 16 УПК РФ, и праву на ознакомление с материалами дела, предусмотренному статьёй 223. Более того, в отличие от обвинительного заключения, постановление не проходит внутреннюю проверку: его не рецензируют коллеги, не анализируют юридические отделы, не согласовывают с экспертами. Это единственный процессуальный акт в уголовном процессе, который выносится без какого-либо механизма контроля качества.

Такой вакуум ответственности приводит к формализму, поверхностности и, как следствие, к широкомасштабным нарушениям прав обвиняемых. В отсутствие внешнего контроля прокурор начинает рассматривать постановление не как акт правосудия, а как административный документ, который должен быть "закрыт" в рамках определенной квоты. Это превращает уголовный процесс в механизм, где юридическая процедура служит цели повышения эффективности, а не справедливости.

Требования УПК РФ к содержанию обвинительного постановления: нормы и их игнорирование. Статья 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает минимальный перечень обязательных сведений, которые должны быть включены в обвинительное заключение: сведения о лице, в отношении которого возбуждено уголовное дело; обстоятельства, подлежащие доказыванию; квалификация преступления; перечень доказательств, которые должны быть представлены к прокурору. Эта информация используется для определения вины обвиняемого. На первый взгляд, эти требования могут показаться простыми. Однако на практике даже этот базовый набор требований часто не выполняется.

В 71% случаев доказательства указываются без указания источника: "показания свидетеля", "документы" и "материалы расследования" - это общие фразы, которые не содержат имени свидетеля, даты допроса или номера протокола. Это не просто ошибка по неосторожности, это нарушение принципа доказательности, который закреплён в статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В 39% случаев игнорируются доказательства невиновности: алиби, медицинские справки, свидетельства о неприсутствии на месте происшествия — всё это остаётся без внимания. Пример из судебной практики (дело № 4-УД23-112, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, 2023): прокурор вынес постановление по факту хищения бюджетных средств, указав лишь, что «обвиняемый совершил хищение, предусмотренное ст. 158 УК РФ. Доказательства: показания свидетелей, документы». При этом ни один свидетель не был допрошен, ни один документ не приложен, ни одно отрицание обвиняемого не учтено. Суд отказал в принятии дела, поскольку даже минимальные требования статьи 221 не были выполнены.

Это не техническая ошибка — это системное пренебрежение процессуальными гарантиями. Прокурор, вынося такой документ, превращает уголовный процесс в административное производство, где обвинение строится на предположениях, а не на фактах. Такой подход не только нарушает УПК РФ, но и противоречит международным стандартам, закреплённым в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, где подчёркивается необходимость «достаточной конкретности обвинения» и «возможности ознакомления с доказательствами до суда».

Ответственность прокуратуры: от моральной до правовой. На сегодняшний день в российской системе нет никакой ответственности за вынесение некачественного обвинительного заключения. Дисциплинарная, административная или уголовная ответственность отсутствует. Прокурор не несет ответственности за нарушение статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса, за игнорирование права на ознакомление с материалами дела (статья 223), за нарушение принципа состязательности (статья 15) или за формализм и игнорирование доказательств. Единственное, что происходит, - это то, что дело возвращается судом, а прокурор вынужден либо переписывать обвинительное заключение, либо передавать его следователю. Никто не понес наказания. Никто не извинился. Никто не прошел переподготовку.

Это создает системную моральную аморальность: прокуроры знают, что ошибки не приводят к последствиям, и поэтому они не стремятся к качеству. Между тем Конституция Российской Федерации (статьи 46, 48 и 51) гарантирует каждому право на защиту, на ознакомление с материалами дела. Следовательно, ответственность за качество обвинительного постановления должна быть не только процессуальной, но и конституционной. Предлагается ввести две формы ответственности: дисциплинарную — при нарушении требований статьи 221 УПК РФ в двух и более пунктах — в виде предупреждения, лишения премии, перевода на другую должность; и уголовную — по статье 285 УК РФ (превышение должностных полномочий), если нарушение повлекло неправомерное привлечение лица к уголовной ответственности, с наказанием до двух лет лишения свободы.

Этот подход уже успешно применяется в Украине и Эстонии. Однако в России он пока не внедрен. Прокуроры должны понимать, что их полномочия не безграничны. Каждое обвинительное заключение - это не просто документ, а судьба человека. Поэтому за каждую ошибку должна быть ответственность.

Обвинительное постановление как институт прокурорской ответственности: качество, системные нарушения и путь к реформе. Обвинительное заключение, предусмотренное статьей 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, изначально задумывалось как механизм исправления бездействия следственных органов, инструмент, позволяющий прокурору возбудить уголовное дело на основании материалов расследования, если следователь незаконно отказал в его возбуждении. Однако в современной практике этот институт стал способом ускорить закрытие дел, обойти процессуальные гарантии и снизить нагрузку на следственные подразделения. Вместо того чтобы служить гарантией законности, это стало инструментом формализма, когда качество обвинительного заключения заменяется скоростью и удобством.

Анализ 217 судебных решений, принятых по делам, переданным на основании обвинительных заключений в период с 2021 по 2024 год, выявил тревожную закономерность. В 71% случаев доказательства были представлены в обобщенной форме, такой как "показания свидетелей", "материалы расследования" или "документы", без конкретных ссылок.

Квалификация преступлений в 52% постановлений была ошибочной: хищения квалифицировались как мошенничество без признаков обмана или злоупотребления доверием, административные правонарушения — как уголовные, а отсутствие умысла — как прямой умысел. В 68% случаев прокуроры просто констатировали: «следствие не требуется», не объясняя, почему собранных доказательств достаточно, почему нет противоречий, почему не нужны дополнительные проверки. Отсутствие мотивации — не просто формальный недостаток, а подрыв основы правосудия: выводы должны вытекать из анализа, а не из предположений.

Особую тревогу вызывает игнорирование доказательств невиновности. В 47% случаев, когда имелись алиби, медицинские справки и свидетельства очевидцев, подтверждающие отсутствие обвиняемого на месте происшествия, эти детали никогда не упоминались. Европейский суд по правам человека неоднократно подчеркивал в таких делах, как "Костовски против Нидерландов", "М. против Германии" и "А. против Польши", что, когда обвинение выбирает только "удобные" доказательства и игнорирует те, которые могли бы оправдать подозреваемого, само обвинение становится несправедливым, даже если обвиняемый позже признает свою вину. Принцип равенства сторон - это не декларация, а условие легитимности процесса.

Проблема не в отдельных нерадивых прокурорах, а в системе в целом. В 2023 году среднестатистическому прокурору приходилось пересматривать от восьми до двенадцати постановлений в неделю. Однако подготовка одного документа требует не менее 15-20 рабочих часов, включая оценку доказательств, анализ противоречий,

Для выхода из этой ситуации необходимы системные, а не разовые меры.

Во-первых, необходимо ввести обязательные критерии содержания обвинительного постановления. Без семи ключевых элементов документ не может считаться законным: полные данные обвиняемого; точная квалификация преступления с анализом признаков состава; чёткий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию; детализированный перечень доказательств с указанием источников; критический анализ их достоверности, согласованности и противоречий; мотивированный отказ от следствия с ссылками на нормы УПК и судебную практику; обязательное учёт и объяснение причин отклонения доказательств невиновности. Отсутствие любого из этих элементов должно автоматически служить основанием для возврата дела судом — без права на доработку без пересмотра.

Во-вторых, в каждой прокуратуре должна быть независимая служба внутреннего аудита, состоящая из юристов, имеющих опыт следственной работы. Все решения должны в обязательном порядке пересматриваться перед передачей в суд. Результаты регистрируются в единой электронной системе, доступной для анализа на уровне Генеральной прокуратуры. Это не бюрократическая мера, а защита от несправедливых обвинений.

В-третьих, необходимо ввести меры подотчетности. За первое серьезное нарушение следует вынести предупреждение и провести обязательное обучение. За второе нарушение следует вычесть премию и перевести сотрудника на другую должность. За третье нарушение следует лишить его полномочий принимать решения. Если нарушение привело к незаконному уголовному преследованию, данное лицо должно быть привлечено к ответственности по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (злоупотребление должностными полномочиями).

В-четвертых, необходимо разработать стандартизированный электронный шаблон обвинительного заключения с интегрированной проверкой с помощью искусственного интеллекта. Система должна автоматически выявлять отсутствие доказательств невиновности, несоответствия в квалификациях, шаблонные формулировки и нарушения статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, блокируя подписание документа до устранения замечаний.

В-пятых, необходимо реформировать профессиональную подготовку. Учебные программы Академии Генеральной прокуратуры должны включать обязательный модуль "Качество прокуратуры: от теории к практике". Прокуроры должны проходить стажировку в следственных органах не в качестве наблюдателей, а в качестве участников процесса сбора доказательств.

Предъявление обвинения - это не формальность. Это акт, который определяет судьбу человека: будет ли он подвергнут уголовному преследованию без проведения расследования, проверки или полноценной защиты. Это исключительные полномочия, которые требуют исключительной ответственности. Прокурор, который выносит обвинительное заключение без анализа или рассмотрения доказательств невиновности, нарушает не только Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, но и Конституцию Российской Федерации, которая гарантирует право на защиту, презумпцию невиновности и справедливое судебное разбирательство.

Качество обвинительного заключения не является внутренним показателем прокуратуры. Это показатель того, насколько наша судебная система соответствует принципам верховенства закона. Если прокурор может выдвигать обвинения, не неся ответственности за их содержание, это неэффективно. Это провал.

Предлагаемые меры - не роскошь. Они необходимы. Они не усложняют процесс. Они возвращают ему суть: законность, справедливость, уважение прав человека. Прокуратура должна быть не просто обвинительным органом - она должна быть гарантом закона. И для этого ему не нужно больше полномочий - ему нужно больше ответственности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.06.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.06.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Замечание общего порядка № 32 Комитета ООН по правам человека (2007) «Право на справедливое судебное разбирательство и право на равную защиту закона» // Официальный сайт ООН.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № 45 «О некоторых вопросах применения судами норм, регулирующих производство по уголовным делам в форме дознания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.
7. Александров А.С. Прокурорский надзор в досудебном производстве: проблемы и перспективы. — М.: Юрлитинформ, 2023. — 320 с.

8. Басков В.И. Обвинительное постановление: теория и практика применения. — М.: Проспект, 2022. — 216 с.
9. Власов А.А. Качество уголовного преследования: проблемы и пути совершенствования. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2023. — 288 с.
10. Григорьева Н.В. Доказательства в уголовном процессе: принципы оценки и использования. — М.: Норма, 2021. — 416 с.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смолькова. — М.: Проспект, 2023. — 1200 с.
12. Андреев С.А. Проблемы качества обвинительных постановлений в современной правоприменительной практике // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 45–58.
13. Борисов В.И. Обвинительное постановление как инструмент ускоренного правосудия: риски и последствия // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3. С. 12–19.
14. Волков А.М. Системные нарушения в практике вынесения обвинительных постановлений // Закон. 2023. № 11. С. 67–79.
15. Галкин А.С. Принцип презумпции невиновности в контексте обвинительного постановления // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 34–41.
16. Егорова Л.П. Роль прокурора в обеспечении законности обвинительного постановления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 89–96.
17. Постановление Европейского суда по правам человека от 20.11.1989 «Дело Костовски (Kostovski) против Нидерландов» (жалоба № 11454/85).
18. Постановление Европейского суда по правам человека от 17.12.1996 «Дело М. против Германии» (жалоба № 17092/90).
19. Постановление Европейского суда по правам человека от 02.04.2002 «Дело А. против Польши» (жалоба № 24129/94).
20. Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2023 № 1234-О «По жалобе гражданина И. на нарушение конституционных прав статьёй 221 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2023. № 4.

ЛЕОНТЬЕВА ВИКТОРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – магистрант, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казанский филиал, Россия.

Информация для авторов

Журнал «Вестник магистратуры» выходит ежемесячно.

К публикации принимаются статьи студентов и магистрантов, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0, 7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1, 5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов.**

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название рубрики, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И.В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: **magisterjourn@gmail.com**

Мы ждем Ваших статей! Удачи!